

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 1 (11)

Academic Journal

Series:

Political Science. History. International Relations.
Area Studies. Oriental Studies

Moscow
2018

ВЕСТНИК РГГУ

№ 1 (11)

Научный журнал

Серия
«Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Москва
2018

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валье, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтис (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Редакционная коллегия серий

А.П. Логунов, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), С.В. Клягин, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.И. Журавлева, зам. гл. ред., д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.Б. Антонова, канд. пед. н., проф. (РГГУ), Л.А. Халилова, канд. филол. н., проф. (РГГУ), Н.А. Борисов, канд. полит. н., доц. (РГГУ), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), М.Н. Грачев, д-р полит. н., канд. филос. н., проф. (РГГУ), А.В. Гушин, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), Е.С. Мелкумян, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (РГГУ), В.С. Мирзеханов, д-р ист. н. (ИВИ РАН), П. Руггенталер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), Е.Ю. Сергеев, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), А. Филлер (Ун-т Париж-VIII), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Б. Штельцель-Маркс (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), Е.Н. Жукова, отв. секретарь, канд. полит. н. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: Е.А. Алексеева, В.И. Журавлева, д-р ист. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, канд. ист. н., проф. (РГГУ), А.С. Панов, ассистент (РГГУ), Л.А. Халилова, канд. филол. н., проф. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

В. С. Мирзеханов

Демократия и демократический транзит в исторической ретроспективе	7
--	---

С. М. Маркедонов

Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства	24
---	----

Международные отношения: история и социокультурная практика

О. V. Pavlenko

1938/39 in Soviet and Russian historiography and historical memory	41
--	----

В. К. Шаццло

Революционная агитация среди военнопленных русской армии в Японии в 1904–1906 гг.	56
---	----

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

Е. И. Медяник

Взаимодействие России и Китая в области подготовки бакалавров и магистров	68
--	----

О. А. Хлопов

Новые подходы в энергетической стратегии администрации Д. Трампа и их влияние на внешнюю политику США	87
--	----

В. В. Трухачев

Дебаты о России на выборах в Чехии 2017–2018 гг.	101
---	-----

А. А. Пивоваренко

Трансформация, стабилизация или консервация: политический кризис 2014–2017 гг. в Юго-Восточной Европе	116
--	-----

А. В. Девятков

Молдова: вечное движение к стабильности	136
---	-----

И. А. Баскакова

Транзит власти в Казахстане: новые подходы Астаны	149
---	-----

CONTENTS

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

- V. S. Mirzekhanov*
Democracy and Democratic Transition in Historical Retrospective 7

- S. M. Markedonov*
De-facto States: the Post-Soviet Political Phenomenon 24

International Relations: History and Sociocultural Practice

- O. V. Pavlenko*
1938/39 in Soviet and Russian historiography and historical memory 41

- V. K. Shatsillo*
Revolutionary Agitation among the Russian Prisoners
of War in Japan, 1904–1906 56

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

- E. I. Medianik*
Cooperation between Russia and China in the Field
of Bachelor's and Master's Training 68

- O. A. Khlopov*
New Approaches to the Energy Strategy of Donald Trump's Administration
and Its Impact on the US Foreign Policy 86

- V. V. Trukhachev*
Disputes about Russia during the Election Campaigns of 2017–2018
in the Czech Republic 101

- A. A. Pivovarenko*
Transformation, Stabilization or Conservation:
the Political Crisis of 2014–2017 in South-Eastern Europe 116

- A. V. Devyatkov*
Moldova: Constant Move towards Stability 136

- I. A. Baskakova*
Transit of Power in Kazakhstan: Astana's New Approaches 149

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 321.7

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-7-23

Демократия и демократический транзит в исторической ретроспективе

Велихан С. Мирзеханов

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, lum62@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению сложного комплекса проблем, связанных с идеями демократии и практиками демократического транзита в зеркале Новейшей истории. Автор отталкивается от того, что утрата геополитической биполярности привела к активизации усилий по формированию нового мирового порядка, политической формой которого стала демократия. При этом современное политическое развитие идет по множеству разнонаправленных траекторий. Демократизация не является неким нормативным, однолинейным и поступательным процессом.

В работе предпринимается попытка проанализировать такие базовые понятия, как «демократия», «разумное правление», «права человека», применительно к западным обществам и выработать адекватную методологию исследования путей общественно-политического развития современных государств. Выявляются особенности правления и функционирования власти, устанавливаются формы взаимодействия социокультурной среды и политических институтов в посткоммунистических, постколониальных и посттоталитарных государствах.

© Мирзеханов В.С., 2018

Авторская переработка статьи 2003 г. [1], необходимость которой вызвана происходящими на современном этапе глубокими геополитическими трансформациями.

Делается вывод, что XXI век станет свидетелем борьбы демократических и антидемократических тенденций не только в глобальном масштабе, но и, возможно в менее драматических формах, в самих оплотах традиционной демократии.

Ключевые слова: демократия, демократический транзит, переходные общества, политические режимы, реформы

Для цитирования: Мирзеханов В.С. Демократия и демократический транзит в исторической ретроспективе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1(11): С. 7–23. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-7-23

Democracy and Democratic Transition in Historical Retrospective

Velikhan S. Mirzekhanov

*Russian Academy of Sciences Institute of World History, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Russian Academy of Sciences Institute of Scientific Information
on Social Sciences, Moscow, Russia, lum62@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of a complex set of problems related to the ideas of democracy and practices of democratic transit in the mirror of Contemporary history. The author proceeds from the fact that the loss of geopolitical bipolarity has led to the intensification of efforts to form a new world order. Democracy has become its political form. At the same time, contemporary political development follows a variety of multidirectional trajectories. Democratization is not a normative, one-line and progressive process.

The author tries to analyze such basic concepts as “democracy”, “good governance”, “human rights” in relation to the non-Western societies, and to develop an adequate methodology to study the ways of social and political development of modern States. He focuses on identifying the peculiarities of governance and the functioning of power, establishes the form of the interaction between the socio-cultural environment and the political institutions in post-Communist, post-colonial and post-totalitarian States.

It is concluded that the 21st century will witness the struggle of democratic and anti-democratic trends not only on a global scale, but perhaps – in less dramatic forms – in the very citadels of traditional democracy.

Keywords: democracy, democratic transit, transitional societies, political regimes, reforms

For citation: Mirzekhanov VS. Church Democracy and Democratic Transition in Historical Retrospective. *RSUH/ RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;1(11):7-23. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-7-23

Мировое политическое развитие многими стало трактоваться в парадигме «демократического транзита» [1–8]. Л. Даймонд назвал такую методологическую установку «телеологическим искушением» [9]. Но сегодня уже вполне очевидно, что современное политическое развитие может идти по множеству разнонаправленных траекторий. Демократизация не является неким нормативным, однолинейным и поступательным процессом.

Утрата геополитической биполярности привела к активизации усилий по формированию нового мирового порядка, политической формой которого становится демократия. В этих условиях модернизация переходных обществ оказывается под все более сильным воздействием Запада и сводится к освоению институтов и норм западной либеральной демократии. Однако процесс этот противоречив и неоднозначен, ибо ни одно из трансформирующихся обществ не в состоянии отрешиться от собственного прошлого, своих традиций и норм политической жизни [1 с. 195].

Сегодня, когда демократия навязывается как универсальная ценность, когда именно с точки зрения демократии осуществляется пересмотр характеристик политических режимов в разных частях мира, важно концептуально переосмыслить всю сложность исторического развития переходных государств.

Рубеж XX–XXI вв. отмечен драматическими событиями в мире. Повсюду – в Азии и Африке, в Европе и на постсоветском пространстве – правящие режимы столкнулись с городскими волнениями, обострением межэтнических противоречий, активизацией религиозности на политической сцене. Во многих случаях произошло крушение однопартийных систем.

В разных странах события эти протекали неодинаково. Суверенные конференции и национальные форумы, установление многопартийности и проведение выборов, имевших порой широкий резонанс, – все это вселяло большие надежды. Однако процесс демократизации сталкивается с трудностями, остается уязвимым, насилие и деспотизм все еще широко распространены [10 р. 555–556]. Политические реформы во многом были инициированы внешними акторами.

В этой связи необходимо проанализировать такие базовые понятия, как «демократия», «разумное правление», «права человека», применительно к незападным обществам и выработать адекватную методологию исследования путей общественно-политического развития современных государств. Не приписывая им какой-либо исключительности, попытаемся выявить особенности правления и функционирования власти, установить формы взаимодействия социокультурной среды и политических институтов в посткоммунистических, постколониальных и посттоталитарных государствах. Попытаемся дистанцироваться от широко распространенных теоретических моделей, претендующих на универсальность и поддерживающих парадигмы однолинейного развития (как марксистских, так и либеральных). Примем идею о том, что мир обладает разными типами скоростей (как это пытался доказать Аристотель вопреки последователям Платона). Отсюда, без сомнения, вытекает вывод, касающийся принципов изучения направлений развития «другого» мира, живущего своей жизнью, даже если в нашем понимании она представляется возмутительной и недостойной [11 р. 13, 12 р. 16–17].

Ф. Линц сделал очевидной эту мысль, приведя эпизод из воспоминаний знаменитого французского ученого-генетика Жана Бернара: «В 1989 г. он был приглашен японскими коллегами на открытие конгресса по биоэтике, где изложил идеи и взгляды Французского национального комитета по этике на проблемы пересадки органов, генетической терапии и т. п. Следующим оратором был буддийский монах высокого ранга, который начал свое выступление со слов о том, что он с большим вниманием прослушал выступление французского коллеги, но он, буддийский священник, не знает о дне своего первого рождения, впрочем, как и второго и третьего. Не имеет он представления также и о том, в каких животных вселялась его душа за время его многочисленных медитаций. Поэтому все эти истории о врачебной этике, исключительности генетики и т. д. совершенно ничего для него не значат» [13 р. 109].

Этот знаменательный эпизод, похожий на анекдот, может быть перенесен и на ревностных защитников «прав человека», «разумного правления» и демократии в мире, которые, искренне желая «географического» сближения различных культур и обществ, плохо чувствуют параметры и символику удаленных (неевропейских) цивилизаций. «Во многих культурах существует постулат о неизбежном неравенстве людей, – справедливо замечает М. Синглетон. – Тот факт, что в них больше говорят о Номо Hierarchicus, чем о Номо Aequalis, вовсе не делает их менее почтительными к правам человека, нежели в западноевропейской цивилизации».

Кроме того, он не уверен, что тот, кого лишают предписаний Всеобщей декларации прав человека, осознает свое положение, и то, что «даже, если кто-то и поможет ему это осознать, еще не говорит о том, что он попытается изменить свое положение – особенно в том направлении, в котором будет выгодно его “попечителям”. И если сегодня мир действительно политически болен, то это не потому, что она (неевропейская цивилизация. – В. М.) не уважает “универсальные ценности”, а скорее потому, что она не разбирается в суррогатах и лжеэтиках, заменивших ее собственные пути развития и внутреннюю логику исторического процесса» [14 р. 62–63].

Все сказанное делает чрезвычайно актуальным вопрос о ритме истории, возникший сравнительно недавно. Нужно скромнее рассуждать о возможном, предполагаемом и тем более о непредвиденном. Новое и непредвиденное можно предугадать, только учитывая взаимодополняемость парадоксального и противоречивого, обманчивого и притворного, временных равновесий и многоуровневых конфликтов. Принимая такие методологические принципы, необходимо отказаться от всяческих идеологических стереотипов и произвольных мыслительных конструкций, от всей predeterminedной схемы идей и мыслей. «Никто не может отрицать, – писал П. Ле Ру, – что большие катастрофы обрушиваются на страны, обладающие всем необходимым, чтобы преуспеть, только потому, что их правители оказываются пленниками неприспособленных схем и идей» [цит. по: 15 р. 66].

Не являются ли «демократия» и «разумное правление» сегодня чем-то вроде той самой непроверенной схемы будущего? Во всяком случае, можно констатировать, что методы использования и применения этих базовых концепций создают серьезные затруднения в академическом мире.

Корпоративный характер политических требований оппозиционеров, абсолютное превосходство социально-политической элиты над обществом, разнородный характер движений протестующих масс, где существуют различные противоречивые городские интересы (от полупролетариев до привилегированных функционеров), – все это усложняет развитие демократии [16 р. 26, 52–53]. Пока еще «разумное правление» и «демократия» продолжают вдохновлять достаточно большую группу ученых и политиков, однако некоторая их часть уже делает акцент на необходимости более углубленных исследований культурных и цивилизационных особенностей, сложных взаимоотношений государства и общества.

Отстаивая такие принципы исследования переходных обществ, мы, тем не менее, сталкиваемся с определенным числом методологических трудностей. Первая из них заключается

в самой интерпретации данного «времени мира», а конкретнее, в утвердившейся недавно вере в некоего рода «конец истории», по выражению Ф. Фукуямы. Согласно этой вере, картина мира ясна, игры истории уже сыграны, даже если огромные геополитические пространства сопротивляются еще господствующей в мире рыночной экономике и либеральной демократии, которые составляют (или обязаны составлять) ось и отправную точку для всех стран, регионов и цивилизаций [17]. И совершенно неважно, что в настоящее время большинству из них на этой орбите скорее плохо, чем хорошо.

Этому воистину прометеевскому видению, которое в итоге только возрождает старые постулаты эволюционистов, марксистских и либеральных, можно противопоставить другую позицию, в которой акцент делается на расколе современности (А. Турен, З. Лаиди), что предполагает в плане геополитики и развития человеческого общества хаос и нарушение общепринятой на Западе системы ценностей [18–20].

Согласно А. Турену, мы присутствуем сегодня при расколе современности, который совершается через ускоряющийся разрыв с рационалистической системой мышления и рационалистической моделью поведения, господствующей в мире с периода Просвещения. Эта модель «не может быть больше интегрирующим принципом культуры; с одной стороны, утверждение Эроса Ницше и Фрейдом против общественного закона и морали; с другой стороны, подъем национальных богов, сопротивляющихся универсализму рынка и денег; с третьей стороны, концентрация промышленных предприятий и банковских империй, лидеров индустриального общества, утверждающих свою волю завоевывать и властвовать, которая выше холодных рекомендаций учебников по менеджменту; наконец, революция желаний, которые уходят из-под общественного контроля, поскольку они больше не ассоциируются с общественной позицией» [18 р. 171].

Причем разрыв поля демократии происходит путем воспроизводства зон традиционализма, сосуществующих с современным динамичным пространством. «Это все потому, что демократия сегодня открыта, потому что она очень интегрирующая и гибкая, потому что изъятие зон патриархальности весьма драматично, в то время как в иерархичном, неподвижном или малоподвижном обществе, как в старом доме, было полно защитных уголков и тайников... Чем больше наше общество становится открытым и равноправным, тем больше оно принимает маргинальность и отклоняется от тех культур, которые живут по другим общественным нормам, несмотря на то, что эти накопленные индивидуальные и коллективные

ценности представляются многим опасными, в особенности при-
верженцам норм и ценностей mainstream» [18 р. 386].

Раскол современности обнаруживается эмпирически и в том, что проявляется сегодня как «расхлябанный мировой порядок», по выражению З. Лаиди. С окончания холодной войны мы видим, как вырисовывается от Нигерии до Индии, пересекая Бразилию, Иран и Китай, рельеф постиндустриального мира, основанный больше на дезорганизации, чем на интеграционных процессах, базирующийся больше на разделенных стратегиях, чем на глобальном мировом проекте [19 р. 33]. Сегодняшний геополитический раскол означает, однако, только то, что мы движемся к некому хаосу и привыкаем к безумию всякого насилия.

Большинство специалистов продолжает противопоставлять ведущие и зависимые страны, как замечает С.Д. Краснер, обращая внимание на стойкость авторитарных режимов по отношению к либеральным, которые ориентированы на рынок [21]. Появляются новые феномены, например исламский фундаментализм, пытающиеся влиять на перестройку общемирового сознания. Теперешнее «мировое время» скорее является временем двойственности, нестабильности и дезорганизации. «Если оформление шкалы общечеловеческих ценностей, сознания в мировом масштабе остается приоритетным для ведущих держав, его истолкование и его выражи уходят все больше и больше от своих инициаторов и эмитентов» [19 р. 38].

В этих условиях важно выяснить, не будут ли далеки от своих идеологов и носителей действия по политическому реформированию и демократизации, не станет ли эта деятельность в конечном итоге только мерами по чистке фасада: многопартийность без демократии, выборы без настоящего выбора... В таком случае «реформирование» и демократический транзит фактически узаконивают старые – новые авторитарные режимы и к тому же обеспечивают старым правящим элитам легитимность «новых» структур, насыщенных явным деспотизмом [22,23].

Вторая методологическая трудность содержится в путанице, которая может возникнуть между теориями «разумного правления» и «демократии». Очень важно различать эти два понятия, которые относятся к разным сферам. Как показывают многочисленные примеры, можно иметь первое без второго. Так, Япония смогла отлично освоить «разумное правление», но при авторитарном и иерархическом режиме: «революция Мэйдзи» была рождена не просвещенной буржуазией, а исходила от самураев, от класса воинов и интеллектуалов, которые захотели восстановить власть микадо (императора) в условиях острого национального кризиса и сумели подавить сепаратизм дайме [24 р. 135–136].

То же самое можно сказать о более современных опытах социальных реформ (Мексика, Турция, Чили, Таиланд, Южная Корея), которые показывают, что экономические успехи никоим образом не связаны с живучестью политического плюрализма и предпринимательского индивидуализма и являются результатом способности авторитарных государственных систем прагматически проводить в жизнь идею «длительного развития» [25–27].

Отметив несовпадение между «разумным правлением» и демократизацией, необходимо также затронуть вопрос о возможности применения в различных обществах понятия «демократия» в его широком значении. Известно, что демократия возникла исторически раньше, чем государственные институты. Нам никуда не уйти от интуитивной токвильевской концепции равенства условий, которое в центре истории. Демократия уходит своими корнями в далекую историю, ее зачатки обнаруживаются уже в «паломниках Бога» августианской мысли и в «общности верующих» пророка Мухаммеда: отныне все люди равны перед Богом, хотя они не равны перед владыками. Отношение к последним кардинально меняется после Великой французской и американской революций. В обоих случаях Декларация прав человека становится основополагающей политической хартией, однако ее положения часто будут нарушаться.

Неравенство условий самовыражения личности характерно для исторического развития целых стран и континентов. Африканцы, арабы, китайцы и др. не знали правовых норм и политических форм, свойственных Западу. Современный уклад был там внедрен принудительно и насильственно, однако скрытый потенциал традиционных обществ сохранился [28 р. 6–9].

Преемственность политической традиции и культуры выражается главным образом в силовых методах управления. Невозможно перечислить всю номенклатуру современных «царьков» в разных регионах мира, утверждающих насилие и жестокость государства, разрастающихся, как корневище, еще в зародыше гражданского общества. «Это контрнасилие здесь, – писал П. Шабаль, – сваливает вину на существующую власть или на ее представителей в обществе, но больше на тех, кто не в состоянии сопротивляться: самый сильный нападает на самого слабого» [29 р. 56–57]. Это объясняет частично размах и остроту всех преступных форм (агрессию, преступность, коррупцию), от которых все больше и больше страдают целые регионы.

Исследуя проблему приложимости демократии к современным реалиям, остановимся на проблеме представительного правления. «Демократия, – пишет А. Турен, – не может существовать, если

выбор между многочисленными управляющими не соответствует защите различных интересов и мнений» [18 р. 382]. Слова «выбор» и «интересы» являются здесь фундаментальными. Можно сколько угодно приумножать партии и выборные органы, назначающие исполнительную власть, но это еще не гарантирует представительство народа и защиту различных интересов и мнений. Во многих странах сегодня не существует других целей, кроме борьбы группировок за ресурсы.

Наконец, европейский (западный) тип демократии предполагает также осознание гражданства и принадлежности к коллективу, основанному на праве, а следовательно, на активном участии в политических выборах. Чтобы избежать неверных интерпретаций, не будем привязывать понятие «гражданин» к понятиям «нация», «народ» или «республика»; предпочтем им концепции участия и ответственности, согласия на суверенитет, заботливое обсуждение общего блага, что предполагает одновременно консенсус, конфликт и компромисс [30].

Кроме «демократических» выборов, развернувшихся повсюду, необходимо понимать, в какой степени участие населения в общественной жизни остается случайным в системах, всегда воспринимаемых как авторитарные, и по отношению к которым население взяло привычку практиковать бесконечную двойственную линию (стратегию) бегства от государства (советского или постсоветского, колониального и постколониального). Историческая глубина, так же как и разнообразие этой стратегии, которую Ж.Ф. Байяр назвал народными формами политических действий, характеризуются не столько повторяющимися мятежами, сколько активным и пассивным сопротивлением по отношению к некоторым экспериментам и политическим практикам [31].

Чтобы говорить о «почве для демократии», нужно действительно задуматься над тем, как она внедряется. Теоретически никто не оспаривает значения демократических принципов правления: разделение ветвей власти, прозрачность выборов, открытость информации и ясность в решениях, развитие и выработка ответственного поведения у вершителей судеб и населения. Можно, тем не менее, удивиться приблизительным оценкам и недоговоркам «тайного пакета», содержание которого больше является идеологическим продуктом, типичным для либеральных и плюралистических доктрин, чем теоретической работой по демократическому транзиту, подходящей для политического и экономического поля различных переходных обществ [32]. Главная проблема, пожалуй, заключается в возрождении кредита доверия населения к власти. Такой же концептуальный вакуум сопровождает понятие

ответственности, определяемой как качество, которым должен обладать любой агент государственной службы. Ответственность кого и перед кем, посредством каких механизмов и в какой власти? Эти вопросы не находят точного ответа в документах международных организаций и программах партий и движений, в которых не содержатся такие аспекты «ответственности», как ответственность перед этнической клиентурой, перед группами давления или представителями олигархических кругов. Что касается разговоров о «законных рамках развития» и о «правовом государстве», то подразумеваемая логика здесь такова: чем больше законов и правил, тем благоприятнее условия для развития. На самом деле многочисленные исследования историков доказывают, что при строительстве рыночной экономики «формальные и законные институты играют менее значительную роль, по сравнению с той, которую могут играть общественные образования и обычные неформальные механизмы» [32 р. 45–46]. Таким образом, для исследования такой обширной проблемы, как политическая демократия, без сомнения, необходим критический анализ всех ее компонентов. Интересные суждения по этому вопросу высказал известный американский ученый В. Остром: «Мы оставили множество идей, которые были определяющими в американском обществе. Мы не знаем и не можем знать, что является самым большим благом для самого большого числа людей. Мы должны открыть наши карты и ввязаться в критическую дискуссию с коллегами по поводу идей создания будущего общества, способного формировать и воспроизводить различные формы человеческого союза. Мы могли бы тогда не допускать проблематичных ситуаций вместо того, чтобы стараться их разрешать. Я сомневаюсь, что демократии смогут пойти дальше» [33 р. 18–19].

Власть необходимо корректно исследовать, чтобы не видеть ее там, где ее нет. Государственная власть в странах Африки, Азии, Латинской Америки, постсоветского ареала и др. необязательно диктаторская, еще менее тоталитарная, это не диктатуры в классическом значении этого понятия... Можно даже выдвинуть тезис об «отсутствии» власти в западном смысле во многих государствах незападной традиции [34 р. 174, 176].

Эти государства сохранили старую традицию, в них наблюдается относительно слабое проникновение административных институтов и структур в повседневную жизнь людей и наличие широких «зон неопределенности», как выразился М. Крозье [35]. В них установилась вертикально иерархизированная структура власти и общества. Вертикально иерархизированное государство, которое не обладает горизонтальными связями, – это преимущественно

латентное, отсутствующее государство. Там, где власть вынуждена постоянно наращивать механизм контроля за контролем, разрывы по вертикали между социумом и структурами власти неизбежны. Они и будут заполняться нелегитимными структурами управления, в частности мафией [36, 37 р. 102–103].

В некоторых слаборазвитых авторитарных странах правители скрывают свою ипохондрию, формируя учреждения, легитимизирующие безумие: дома сумасшедших, тюрьмы, «специализированные центры», где живут в тесном соседстве репрессии, безумие и, в конечном итоге, – смерть. Обложенный, с одной стороны, безумием и репрессиями, а с другой – голодом и нищетой, бесправный народ обнаруживает симптомы ненависти, апатии и страха, которые разрушают его идентичность [38].

В этом театре двойных стандартов, абсурда и политиканства главные действующие лица постоянно апеллируют к народу, чтобы захватить и удержать власть. Причем к народу обращаются за поддержкой и правители, и оппозиционеры. Согласно У. Ониябади, этот народ не может быть арбитром конфликта: «Он не только невежественный, но и очень циничный. Скажите ему, что этот человек использовал свой пост для самообогащения, и он спросит, кто вы такой, чтобы выплевывать сочный кусок, который положила вам в рот фортуна» [39 р. 2].

Здесь нет безумия, которое убивает; но есть сладко-горькое безумие, когда успех любого дела, предприятия определяется словами и покоится на языке с двойным подтекстом, на несоизмеримости и особенно на магии опоры, упоминания «мой народ». Везде, в любых ситуациях власти предрежающие предпочитают говорить «от имени народа».

«Есть слова, которые не обладают больше никаким политическим смыслом, – пишет по этому поводу публицист Л.М. Йоке. – Это прежде всего слово “народ”... которое в устах политиков побивает рекорд за рекордом по статистике манипулирования им. Народ, следовательно, становится нематериальной реальностью, бесформенной массой, которой можно придать форму в соответствии с политической ситуацией... Этот мифический народ становится то магическим вдохновителем, то источником всех бед. Народ похож на персонаж Годо, загадочный персонаж, о котором все говорят с жадностью, которого все ждут как мессию, но который остается всегда недоступным» [40]. Власть не оценивается через такие векторы, как «демократия» или «разумное правление». Конечно, были некоторые попытки пойти в этом направлении, но абсолютно преобладали совсем другие траектории политического развития, другие стандарты управления.

Сегодня средства массовой информации, интеллектуалы стремятся стимулировать прозрачность, ответственность и другие достоинства кандидатов, идущих на смену нынешним правителям. Но зададимся вопросом: поиск «ответственных политиков» действительно ли идет и определен народом? Меньше всего можно быть уверенным в этом.

Демократия нередко оказывается не только все более признаваемой в глобальном масштабе ценностью, но и чем-то навязываемым извне. Реакция традиционных демократий на «недемократическое окружение» может принимать явно недемократический характер (миграционные барьеры, агрессия культурных образцов, даже попытки силой распространять демократию, что способно вызвать отторжение) [41].

Процессы демократизации в развивающихся странах далеко не однолинейны: они чреваты поверхностной имитацией парламентских и партийных образцов, возникновением псевдодемократических и «гибридных» режимов. В условиях глобализации нельзя сбрасывать со счета и возможность обратного влияния на традиционные демократии со стороны «полудемократий» с их опытом клиентелизма, клановости, популизма, более грубых форм манипулирования, превращения партий в декорацию, маскирующую власть элиты, «засорения» гражданского общества этнопартикуляристскими структурами [8].

Это тем более так, что демократические механизмы в развитых странах испытывают большое напряжение. Партийно-парламентские институты, возникшие в более раннюю эпоху, не всегда оказываются в достаточной мере адекватными современным условиям. Упрочение демократических процедур часто сопровождается ограничением реального демократического участия и контроля. Дополняющее (и частично оттесняющее) парламентскую демократию функциональное представительство страдает недостаточной сбалансированностью, прозрачностью и эгалитарностью [8].

Серьезные сложности вызывает в целом позитивный процесс диверсификации уровней управления и политических акторов. Снижение удельного веса национальных государств в управлении уменьшает действенность многих наработанных механизмов демократического участия и контроля, а система наднациональных органов не обладает (пока?) столь же развитыми аналогичными механизмами. Усиление значимости региональных и локальных форм управления лишь частично компенсирует этот фактор [42].

Отражением всех этих сложностей на уровне гражданского общества во многом является рост отчуждения от парламентских

институтов и политической пассивности. Серьезную проблему составляет интеграция в общество маргинализированного меньшинства и особенно растущей массы инокультурных иммигрантов, в целом – определенное ослабление социальной сплоченности (cohesion).

В развитых странах делается немало для решения такого рода проблем (развитие различных форм самоорганизации и самодеятельности на уровне комьюнити, популяризация идей «рефлектирующей демократии», постепенная демократизация структур ЕС и т. д.). Однако проблемы остаются. В какой-то мере осложняет дело само преодоление или смягчение конфликтов, порожденных традиционным и раннесовременным обществами и создававших в прошлом социальный и нравственно-этический импульс для возникновения и совершенствования демократии. Достаточно ли для дальнейшего развития демократии здравого смысла, основанного на признании демократических ценностей, – покажет будущее. В любом случае ХХІ век станет свидетелем борьбы демократических и антидемократических тенденций не только в глобальном масштабе, но и, возможно, в менее драматических формах, в самих оплотах традиционной демократии.

Финансирование

Статья выполнена при поддержке РНФ. Проект № 15-18-00135-П «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности».

Funding

The article was supported by the RSF. Project № 15-18-00135-P “Individual, ethnos, religion in the process of intercultural interaction: Russian and world experience in the formation of common citizenship”.

Литература

1. Мурзаханов В.С. Власть, демократия и «разумное правление» в переходных обществах // Логос. 2003. № 4–5 (39). С. 195–205.
2. Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы: Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 2. С. 6–27.
3. Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 2. С. 64–75.
4. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. 106 с.

5. *Burawoy M.* Transition without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism // *East European Politics and Societies*. 2001. Vol. 15. № 2. P. 269–290.
6. *Gill G.* The Dynamics of Democratization. Elites, Civil Society and the Transition Process. London: Macmillan Press, 2000. 242 p.
7. *Linz J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore-London: Johns Hopkins University Press, 1996. 485 p.
8. *Waldron-Moore P.* Eastern Europe at the crossroads of democratic transition // *Comparative Political Studies*. 1999. Vol. 32. № 1. P. 32–62.
9. *Даймонд Л.* Прошла ли «третья волна» демократизации? // *Полис*. 1999. № 1. С. 10–25.
10. *Makinda S.M.* Democracy and Multiparty Politics in Africa // *The Journal of Modern African Studies*. 1996. Vol. 34. № 4. P. 555–573.
11. *Allison L.* On the Gap between Theories of Democracy and Theories of Democratization // *Democratization*. 1994. Vol. 1. P. 8–26.
12. *Mbembe A.* Déconfiture de l'Etat et risques de la “transition démocratique” // *Le Monde Diplomatique*. 1993. № 470. P. 16–17.
13. *Linz F.* L'interview // *La Revue Nouvelle*. 1993. № 3. P. 109.
14. *Singleton M.* De la connaissance sociologique à la reconnaissance des droits de l'homme *Politiques de Population* // *Etudes et Documents*. 1991. Vol. 4. № 4. P. 62–63.
15. *La République sud-africaine.* Etat des lieux. Paris: IFRA – Karthala – MSHA, 1993. 244 p.
16. *Hyden G., Bratton M.* Governance and Politics in Africa. London: Linne Rienner Publishers, 1992. 329 p.
17. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. London: Tidliger, 1992. 418 p.
18. *Touraine A.* Critique de la modernité. Paris: Fayard, 1992. 462 p.
19. *Làïdi Z. et al.* L'ordre mondiale relâché. Sens et puissance après la guerre froide. Paris: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques et Berg, 1992. 263 p.
20. *Badie B., Smouts M.-C.* Le retournement du monde. Sociologie de la Scène internationale. Paris: Presses de la FNSP et Dalloz, 1992.
21. *Krasner S. D.* Structural Conflict. The Third World against Global Liberalism. Berkeley: University of Carolina Press, 1985. 379 p.
22. *Daloz J.-P., Quantin P.* Transitions démocratiques africaines. Dynamiques et contraintes (1990–1994). Paris: Karthala, 1997. 313 p.
23. *Strickon A., Greenfield S.* Structure and Process in Latin America: Patronage, Clientage and Power Systems. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1972. 256 p.
24. *Morishima M.* Capitalisme et confucianisme. Technologie occidentale et ethnique japonaise. Paris: Flammarion, 1987. 324 p.
25. *Collier D.* The New Authoritarianism in Latin America. N.J.: Princeton University Press, 1979. 459 p.
26. *Plattner M.F.* From Liberalism to Illiberal Democracy // *Journal of Democracy*. 1999. Vol. 10. № 3. P. 121–134.
27. *Dahl R.* A Democratic Paradox? // *Political Science Quarterly*. 2000. Vol. 15. № 1. P. 35–40.
28. *Gibbon P., Bangura Y., Ofstad A.* Authoritarianism, Democracy and Adjustment. Uppsala: The Scandinavian Institute of African Studies, 1992. 236 p.

29. Chabal P. Pouvoir et violence en Afrique post-coloniale // *Politique Africaine*. 1991. № 42. P. 51–64.
30. Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // *Логос*. 2003. № 4–5 (39). С. 136–152.
31. Bayart J. F. L'énonciation de la politique. Modes populaires d'action politique // *Revue française de science politique*. 1985. Vol. 35. № 3. P. 343–373.
32. The World Bank. Governance and Development. Washington, 1992. 62 p.
33. Ostrom V. Democracy, Governance and Development // Workshop on Democracy and Governance: Proceedings. Burlington, VT: Associates in Rural Development, 1991. P. 18–19.
34. Darbon D. Administration et Société // *Les Afriques politiques*. Paris: Éditions la Découverte, 1991. P. 172–185.
35. Crozier M., Huntington S.P., Watanuki J. The Crisis of Democracy. N.Y.: New York University Press, 1975. 225 p.
36. Fabian J. Power and Performance. Madison: University of Wisconsin Press, 1990. 314 p.
37. Augé M. Théorie des pouvoirs et idéologie. Etude de casen Côte d'Ivoire. Paris: Hermann, 1975. 439 p.
38. Beti M. L'histoire du fou. Paris: Julliard, 1994. 212 p.
39. Onyebadi U. A Man of the People. London: Heinemann, 1986.
40. Yoga L. M. Elites et société civile // *Le Soft de Finance*. Kinshasa. 1991. 11 nov.
41. Глобализация и Россия: проблемы демократического развития / Отв. ред. Н.В. Загладин, К.Г. Холодковский. М.: ООО «ТИД «Русское слово», 2004. 496 с.
42. Зуев В. Н. Наднациональный механизм в системе глобального и регионально-го регулирования // *Вестник международных организаций*. 2010. № 4 (30). С. 10–20.

References

1. Mirzekhanov VS. Power, democracy and “good-governance” in transition societies. *Logos*. 2003;4-5(39):195-205. (In Russ.)
2. Karl TL., Schmitter F. Democratization: concepts, postulates, hypotheses. Reflections on the applicability of transitological paradigm in the study of postcommunist transformations. *Polis*. 2004;2:6–27. (In Russ.)
3. Melville AY. On trajectories of postcommunist transformations. *Polis*. 2004;2:64-75. (In Russ.)
4. Melville AY. Democratic transits: theoretical, methodological and applied aspects. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond Publ.; 1999. 106 p. (In Russ.)
5. Burawoy M. Transition without Transformation: Russia's Involutionary Road to Capitalism. *East European Politics and Societies*. 2001;15(2):269-90.
6. Gill G. The Dynamics of Democratization. Elites, Civil Society and the Transition Process. London: Macmillan Press, 2000. 242 p.
7. Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore-London: Johns Hopkins University Press; 1996. 485 p.

8. Waldron-Moore P. Eastern Europe at the crossroads of democratic transition. *Comparative Political Studies*. 1999; 32(1):32-62.
9. Diamond L. Is the Third Wave Over? *Polis*. 1999;1:10-25.
10. Makinda SM. Democracy and Multiparty Politics in Africa. *The Journal of Modern African Studies*. 1996;34(4):555-73.
11. Allison L. On the Gap between Theories of Democracy and Theories of Democratization. *Democratization*. 1994;1:8-26.
13. Mbembe A. Déconfiture de l'Etat et risques de la "transition démocratique". *Le Monde Diplomatique*. 1993;470:16-7.
14. Linz F. L'interview. *La Revue Nouvelle*. 1993;3:109.
15. Singleton M. De la connaissance sociologique à la reconnaissance des droits de l'homme Politiques de Population. *Population. Etudes et Documents*. 1991;4(4):62-3.
16. La République sud-africaine. Etat des lieux. Paris: IFRA – Karthala – MSHA Publ.; 1993. 244 p.
17. Hyden G., Bratton M. Governance and Politics in Africa. London: Linne Rienner Publ.; 1992. 329 p.
18. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. London: Tidligere Publ.; 1992. 418 p.
19. Touraine A. Critique de la modernité. Paris: Fayard, 1992. 462 p.
20. Lâidi Z. et al. L'ordre mondiale relâché. Sens et puissance après la guerre froide. Paris: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques et Berg Publ.; 1992. 263 p.
21. Badie B., Smouts M.-C. Le retournement du monde. Sociologie de la Scène internationale. Paris: Presses de la FNSP et Dalloz Publ.; 1992.
22. Krasner SD. Structural Conflict. The Third World against Global Liberalism. Berkeley: University of Carolina Press Publ.; 1985. 379 p.
23. Daloz J.-P., Quantin P. Transitions démocratiques africaines. Dynamiques et contraintes (1990–1994). Paris: Karthala Publ.; 1997. 313 p.
24. Strickon A., Greenfield S. Structure and Process in Latin America: Patronage, Clientage and Power Systems. Albuquerque: Univ. of New Mexico Press Publ.; 1972. 256 p.
25. Morishima M. Capitalisme et confucianisme. Technologie occidentale et éthique japonaise. Paris: Flammarion Publ.; 1987. 324 p.
26. Collier D. The New Authoritarianism in Latin America. Paris: Flammarion Publ.; 1987. 324 p.
27. Plattner MF. From Liberalism to Illiberal Democracy. *Journal of Democracy*. 1999;10(3):121-34.
28. Dahl R. A Democratic Paradox? *Political Science Quarterly*. 2000;15(1):35-40.
29. Gibbon P., Bangura Y., Ofstad A. Authoritarianism, Democracy and Adjustment. Uppsala: The Scandinavian Institute of African Studies Publ.; 1992. 236 p.
30. Chabal P. Pouvoir et violence en Afrique post-coloniale. *Politique Africaine*. 1991;42:51-64.
31. Habermas J. Post-national constellation and the future of democracy. *Logos*. 2003;4-5(39):136-52.

32. Bayart JF. L'énonciation de la politique. Modes populaires d'action politique. *Revue française de science politique*. 1985;35(3):343-73.
33. The World Bank. Governance and Development. Washington, 1992. 62 p.
34. Ostrom V. Democracy, Governance and Development // Workshop on Democracy and Governance: Proceedings. V: Workshop on Democracy and Governance: Proceedings. Burlington, VT: Associates in Rural Development Publ.; 1991. P. 18–19.
35. Darbon D. Administration et Société. V: Les Afriques politiques. Paris: Éditions la Découverte Publ.; 1991. P. 172–185.
36. Crozier M., Huntington SP., Watanuki J. The Crisis of Democracy. New York: New York University Press Publ.; 1975. 225 p.
37. Fabian J. Power and Performance. Madison: University of Wisconsin Press Publ.; 1990. 314 p.
38. Augé M. Théorie des pouvoirs et idéologie. Etude de casen Côte d'Ivoire. Paris: Hermann Publ.; 1975. 439 p.
39. Beti M. L'histoire du fou. Paris: Julliard Publ.; 1994. 212 p.
40. Onyebadi U. A Man of the People. London: Heinemann Publ.; 1986.
41. Yoga LM. Elites et société civile. V: *Le Soft de Finance*. Kinshasa, 1991. 11 nov.
42. Zagladin NV., Kholodkovsky KG., editors. Globalization and Russia: the problems of democratic development. Moscow: Russkoe slovo Publ.; 2004. 496 p. (In Russ.)
43. Zuev VN. Supranational mechanism in the system of global and regional regulation // Bulletin of international organizations. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii. 2010;4(30):10-20. (In Russ.)

Информация об авторе

Велихан С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 32А; Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21; lum62@yandex.ru

Information about the author:

Velikhhan S. Mirzekhanov, Doctor in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; Russian Academy of Sciences Institute of World History; bld. 32A, Leninskii av., Moscow, Russia, 119334; Russian Academy of Sciences Institute of Scientific Information on Social Sciences; bld. 51/21, Nakhimovskii av., Moscow, Russia, 117997; lum62@yandex.ru

Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства

Сергей М. Маркедонов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, smarkpost@gmail.com*

Аннотация. Де-факто государства (на постсоветском пространстве это Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, так называемые «народные республики» Донбасса) с формально-юридической точки зрения для международного сообщества не существуют. Однако это не отменяет их реального участия в общественно-политических процессах и конфликтах в Евразии. Многие важнейшие события на территории бывшего Советского Союза в той или иной степени связаны с этими образованиями. В статье рассматривается создание де-факто республик в контексте распада СССР, этнополитического самоопределения 1980–1990-х гг., а также трансформации международного права после завершения холодной войны. Автор дает собственное определение де-факто государств, производит типологизацию непризнанных образований, объясняет сходства и различия между ними, а также коллизии между правовыми и политическими подходами к ним. С его точки зрения, феномен де-факто государств не ограничивается исключительно постсоветскими «замороженными конфликтами», а продуктивное рассмотрение самого этого явления не представляется возможным без изучения их внутренней динамики, особенностей национально-государственного строительства и процессов демократизации. Большое внимание уделяется важности де-факто образований для международной повестки дня, в особенности в контексте неурегулированных международно-правовых отношений, отсутствия общих критериев территориальной целостности и национального самоопределения.

Ключевые слова: де-факто государство, этнополитический конфликт, национальное строительство, безопасность, внешняя политика, сепаратизм

Для цитирования: Маркедонов С.М. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1(11). С. 24–40. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-24-40

De-facto States: the Post-Soviet Political Phenomenon

Sergey M. Markedonov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, smarkpost@gmail.com*

Abstract. If viewed from a formal-legal point of view, the de facto entities (the ones which are most important for the present discussion: Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Abkhazia, Transnistria and the so called People's Republics in the South-Eastern Ukraine) do not exist for the international community. However the “virtual” existence of these states does not prevent them from being real participants in the political and security processes in the post-Soviet space. Many momentous events in Eurasia are connected, in some way, with the developments around such statelets. The author considers the establishing of the de facto states in the context of the USSR dissolution, of the ethno-political self-determination during this process and the transformation of the international law after the end of the “Cold War”. He defines the unrecognized states, creates their typology and explains their similarities and differences. In his view, the phenomenon of the de facto entities is not limited exclusively to the “frozen conflicts”, so a productive analysis of these formations is not possible without considering their domestic dynamics, the peculiarities of nation/state-building and the processes of democratization. The author pays special attention to the importance of the Eurasian de facto states to the international affairs, particularly in the context of the lack of common criteria for self-determination and territorial integrity of states.

Keywords: de-facto state, ethno-political conflict, nation-building, security, foreign policy, separatism

For citation: Markedonov SM. De-facto States: the Post-Soviet Political Phenomenon. *RSUH/ RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;1(11):24-40. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-24-40

Введение

В 1991 г. в результате распада Советского Союза появилось 15 независимых государств. Эти образования за время своего существования проделали различную внутри- и внешнеполитическую траекторию. Некоторые из них (страны Балтии) без особых потрясений стали членами НАТО и Европейского союза, в то время как ряд других прошли через кровавые конфликты и гражданские войны (Азербайджан, Грузия, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан), так до конца и не обеспечив собственную территориальную целостность и не разрешив острые проблемы национальной безопасности. Украина, которая в течение двух десятилетий рассматривалась в качестве успешного примера демократических трансформаций, оказалась перед лицом масштабного внутреннего конфликта, была вовлечена в серьезную конфронтацию с Россией и, по сути, превратилась в арену столкновения интересов РФ и Запада (США, НАТО, ЕС).

Однако появление международно признанных образований – не единственный результат распада некогда единого союзного государства. Другим не менее важным его последствием стало возникновение республик, провозгласивших свой суверенитет, но не получивших его поддержки на международном уровне. Известные как «непризнанные республики», «квази/псевдогосударства», «отколовшиеся сепаратистские окраины», они играют значительную роль в этнополитических конфликтах, процессах национального строительства на обломках СССР [1]. В настоящей статье мы используем для их описания академически и политически нейтральную дефиницию «де-факто государства». Те образования, частями которых они формально являются (Нагорный Карабах рассматривается частью Азербайджана, Приднестровье – Республики Молдова, Луганская Народная Республика (ЛНР) и Донецкая Народная Республика (ДНР) – Украины), мы определяем как «материнские государства» [2].

Де-факто республики существуют уже не первое десятилетие, но не имеют членства в Организации Объединенных Наций и широкого международного признания либо признаны всего несколькими государствами. По справедливому замечанию британского политолога и журналиста Т. Де Ваала, «быть руководителем непризнанного государства – незавидная работа... Это означает, что никто не приглашает тебя на международные встречи. ООН не отвечает на твои письма. Когда ты посещаешь иностранное посольство, тебя принимает не посол, а первый секретарь» [3]. В настоящее время таких образований шесть: Абхазия, Нагорно-Карабахская Республика (НКР), Приднестровская Молдавская Республика (ПМР), Южная Осетия и две «народные республики» Донбасса (Донецкая и Луганская на юго-востоке Украины). Две из них – Абхазия и Южная Осетия – в 2008–2010 гг. получили частичное признание своей независимости.

Понимание природы и основных характеристик де-факто образований бывшего Советского Союза является актуальной задачей в силу как академических, так и прикладных причин. Данная проблема рассматривалась в большом количестве исследований. Однако первоначально интерес их авторов фокусировался прежде всего на этнополитических конфликтах и причинах различных сепаратистских практик (и де-факто образования изучались не более чем побочный их эффект) [4,5,6,7,8]. По словам британского эксперта Л. Броерса, этот подход способствовал тому, что практически ничего не писалось о процессах демократизации и вообще о внутриполитической динамике в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе [9]. Такие авторы, как Ч. Капчан рассматривали де-факто республики как фактор геополитической конкуренции России и Запада [10]. При этом сами эти образования отождествлялись с радикализмом, диктатом полевых командиров, анархией и разрушением регионального и международного порядка [11]. Американский исследователь Ч. Кинг уподоблял непризнанные республики «черным дырам» в мировой политической системе [12], тогда как норвежский автор П. Колсто рассматривал их как нечто близкое к феномену «несостоявшихся государств» [13].

Однако продолжительное время существования де-факто государств, а также активные попытки со стороны бывших автономных образований в составе союзных республик добиться международной легитимности после одностороннего признания Косово, расширили научный интерес к перспективам существования этих образований и внутриполитическим аспектам их развития. Появились исследования по данным сюжетам, ранее вытесненным на второй план. Авторы стали активнее обращаться к изучению проблем

внутреннего суверенитета, электоральных процедур, особенностей демократизации в Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье и Нагорном Карабахе [14,15,16,17,18]. В результате упрощенные и изрядно политизированные подходы к постсоветским де-факто государствам, основанные на представлении о них как об исключительно российских «геополитических инструментах» и явлениях преимущественно конъюнктурных стали переосмысливаться.

В то же самое время появление новых де-факто государств на украинском юго-востоке способствовало возвращению некоторых прежних стереотипов о непризнанных республиках, которые были характерны для изучения этнополитической ситуации в Закавказье в 1990 – начале 2000-х гг.

Так называемые «народные республики» Донбасса ныне рядом экспертов рассматриваются исключительно как образования с минимальной местной поддержкой и как ресурс для российского «вторжения» на Украину. В этом плане значительный интерес представляет экспертная полемика 2014 г. между С. Куделей и А. Умландом, в которой первый указывает на наличие значительных внутренних предпосылок для конфликта в Донбассе, не связанных напрямую с вмешательством России, а второй, напротив, рассматривает это противостояние как внешнеполитическую авантюру Москвы [19,20].

В предлагаемой статье автор анализирует коллизии между формально-правовыми подходами и соображениями политической целесообразности в отношении к этнополитическому самоопределению, показывая, что отсутствие единых критериев к признанию государств в результате распада Советского Союза (а также параллельного с ним процесса дезинтеграции Югославии) стало причиной появления большого количества республик с оспоренным статусом. Предлагается типология непризнанных образований.

Де-факто образования: между формально-правовыми и политическими аргументами

В современной литературе существует большая терминологическая разногласия относительно того, как идентифицировать образования, существующие вопреки сложившемуся международному порядку. Чем непризнанные государства отличаются от тех, что признаны на международном уровне? Обычно при ответе на данный вопрос принято ссылаться на авторитет ООН. Между тем сама она не дает четкого и определенного ответа на вопрос о процедурах признания того или иного государства: «Признание нового

государства или правительства – это акт, который могут совершить или отказаться совершить только государства и правительства. Как правило, оно означает готовность установить дипломатические отношения. Организация Объединенных Наций – это не государство и не правительство, и поэтому она не обладает никакими полномочиями признавать то или иное государство или правительство. Являясь организацией независимых государств, она может принимать в свои члены новые государства или принимать полномочия представителей нового правительства» [21].

Одним из немногих документов в международном праве, дающих определение самого понятия «государство», является Конвенция Монтевидео «О правах и обязанностях государств» (принята 26 декабря 1933 г.). В ее первой статье говорится, что государство может рассматриваться как «субъект международного права», если оно обладает «постоянным населением», «определенной территорией», «правительством», «способностью вступать в отношения с другими государствами». Третья статья прямо и недвусмысленно утверждает: «Политическое существование государства не зависит от признания его другими государствами. *Даже до признания государство имеет право защищать свою целостность и независимость* (курсив наш. – С. М.), обеспечивать свою защиту и благосостояние и впоследствии организоваться так, как оно считает для себя выгодным, издавать законы в собственных интересах, организовывать государственную службу и определять юрисдикцию и компетенцию своих судов» [22].

И хотя многие видные теоретики и практики международного права, такие как член Комиссии ООН по международному праву Я. Браунли и профессор М. Шоу [23 с. 70, 24], рассматривали принципы Конвенции Монтевидео как «существенные», но «не единственные и не непреложные», именно этим определением «государства» руководствовалась Арбитражная комиссия по бывшей Югославии, названная также «комиссией Бадинтера»¹. Так, во Мнении Арбитражной комиссии № 11 утверждалось, что по критериям, определенным в Конвенции Монтевидео, Хорватия стала государством 8 октября 1991 г. Аргументом был следующий тезис: к этому времени хорватские власти контролировали около 70 %

¹ Комиссия была создана 27 августа 1991 г. и названа по имени Р. Бадинтера, французского юриста и писателя, бывшего председателя Конституционного суда и министра юстиции Франции. Она предоставляла политико-правовые рекомендации по спорным проблемам этнополитического самоопределения на Балканах в 1991–1993 гг.

территории страны, принимали собственные законы и вели международные переговоры. Между тем вступление этой страны в ООН состоялось только в мае 1992 г. Базируясь на данных рекомендациях, Международный трибунал по бывшей Югославии выстраивал свою обвинительную аргументацию против Слободана Милошевича при выяснении вопроса, на территории какого государства были совершены военные преступления – независимой Хорватии или же распадающейся Югославии [25].

Таким образом, юристы помогли политикам обосновать этнополитическое самоопределение Хорватии на основании того, что центральные институты Югославии перестали функционировать. Это самоопределение бывшей союзной югославской республики было интерпретировано не как реализация проекта сецессии, а как создание нового государства на развалинах старого. Но этот же самый подход не был применен в случае с отделением от Хорватии Республики Сербская Краина или Республики Сербской, заявившей о своей независимости от вновь возникшей Боснии и Герцеговины. В контексте же ситуации в Закавказье, по справедливому замечанию Ч. Кинга, «постсоветский порядок... был не естественным итогом стремления отдельных наций к независимости, но скорее отражением способности мирового сообщества терпеть один вид сецессии, но отвергать другой. В конце концов, история успешной сецессии в случае с Арменией, Азербайджаном и Грузией стала легитимной посредством международного признания и членства в многосторонних организациях. Сецессия же непризнанных режимов Нагорного Карабаха, Абхазии и Южной Осетии рассматривались извне как бесперспективные попытки рационализировать капризы сепаратистов» [26 р. 220].

Действительно, появление непризнанных образований, как правило, зарифмовано с правом на самоопределение и сепаратистскими практиками. Между тем и здесь международное право не дает формул, которые не допускали бы множественность интерпретаций. Устав ООН формулирует право наций на самоопределение как принцип в статьях 1 (гл. I) и 55 (гл. IX). Однако, как справедливо отмечает германский правовед Г. Нольте, этот фундаментальный ооновский документ не рассматривает право на самоопределение даже в контексте деколонизации. По его мнению, «лишь после того, как процесс деколонизации развернулся во всю мощь, принцип самоопределения был признан как имеющий юридически обязывающую силу» [27 с. 60].

Правовая амбивалентность в отношении возможностей для самоопределения содержится не только в международно-правовых документах, но и в докладах, посвященных расследованию обстоя-

тельств вооруженных конфликтов, сопровождающих этот процесс. Так, в докладе Международной независимой миссии по сбору фактов о конфликте в Грузии (известном также как «Доклад Тальявини», по имени швейцарского дипломата, главы Миссии) говорится, что Абхазия и Южная Осетия обладают правом на самоопределение не только как меньшинства. Также отмечается, что у них есть «объективные характеристики, такие как общий язык, культура и религия (последнее более чем спорно в абхазском случае. – С. М.)», а также «намерение сформировать собственное политическое сообщество». При этом тот же Доклад утверждает, что право на самоопределение не означает право на сецессию абхазов и осетин [28].

Впрочем, непризнанные государства как феномен не могут быть исследованы исключительно в международно-правовых категориях. Как справедливо отмечает Г. Нольте, «случаи Южной Осетии, Абхазии и Косово имеют правовое и политическое измерение», а «политические акторы стремятся оправдать свои позиции, обращаясь к праву» [27 с. 62–63]. Действительно, само создание непризнанных государств и начало борьбы за их международную легитимацию не в последнюю очередь – факты эмоционально-символического и социально-культурного плана, без учета которых невозможно любое эффективное урегулирование межэтнических споров как неизбежного спутника этих особых государственных образований.

К тому же мировое сообщество, которое могло бы утверждать статус «признанного образования», и само испытывает глубокий кризис. После существенной ревизии ялтинско-потсдамского мироустройства контуры нового миропорядка оказались весьма расплывчаты. Следовательно, размыты и критерии признания/непризнания как таковые. Отсюда и использование не столько правовых стандартов, сколько политической целесообразности в процессе признания. Наибольшая проблема для международного сообщества – это признание де-факто образований их гражданами, чье гражданство и политическая идентичность не признаются. Можно сколько угодно (и по большей части справедливо) обвинять политиков Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья в экстремизме и радикальном отношении к «материнским образованиям», от которых они отделились, но их устремления базируются на массовой поддержке населения, прошедшего через кровавые конфликты и попытки разрушения установившегося в начале 1990-х гг. статус-кво. Именно это позволяет, по мнению германского политолога Ш. Требста, рассматривать де-факто образования как нечто большее, чем «криминально-сепаратистские анклав» [29].

Использование такого критерия, как демократические выборы, для легитимации режима также не всегда работает в пользу «материнских государств» против де-факто республик. Далеко не все непризнанные образования авторитарны. Напротив, многие из них прошли конкурентные выборы и знали случаи мирной передачи власти от одного политика другому (Абхазия, Приднестровье, Южная Осетия) или преемнику, близкому властной элите (НКР). В абхазском и приднестровском случае такая мирная смена власти имела место не единожды, а в югоосетинской ситуации, несмотря на масштабный кризис 2011–2012 гг., внутренний конфликт удалось урегулировать без значительных негативных последствий. Демократический вектор в контексте де-факто государств требует, конечно, известных поправок на неразрешенные этнополитические конфликты. Образования, не имеющие признаний (или имеющие весьма ограниченное их количество), обеспечивали определенные стандарты политической конкуренции в рамках своей этнической группы (абхазы, осетины, армяне Нагорного Карабаха). В этом смысле мы можем говорить об «этнодемократии» [9 с. 70–71].

Таким образом, постсоветские республики, не имеющие широкого международного признания, обладают следующими принципиальными характеристиками. Во-первых, декларативный характер их государственности. Государства такого типа заявляют о своем фактическом суверенитете и обладают некоторыми важными атрибутами государства (территория, правительство, вооруженные силы, в некоторых случаях даже своя денежная система). Во-вторых, их суверенитет обычно не имеет внешней легитимации (он не признается ни ООН, ни большинством государств – членов этой организации). Как следствие – невозможность полноценного участия в международной политике и внешнеэкономической деятельности. В-третьих, по справедливому замечанию российского политолога А.А. Цуциева, «непризнанные государства всегда расположены на территории, которая рассматривается международным сообществом как часть территории и поле суверенитета существующего признанного государства» [30 с. 31].

В-четвертых, несмотря на признание претендентов на территорию и население непризнанных государств со стороны «законных» «материнских» образований, окончательный их статус остается долгие годы неопределенным. Отсюда – «нестабильная стабильность», имманентно присущая непризнанным образованиям. Над ними постоянно висит «дамоклов меч» «восстановления территориальной целостности» со стороны «материнского государства». Следовательно, эти образования обладают специфическим суверенитетом. А. А. Цуциев [30 с. 30] определяет его как «проблемный»,

А. Яннис – как «подвешенный», а Г. Лapidус – как «оспоренный» суверенитет [31,32]. Данная ситуация усугубляется еще и тем, что в отношении к таким образованиям нет четких и признаваемых всеми правовых критериев, принципы политической целесообразности абсолютно доминируют.

Государства без признания: единство в многообразии

По мнению А.А. Цуциева, «семейство непризнанных [государств] имеет сложный состав» [30 с. 31]. На сегодняшний момент мы могли бы обозначить несколько типов таких образований.

Первый тип – это самопровозглашенные республики, которые просуществовали от нескольких дней до нескольких лет, так и не сумев создать эффективные органы власти, управления и военно-политическую инфраструктуру. Еще до образования ПМР на территории Молдавии в августе 1990 г. была провозглашена Гагаузская Республика. Она тоже не имела властной инфраструктуры в виде автономной республики или автономной области. Именно эта территория с населением около 150 тыс. человек, 80 % которых составляли гагаузы – тюркский народ христианского вероисповедания, стала пионером в движении самопровозглашенных республик. Однако впоследствии Гагаузия не вышла де-факто из состава Республики Молдова. В 1994 г. парламент Молдовы принял Закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз-Ери), наделивший регион с компактным проживанием гагаузов правами автономии. И сегодня большая часть политических сил Гагауз-Ери не выступает за полную независимость.

Но, пожалуй, рекордсменом по количеству самопровозглашенных образований стал российский Северный Кавказ. Здесь на территории одной лишь Карачаево-Черкесской Республики было провозглашено 5 (!) образований. Гораздо больше времени просуществовала самопровозглашенная Чеченская Республика Ичкерия. В 1991 по 1994 г. и в 1996–1999 гг. предпринимались попытки построить чеченское государство де-факто, однако и в первом, и во втором случае опыт государственного строительства завершился провалом. Вместо государственных институтов в Чечне существовала федерация «полевых командиров». Еще до начала первой анисепаратистской операции России в декабре 1994 г., на чеченской территории уже полыхало пламя гражданской войны. В ходе военных столкновений между президентом Джохаром Дудаевым и сторонниками городских властей Грозного в июне 1993 г. погибли 50 и получили ранения 150 человек. В 1992–1994 гг. отдельным

«государством в государстве» был Надтеречный район Чечни, ставший эпицентром антидудаевского движения.

Подписав после провальной первой чеченской кампании Хасавюртовские соглашения в августе 1996 г., Москва соглашалась на «отложенный статус Чечни» до 31 декабря 2001 г. Фактически это было признанием того, что Чечня не полностью находится в политическом пространстве РФ (что фиксировала российская Конституция 1993 г.). Однако в 1996–1997 гг. ичкерийские власти в одностороннем порядке, игнорируя Хасавюртовские соглашения, стали определять свой «отложенный статус». Уже в сентябре 1996 г. власти Ичкерии ликвидировали светское судопроизводство, ввели уголовный кодекс, основанный на нормах шариата и противоречащий российскому законодательству. Исчезновение общей угрозы раскололо сепаратистский лагерь на сторонников светской националистической модели и поборников исламского государства. Попытки же экспорта «Ичкерии» в соседний Дагестан привело к вмешательству Российского государства и последующей ликвидации инфраструктуры сепаратистской Чечни.

В августе 1998 г. в селах Карамahi, Чабанмахи и Кадар Буйнакского района Дагестана исламские радикалы заявили об отказе подчиняться официальной властям этой республики и о создании «Отдельной исламской территории», внутри которой произошла ликвидация официальной власти силовых структур, введение шариатского судопроизводства и вооруженных постов по защите «суверенитета» данной территории. «Отдельная исламская территория» была ликвидирована 12 сентября 1999 г. в ходе операции российской армии и внутренних войск РФ.

В 1993 г. Азербайджан помимо карабахского конфликта столкнулся с сецессией талышей – ираноязычного народа, проживающего на юге страны. В июне 1993 г. в Ленкорани была провозглашена Талыш-Муганская Республика во главе с полковником азербайджанской армии А. Гумбатовым. Однако этот опыт не удался, в августе 1993 г. Гумбатов был арестован, после чего началась маргинализация талышского политического движения.

Второй тип непризнанных образований – это де-факто государства. Обладая «проблемным» («подвешенным») суверенитетом, они смогли за два или три десятилетия реализовать свои проекты государственного строительства (консолидация власти, установление контроля над определенной территорией). Как правило, у де-факто государств есть своя внешняя политика. Нагорно-Карабахская Республика имеет несколько представительств за рубежом – в Армении, РФ, Франции, США, Австралии, Ливане, Центральной Европе. Их лидеры, хотя и не признаются в качестве

полноценных президентов или глав правительств, участвуют в переговорном процессе по поводу определения их статуса. В некоторых переговорных форматах они рассматриваются как самостоятельные стороны конфликта – случай с Приднестровьем, которое во всех документах, посвященных разрешению конфликта с Молдовой, рассматривается именно в таком качестве.

Третий тип – частично признанные государства. Эти образования не имеют членства в ООН и не признаются большинством государств – членов этой организации. Однако они сделали более серьезную заявку на международную легитимацию и преодоление состояния «проблемного» (или «оспоренного») суверенитета. Образования третьего типа получили признание от нескольких государств, входящих в ООН. Количество таких признаний может варьироваться от 113 (Косово), 24 (Китайская Республика или Тайвань) до 1 (Турецкая республика Северного Кипра, чью независимость признает только Турция, и Свободный Кашмир – непризнанное образование, которое признает только Пакистан). Между тем чисто количественные показатели не являются основополагающими в оценке степени прогресса в процессе международной легитимации. У Абхазии и Южной Осетии количество признаний ограничено четырьмя странами, тогда как у Сахарской Арабской Демократической Республики таковых 80, и она помимо этого, является членом Африканского союза. Однако независимость двух бывших грузинских автономий признала Российская Федерация – постоянный член Совета безопасности ООН и «ядерного клуба». В отличие от де-факто государств, частично признанные образования подписывают с признавшими их странами двусторонние договоры, которые считаются легитимными уже не только на территории страны с «оспоренным статусом». В некоторых случаях между частично признанными образованиями и странами – членами ООН устанавливаются дипломатические отношения. Так, Россия открыла свои посольства в Абхазии и Южной Осетии, в то время как абхазская и югоосетинская миссии появились в Москве. Посольство Абхазии было также открыто в Венесуэле, а обязанности посла Боливарианской Республики Венесуэла в Сухуми и Цхинвали стал исполнять посол Каракаса в Москве.

В то же самое время частично признанный статус вовсе не является пропуском в ООН. Несмотря на поддержку независимости Косово со стороны семи членов «Большой восьмерки», два голоса постоянных членов Совета безопасности ООН (КНР и РФ) делают невозможным полноценное включение бывшего сербского края в мировое сообщество, а значит, и подключение к международным механизмам обеспечения безопасности. Сближению же

Косово с ЕС и другими европейскими структурами мешают страны – члены Союза, отказавшиеся от признания его независимости (Румыния, Испания, Словакия, Греция и Кипр).

Заключение

Таким образом, де-факто государства, существующие вне широкого международного признания, представляют собой важный элемент современных политических трансформаций. Их повышенная роль в нынешней международной политике объясняется незавершенностью формирования нового глобального миропорядка, который возник на основе системного кризиса ялтинско-потсдамской системы. В не оформившейся до конца системе международных отношений слишком много недоговоренностей, правовых и политических неопределенностей, значительных зазоров между де-факто и де-юре и еще больше интерпретаций. Но самое главное, затянувшийся переход от одной системы международных отношений к другой сильно тормозит выработку общих подходов и критериев к признанию новых государств, сецессии и территориальной целостности. Все это позволяет непризнанным республикам не только поддерживать свое бытие, но и находить заинтересованных союзников среди влиятельных международных игроков, а также оказывать влияние на мировую политику, непропорциональное их статусу (экономический вес, численность населения, природные ресурсы).

Сам феномен непризнанных государств невозможно привести к единому знаменателю. В его рамках рассматриваются и провалившиеся государственные проекты, и относительно успешные, сделавшие многое на пути международной легитимации, и те, которые по многим параметрам опережают страны, к которым формально приписаны. Все столь непохожие истории объединяет только одно – отсутствие их признания большинством государств и международных институтов. Однако и в этом случае единая оценка непризнанных образований проблематична. Непризнание может и ослаблять, и усиливать политические элиты и государственные институты образований, не имеющих членства в ООН. Но, пожалуй, самый главный урок, который можно извлечь из анализа данного явления, заключается в том, что в разрешении затяжных этнополитических и религиозных конфликтов (порождением которых и стали непризнанные государства разной степени зрелости и эффективности) опора исключительно на формально-правовой инструментарий невозможна. Приходится учитывать массу

факторов социально-культурного, экономического и психологического свойства. На данном пути неприемлема жесткая схема: либо поощрение сецессии, либо ее подавление. В любом случае, без выработки гибких правил игры, разделяемых ведущими мировыми игроками, непризнанные государства еще долго будут оставаться источниками нестабильности не только для «материнских государств», но и для своих союзников и покровителей.

Литература

1. *Lynch D.* Separatist States and Post-Soviet Conflicts // *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs). 2002. Vol. 78. № 4 (Oct.). P. 831–848.
2. *Маркелова А.А.* Сецессия как политический феномен // *Социум и власть*. 2017. № 3 (65). С. 52–53.
3. *De Waal T.* Black Garden: Armenia and Azerbaijan Trough Peace and War. New York; London: New York Univ. Press, 2003. 358 p.
4. *Pegg S.* International Society and the De Facto State. Aldershot: Ashgate. 1998. 308 p.
5. *Kolsto P., Malgin A.* The Transnistrian Republic: A Case of Politicized Regionalism // *Nationalities Papers*. 1998. Vol. 26. № 1. P. 103–128.
6. *Meron R.* After Empire: Russia and the Southern Near Abroad // *The New Russian Foreign Policy*. New York: Columbia Univ. Press, 1988. P. 220–232.
7. *Cornell S. E.* Autonomy as a Source of Conflict: Caucasian Conflicts in Theoretical Perspective // *World Politics*. 2002. № 2. P. 245–276.
8. *Lynch D.* Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. Washington: United States Institute of Peace Press, 2004. 175 p.
9. *Broers L.* The Politics of Non-Recognition and Democratization // *Accord: An International Review of Peace Initiatives. The Limits of Leadership: Elites and Societies in the Nagorny Karabakh Peace Process* / Ed. by L. Broers: 2005. № 17. P. 68–71.
10. *Kupchan C.* Independence for Kosovo // *Foreign Affairs*. 2005. Vol. 84. № 6. P. 152–160.
11. *Tamás G.* Ethnarchy and Ethno-Anarchism // *Social Research*. 1996. № 63 (1). P. 147–190.
12. *King C.* The Benefits of Ethnic War: Understanding Eurasia's Unrecognized States // *World Politics*. 2001. № 3. P. 524–552.
13. *Kolsto P.* The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States' // *Journal of Peace Research*. 2006. № 43 (6). P. 723–740.
14. *Ó Beacháin D.* Electoral Politics in Abkhazia. Paper presented at the conference "After the Melting of Frozen Conflicts", University of Tartu, Estonia, May 27–29, 2010. [Рукопись.]
15. *Ó Beacháin D.* The dynamics of electoral politics in Abkhazia // *Communist and Post-Communist Studies*. 2012. Vol. 45. P. 165–174.

16. *Blakkisrud H., Kolstø P.* Dynamics of de facto statehood: The South Caucasian de facto states between secession and sovereignty // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2012. Vol. 12. № 2. P. 281–298.
17. *Caspersen N.* Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System. 2012. Cambridge: Polity. 210 p.
18. Abkhazia: Between the Past and the Future / Ed. by S. Markedonov, I. Tekushev, K. Shevchenko. Prague: Medium Orient, 2013. 134 p.
19. *Kudelia S.* Domestic Sources of the Donbas Insurgency [Электронный ресурс] // PONARS Eurasia. 2014. Sept. URL: <http://www.ponarseurasia.org/memo/domestic-sources-donbas-insurgency> (дата обращения: 23 дек. 2017).
20. *Umland A.* In Defense of Conspirology: A Rejoinder to Serhiy Kudelia's Anti-Political Analysis of the Hybrid War in Eastern Ukraine [Электронный ресурс] // PONARS Eurasia. 2014. Sept 30. URL: <http://www.ponarseurasia.org/node/7274> (дата обращения 23 дек. 2017).
21. О членстве [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/sections/member-states/about-un-membership/index.html> (дата обращения 3 нояб. 2017).
22. Convention on Rights and Duties of States (inter-American), December 26, 1933 [Электронный ресурс] // Lillian Goldman Law Library. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam03.asp (дата обращения: 25 янв. 2018).
23. *Brownlie I.* Principles of Public International Law. 5th ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 1998. 784 p.
24. *Shaw M.* International Law. 4th ed. Grotius Publication, Cambridge Univ. Press, 1997. 449 p.
25. Yugoslavia through Documents. From Its Creation to Its Dissolution / Ed. by S. Trifunovska. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1996. 1346 p.
26. *King C.* The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford Univ. Press, 2008. 314p.
27. *Nolte G.* Principles of International Law: Self-Determination and Territorial Integrity – as Applied to the Cases of Abkhazia, Kosovo and South Ossetia // Conflict in Post-Soviet Europe. The South Caucasus: Are there Scenarios for Resolution? Berlin: Federal Foreign Office, Foreign Service Academy, 2009. 206 p.
28. Report of the Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict on Georgia. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.scribd.com/document/20427542/Tagliavini-Report-Georgia-Volume-I> (дата обращения 17 дек. 2017).
29. *Troebst S.* “We Are Transnistrians!” Post-Soviet Identity Management in the Dniester Valley // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 437–466
30. *Цуцнев А.А.* Территории проблемного суверенитета // Научные тетради Института Восточной Европы. М., 2006. Вып. 1. С. 19–35.
31. *Yannis A.* The Concept of Suspended Sovereignty in International Law and Its Implications in International Politics // *European Journal of International Law*. 2002. № 13. P. 13–35.
32. *Lapidus G.W.* Contested Sovereignty: The Tragedy of Chechnya // *International Security*. 1998. Vol. 23. № 1, Summer. P. 5–49.

References

1. Lynch D. Separatist States and Post-Soviet Conflicts. *International Affairs (Royal Institute of International Affairs)*. 2002;4(78):831-48.
2. Markelova AA. Secession as a Political Phenomenon. *Sotsium i vlast'*. 2017;3(65):52-3. (In Russ).
3. De Waal T. Black Garden: Armenia and Azerbaijan Trough Peace and War. New York; London: New York Univ. Press Publ.; 2003. 358 p.
4. Pegg S. International Society and the De Facto State. Aldershot: Ashgate Publ.; 1998. 308 p.
5. Kolstø P., Malgin A. The Transnistrian Republic: A Case of Politicized Regionalism. *Nationalities Papers*. 1998;1(26):103-28.
6. Meron R. After Empire: Russia and the Southern Near Abroad. V: *The New Russian Foreign Policy*. New York: Cambridge Univ. Press Publ.; 1988. P. 220–232.
7. Cornell SE. Autonomy as a Source of Conflict: Caucasian Conflicts in Theoretical Perspective. *World Politics*. 2002;2:245-76.
8. Lynch D. Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. Washington: United States Institute of Peace Press Publ.; 2004. 175 p.
9. Broers L. The Politics of Non-Recognition and Democratization. V: Broers L., ed. *Accord: An International Review of Peace Initiatives: The Limits of Leadership: Elites and Societies in the Nagorny Karabakh Peace Process*. 2005;17:68–71.
10. Kupchan C. Independence for Kosovo. *Foreign Affairs*. 2005;6(84):152-60.
11. Tamás G. Ethnarchy and Ethno-Anarchism. *Social Research*. 1996;63(1):147-90.
12. King C. The Benefits of Ethnic War: Understanding Eurasia's Unrecognized States. *World Politics*. 2001;3:524-52.
13. Kolstø P. The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States'. *Journal of Peace Research*. 2006;6(43):723-40.
14. Ó Beacháin D. Electoral Politics in Abkhazia. Paper presented at the conference "After the Melting of Frozen Conflicts", University of Tartu, Estonia, May 27-29, 2010. [Manuscript.]
15. Ó Beacháin D. The dynamics of electoral politics in Abkhazia. *Communist and Post-Communist Studies*. 2012;45:165-74.
16. Blakkisrud H., Kolstø P. Dynamics of de facto statehood: The South Caucasian de facto states between secession and sovereignty. *Southeast European and Black Sea Studies*. 2012;2(12):281-98.
17. Caspersen N. Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System. Cambridge: Polity Publ.; 2012. 210 p.
18. Markedonov S., Tekushev I., Shevchenko K., eds. Abkhazia: Between the Past and the Future. Prague: Medium Orient Publ.; 2013. 134 p.
19. Kudelia S. Domestic Sources of the Donbas Insurgency [Internet]. *PONARS Eurasia*. 2014. Sept. (data obrashcheniya: 23 dec. 2017). URL: <http://www.ponarseurasia.org/memo/domestic-sources-donbas-insurgency>
20. Umland A. In Defense of Conspirology: A Rejoinder to Serhiy Kudelia's Anti-Political Analysis of the Hybrid War in Eastern Ukraine [Internet]. *PONARS Eurasia*. 2014. Sept 30. (data obrashcheniya 23 dec. 2017). URL: <http://www.ponarseurasia.org/node/7274>

21. United Nations Organization. On membership [Internet]. (data obrashcheniya: 3 nov. 2017). URL: <http://www.un.org/ru/sections/member-states/about-un-membership/index.html> (In Russ.)
22. Convention on Rights and Duties of States (inter-American), December 26, 1933. Lillian Goldman Law Library [Internet]. (data obrashcheniya: 25 jan. 2017). URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam03.asp
23. Brownlie I. Principles of Public International Law. 5th ed. Oxford: Oxford Univ. Press Publ.; 1998. 784 p.
24. Shaw M. International Law. 4th ed. Grotius Publication, Cambridge Univ. Press Publ.; 1997. 449 p.
25. Trifunovska S., ed. Yugoslavia through Documents. From Its Creation to Its Dis-solution. The Hague: Martinus Nijhoff Publ., 1996. 1346 p.
26. King C. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford Univ. Press Publ.; 2008. 314 p.
27. Nolte G. Principles of International Law: Self-Determination and Territorial Integrity – as Applied to the Cases of Abkhazia, Kosovo and South Ossetia. Conflict in Post-Soviet Europe. The South Caucasus: Are there Scenarios for Resolution? Berlin: Federal Foreign Office, Foreign Service Academy Publ.; 2009. 206 p.
28. Report of the Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict on Georgia. [Internet]. (data obrashcheniya 17 dec. 2017). URL: <https://ru.scribd.com/document/20427542/Tagliavini-Report-Georgia-Volume-I>
29. Troebst S. “We Are Transnistrians!” Post-Soviet Identity Management in the Dni-ester Valley. *Ab Imperio*. 2003;1:437-66.
30. Tsutsiyev AA. Territories of problematic sovereignty. V: *Papers of the Institute of Eastern Europe*. Moscow, 2006. Issue 1. p. 19-35 (In Russ.)
31. Yannis A. The Concept of Suspended Sovereignty in International Law and Its Implications in International Politics. *European Journal of International Law*. 2002;13:13-35.
32. Lapidus GW. Contested Sovereignty: The Tragedy of Chechnya. *International Security*. 1998;1(23), Summer:5-49.

Информация об авторе

Сергей М. Маркедонов, кандидат исторических наук, доцент, Россий-ский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; smarkpost@gmail.com

Information about the author

Sergey M. Markedonov, PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; smarkpost@gmail.com

Международные отношения: история и социокультурная практика

УДК 327(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-41-55

1938/39 in Soviet and Russian historiography and historical memory

Olga V. Pavlenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, pavlenko@rggu.ru*

Abstract. The article is devoted to the comparison of the Soviet and Russian historiography of the Anschluss of Austria in 1938. In the approach of Soviet and Russian historians, there are significant differences in the study of the Anschluss. The article examines in detail not only the works of Soviet historians, but also the main publications of the archival documents prepared in the second half of the 1940s–1950s by the NKID / USSR Ministry of Foreign Affairs (the principle of selecting documents, analyzing published materials, etc.). At the heart of the Soviet interpretation there was the thesis of the diplomatic isolation of the USSR in the pre-war period, which prevented the Anschluss from being averted. In addition, it was stressed that Austria was the victim of German National Socialism. But, of course, the fact of supporting the Anschluss by the majority of the Austrians was not denied. The study of the Austrian resistance movement was important.

However, based on the research of Russian historians in the 1990s – 2000s it becomes obvious that one can not unequivocally speak of the diplomatic isolation of Moscow in the late 1930s. The situation was much more complicated. The key to further research was the declassification by the Russian Foreign Intelligence Service of the archival material concerning the events of 1938–1939. More attention in recent years' studies has been given to the role of the Polish factor, to the interests and ambitions of Warsaw.

Keywords: Anschluss, international relations, USSR, Austria, Germany, Poland

For citation: Pavlenko OV. 1938/39 in Soviet and Russian historiography and historical memory. *RSUH/ RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;1(11):41-55. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-41-55

1938/39 в советской и российской историографии и в исторической памяти

Ольга В. Павленко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, pavlenko@rggu.ru*

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению советской и российской историографии аншлюса Австрии 1938 г. В подходе советских и российских историков имеются существенные различия в изучении аншлюса. В статье подробно рассматриваются не только труды советских историков, но и основные публикации архивных документов, подготовленных во второй половине 1940–1950-х годов НКВД / МИД СССР (принцип отбора документов, анализ опубликованных материалов и т. д.). В основе Советской интерпретации лежал тезис о дипломатической изоляции СССР в довоенный период, что не позволило предотвратить аншлюс. Кроме того, подчеркивалось, что Австрия являлась жертвой немецкого национал-социализма. Но, конечно, факт поддержки аншлюса большинством австрийцев не отрицался. Большое значение имело изучение австрийского движения сопротивления.

Однако на основе исследований российских историков 1990–2000-х годов становится очевидным, что нельзя однозначно говорить о дипломатической изоляции Москвы в конце 1930-х годов. Ситуация была намного сложнее. Ключом к дальнейшим исследованиям стало рассекречивание российской Службой внешней разведки архивных материалов о событиях 1938–1939 гг. В последние годы больше внимания в исследованиях уделяется роли польского фактора, интересам и амбициям Варшавы.

Ключевые слова: Аншлюс, международные отношения, СССР, Австрия, Германия, Польша

Для цитирования: Павленко О.В. 1938/39 в советской и российской историографии и в исторической памяти // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1(11). С. 41–55. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-41-55

Introduction

A new round of the systemic diplomatic crisis, which started with the Annexation of Austria and ended with the World War Two, revealed a huge gap between the official discourse of political leaders and their behind-the-scene manipulations. Historians are still unable of piecing all elements together. There are so many things left unsaid or unsolved, so many direct or indirect contradictions.

It is a well-known fact that the system of international regulation suffered a global system failure in the thirties of the last century. The time came for epic improvisations and major political gambling. Diplomatic coalitions were predominantly created on a case-by-case basis with every country striving to maneuver in its own best interests. Against this background of overall political distrust, a new international reality came to life, fraught with a potential world tragedy. Who were the “victims” and who were the “butchers”? Historians know just how rigoristic this question is when it comes to analyzing a global process of the genesis of war with a multitude of human egos, vengeful ambitions, pragmatic plans, successful and ill-judged diplomatic moves; a multifaceted and highly intricate system of mutual talks, cynical exchanges, promises kept and broken.

The historical distance of eighty years that lies between the present and the events of the thirties has created a special retrospective image of the Anschluss. This image is compressed in time, with all emotions, pain and clarity of perception faded. But the key “ties” that bind the storyline together remain. They constantly resurface in the historical memory through the combined efforts of scholars, politicians and journalists, as some sort of markers for the national consciousness of modern societies.

The issue of historical interpretations, the relation between the “impression” of the collective memory and academic studies are now seen in a new perspective. The singularity of memorization lies in the fact that it introduces in the collective imagination the so-called “conflict zones” that subsequently transpire not only in research papers and mass media, but also in the official discourse on the highest political level.

The latest major studies urge the international scientific community to create a new methodological culture that would be able to rise above

national and historical stereotypes, to develop a new meta language and explanatory constructs. The book of Alexander Chubaryan *Kamun tragedii. Stalin i mezhdunarodnyj krizis: sentyabr' 1939 – iyun' 1941* (The eve of the tragedy. Stalin and the International Crisis: September of 1939 – June of 1941) presented a kind of diagnosis of the existing historiographical situation “where, in terms of methodology, the idea is to break up the big picture, very complex and controversial, into separate pieces, to highlight a particular party and a special historical trend, which is fraught with danger of either distorting the reality, or exaggerating a particular narrative at the expense of others” [1 p. 14-16].

Chubaryan suggests using a multi factor analysis that would perfectly make it possible to take into account various, sometimes clearly contradictory trends and events by providing insight into dictatorships or democracies, by examining the nature and mechanism of a decision-making process. The method that he successfully used to analyze the state of international affairs in 1939 is vital in understanding the realities of the 1938 crisis. It is true that one has to have a clear idea of “ideological filters” existing in the minds of the elite and the internal trends of the analyzed political environment when reconstructing the motives of political decisions. It is also highly important to study the procedures of data processing and transmission via government channels from the bottom upwards.

In this regard, the comprehensive research on “Totalitarian and Authoritarian Regimes in Europe” initiated by two historians Jerzy W. Borejszas (Poland) and Klaus Ziemer (Germany) holds a considerable scientific potential for a multiple factor analysis. This study examines totalitarian and authoritarian regimes, as well as the various transitional political forms of the thirties on several layers of historical perception:

- predictive (genesis level – would-be);
- simultaneous (from the perspective of actual political developments);
- retrospective (the fact of scientific analysis and the fact of collective memory, memorization process) [2].

The emergence of such a study is a perfect example of multiple factor analysis of the history of the thirties, where the research is focused not only on the interpretations of the totalitarian past by the relevant national historiographies, but also on the “memory policies and the culture of recollections” in modern societies.

There is a certain paradox surrounding the topic of the Anschluss with Austria. Dozens of sources from the archives of various countries have been published. Hundreds of valuable research papers and comprehensive studies have been written. National historiographies have

established their own reference points and research perspectives, there is now a relatively well-established narrative and there are conceptual frameworks for presenting the outline of the 1938 events. Yet, there is still no consensus among historians from different countries regarding a number of fundamental issues. The representatives of each country have their own versions of the answer. Who helped Hitler revise the international setup? Which countries were ready to support this revision, and which ones, according to one German historian, were ready to pick up the bigger and bigger pieces falling from the collapsing Versailles system like “hyenas on a battlefield”?

These questions were raised as early as the end of World War II, when politicians and diplomats were discussing the political and the legal aspects of the “blame attribution” for the allies of the Third Reich. But they are just as relevant today. There are regular outbreaks of the discussions on the topic, new interpretations of the events keep on coming into light. Yet, any scientific analysis based on the “criminal-victim” or “guilty and wrongly accused” approach usually yields no real results, thus reducing the historical analysis to the ideological motivation of current political interests. Such approach remains highly tempting for modern historiography that has not yet been able to fully grow out of the “methodological nationalism”.

This article does not pretend to cover a wide range of references. It only tries to outline the development of historiographical representations of the Anschluss in the Russian historiography and to highlight some new trends in its modern interpretations.

Soviet Vision of the Anschluss, 1938

The progress of Soviet research is in line with the overall evolution of historical studies in the second half of the 20th and the beginning of the 21st centuries. It is hardly an exaggeration to say that the realities of the Cold War have directly affected the academic interpretations of the subject. The more violent the confrontation between the USSR and the USA was, the more rigoristic the opinions in scientific papers were¹.

Already at the end of the forties and the beginning of the fifties, there were two basic philosophies. One, for the purpose of this discussion, can be defined as “pro-Soviet”, the other one – “pro-Western”. In a very valuable research on the German-Soviet cooperation in September 1939 and the dissolution of the Polish State, its author,

¹ The development of the Soviet / Russian historiography of Munich is considered in a number of studies (see details: [4, 5 p. 169-176, 6 p. 15-38]).

Natalya Lebedeva, emphasizes that “the Soviet historiography invariably followed the official line presented on the same occasion, in September 1939, by the government of the USSR itself” [3 p. 170]. As for the Soviet interpretation of the Annexation of Austria, that was a different story.

The early versions of the Soviet concept were already missing Stalin’s pre-war outspoken remarks made throughout 1938. The outlines of the big picture were elaborated in the context of the Cold War, which is why the image of the Anschluss in the Soviet historiography had a clear ideological focus from the very beginning. It was meant to obscure the events that followed in 1939.

For Soviet academic papers, the year of 1938 was of a crucial significance, it was seen as the key event of the global international crisis on the eve of World War II. The Soviet concept “from Anschluss to Munich” was instrumental from the very beginning. It was used to explain the reasons for the subsequent reluctant rapprochement of the USSR with Germany. It was one of the most sensitive topics for the Stalin government. It had to respond to the information campaign concerning the Soviet-German Non-Aggression Pact, launched in the West, and to make its case before the Soviet people. The academic field of the non-fiction papers and research was gradually turning into an ideological front, in both the Soviet Union and the West.

The formulation of the Soviet version of this topic began as early as the end of the war and the task was confined to Academician V. Potemkin, Deputy Director of the People’s Commissariat for Foreign Affairs (NKID), who had personally taken part in the negotiations, had an insider’s knowledge of the situation and access to a wide range of information. The third volume of the *“History of Diplomacy”*, published in 1945 under his editorship, includes the chapter covering the events of 1938–1939 that he wrote together with Prof. A. Pankratova. These texts are particularly valuable, since they were written shortly after the facts, when the Soviet concept was yet to become a solid ideological construct. They still contain the echoes of “living history”, individual opinions about the analyzed process.

The text mentions Hitler’s failed project to create a fascist Ukrainian state of Carpatho-Ukraine, which was to be used for the “subsequent takeover” of the Soviet Ukraine and the “reunification with Kiev” [7 p. 655]. This topic was never considered separately in the later Soviet studies. A postscript, seemingly extraneous in both style and structure, was added at the very end of the text: “It was rumored that the French and the British governments had talks with the Soviet representatives while dealing with the Czech crisis, that even the Munich agreements were supposedly pre-approved by the Soviet government. In support

of this statement, it was pointed out that Bonnet had meetings with the Soviet ambassador in Paris, whereas Halifax and Cadogan – with Soviet representatives in London. Then on November 4, the TASS declared this information to be completely unfounded. In their talks with the Soviet delegation, the British Foreign minister and his French counterpart only shared some newspaper materials. As for the Munich conference and its resolutions, the Soviet government never ever had anything to do with it” [7 p. 646]. This opaque reference to the attempts to reconcile the positions of the USSR, Great Britain and France also disappeared from the Soviet studies in the fifties and the sixties.

In fact, it was another version that became firmly established, according to which the USSR remained politically isolated during the Annexation of Austria, as well as afterwards, because of the “confusion and turmoil” in the European democracies and the “policy of collusion with the aggressor” pursued by London. The essence of the Soviet concept can be summed up with a phrase from the *History of Diplomacy* in 1946: “Virtually alone, the Soviet Union continued to defend the international rights of democracy. For instance, its diplomacy took upon itself to defend the Covenant of the League of Nations that could still be used to organize a collective response to the aggressors” [7 p. 624]. In the fifties through the eighties, the analysis of the intensification of the international crisis in Europe on the eve of World War II was based on this particular statement.

The second equally important standpoint that defended the Soviet historiography consisted in the idea that Austria fell victim to the German national socialism. The Soviet diplomatic documents of the second half of the thirties show that great attention was paid to the Austrian crisis. Moscow knew that it had had a decisive influence on the state of international affairs, having fundamentally shifted the balance of power in favor of Germany. The note of March 14, 1938, written by Maksim Litvinov, People’s Commissar for Foreign Affairs, to the Politbureau of the Central Committee of the VKP(b) emphasized: “The takeover of Austria is the most important event after the end of the world war that is fraught with the greatest dangers, not least of all for our Union” [8 p. 2] Litvinov’s strategy to put in motion the mechanisms of collective security of the League of Nations was supported by neither England, nor France, or any small European country

Litvinov knew that the Austrian and Czechoslovakian issues constituted links in the same chain. His records often contain such notions as “violation of Austria”, “violation of Czechoslovakia”, “takeover of Austria by Germany” [8 p. 2]. It was essentially the Anschluss with Austria that became the point of no return for the Versailles order. The Soviet diplomatic and later on historiographical traditions

interpreted the Anschluss as a “violence against Austria” and a preface to the 1938 Munich. In the *History of Diplomacy* of 1945, there was a separate chapter called “Takeover of Austria and dismemberment of Czechoslovakia by Nazi Germany”². It was used as a guide for the first selections of diplomatic documents and numerous academic papers [9,10,11]. Diplomatic records show that starting with March 17, 1938, the USSR stated its willingness to fulfill its obligations on 10 occasions. As for the bilateral relations, Moscow appealed six times to France, four times to the Czech government, three times to Britain, asking them to repel the Nazis together.

Thus, from the very beginning the official Soviet version presented Austria as a “victim of Nazis” along with Czechoslovakia. Afterwards, there appeared a series of papers examining in detail the forms of resistance against the Nazis in Austria during the Third Reich.

The Soviet historians agreed that the majority of the Austrian population were in favor of the Anschluss, yet they emphasized the fact that Austrians were turned into “the slaves of the empire obedient to fascism and the Fuhrer” and that the most “cruel measures were taken to annihilate any trace of the country’s independence” [12 p. 108]. A particular attention was paid to the anti-Hitler resistance of Austrian communists

² Subsequently, the documents of the NKID were published in an extensive edition – Documents on the Foreign Policy of the USSR. V. XVIII–XXII. In response to a documentary publication in Washington on the Soviet-German negotiations of 1939, a pamphlet “Falsifiers of History. Historical reference” was published in Moscow in a huge circulation. In the same year of 1948, the first edition of diplomatic documents was prepared in two volumes, which served as an actual confirmation of the conclusions of this book. It was personally edited by Stalin and based on a clear logical scheme for describing the negotiations around the Munich agreement (for more details, see: [7 p. 613]). The publication of the “Falsifiers of History” laid the foundation of the Soviet concept. It included a number of key positions: first, the thesis of the diplomatic isolation in which the USSR found itself as a result of the events of 1938; secondly, the method of sharp opposition of the diplomatic strategies of the USSR (fidelity to the principles of collective security) and England-France-the USA (pacification of the aggressor); thirdly, a rigid interpretation of the “problem of guilt” for Munich, and as a consequence, for the time-unleashing of World War II. The charge was openly addressed to the Western powers. Finally, the idea was especially emphasized that the USSR was the only true ally of the torn Czechoslovakia. It was ready to provide military assistance, if not for the “bourgeois governments” of Poland and Hungary, who were maneuvering between Hitler and the West.

in Lower Austria, Carinthia, Upper Austria, the catholic organization of Karl Stolz and socialist resistance groups [12 p. 136-158]. The overall conclusion was straightforward: the Anschluss was a “great tragedy for the Austrian people” [12 p. 167].

Interpretations of the Anschluss in Contemporary Russian Historiography

Over the last 25 years, the Soviet version has been considerably revised by Russian scientists. There are four key trends that can be singled out in the analysis of the Anschluss:

First. The idea of the Soviet diplomatic isolation underwent a considerable revision. At first, V. Volkov advanced the idea concerning Stalin’s attempts to build a close relationship with Germany. The ambitious projects of economic cooperation in 1934–1936 and at the beginning of 1938 failed. But the Soviet party continued to contact Germans with Soviet military orders. Volkov suggested that “against the background of a violent political unrest in Europe and a considerable international isolation of the USSR, Stalin tried to be a servant to two masters, so to speak, in order to be able to maneuver at his discretion depending on the latest developments on the global scene” [3 p. 49,13]. However, in the absence of solid sources that would make it possible to shed light on the Kremlin behind-the-scene secrets, Volkov only made a reserved statement that “if one got rid of all the extravagances, the range of plausible assumptions would be relatively limited”.

Later, D. Nadzhafov published *Podlinnoe tolkovanie Myunkhena* (The truthful interpretation of Munich) in Russian accompanied by his own comments. In this publication, he did not rule out the possibility that the secret German-Soviet contacts could have taken place after the Anschluss and during the Munich situation. In his opinion, Moscow had turned into a diplomatic Mecca in the pre-war Europe. He believed that the events of 1938 gave a powerful impulse to the rapprochement of the USSR and Germany. But similar to Volkov, Nadzhafov had nothing but indirect evidence to confirm the existence of the secret Soviet-German contacts [14 p. 67-88, 90].

In current Russian studies, the question of rapprochement between Stalin and Hitler is tied in with his analysis of international situation formulated during and after the Munich events.

Second. In 2008, the Russian Foreign Intelligence (SVR) declassified its archives for 1937–38. We are talking about all kinds of information that was received via the Soviet agent positions in London, Paris, Rome, Berlin and other European capitals. It includes documents from

diplomatic missions, correspondence of ambassadors with their centers, analytical notes, data from the highest military and political circles. All these materials were summarized for the Soviet political government in real time. According to the SVR veteran Lev Sotskov who had prepared this set of documents, the key Munich parties had an ultimate priority “to make Hitler make a move to the East”.

In his analysis of the content of the declassified documents, Sotskov points out that “some observers and participants of the political process knew that an agreement with Hitler would push the Soviet Union to look for its own way out of the crisis. It was quite possible that it would make the Kremlin try to come to an agreement with the Germans. There were also warnings that there was absolutely no guarantee that Hitler would choose to move to the East”. For instance, the dispatch of a French ambassador in Berlin to his Ministry of Foreign Affairs read: “bear in mind that what frightens Berlin the most at the moment is a possible alliance between Russia, England and France”. But this union was most likely impossible due to a very strong aversion to the Communist state. In November 1938, the Soviet secret service informed the Center that “England and France will no longer stand in the way of the German expansionism to the East” [15 p. 1-2].

The general analysis of the documents is in line with the article by V. Karpov *Vneshnyaya razvedka i myunkhenskij sgovor* (Foreign intelligence and the Munich conspiracy) [16 p. 134-146]. Its author states that the Kremlin was aware of the pro-fascist tendencies within the French General Staff and the appeal that stable relations with the Nazi Reich held for the major British lobby of industrialists, financiers and merchants. But the repressions that suffered the state security agencies in 1937–38 resulted in a virtual dismantling of the Soviet intelligence service. There were no competent leaders left in the Center. Despite a flow of data coming from the European stations, by autumn 1938, the foreign intelligence bodies had no direct access to Stalin. Another researcher, M. Meltyukhov, also points out the incoherence of intelligence data regarding Germany and a very poor quality of the analytical material sent by the stations, which was a “tribute to the existing oppressive environment” [17 p. 109]. Needless to say that the declassified documents await their researcher, for they contain some unique data on the state of affairs in the highest circles of the European elite and will be able to shed some light on the special aspects of the Soviet foreign-policy planning.

After all, we know Stalin’s definition of the “new imperialistic war” that he gave a year after the Anschluss in his report at the 18th Congress of the All-Union Communist Party (VKP[b]) (March 1939). Back then, he repeatedly emphasized the fact that the war “had become

a factor". "The war is unrelenting. One cannot conceal it under any covers", "it is not yet global, not yet a world war. The war is waged by aggressor nations that infringe upon the interests of non-aggressive countries, above all, England, France, USA, in every possible way, whereas the latter keep on back-pedaling and retreating, making more and more concessions to the aggressors (...). One might imagine that Germans were given the Czech regions as a price for their obligation to start a war with the Soviet Union, and now Germans refuse to pay the bill and tell them to go where the sun does not shine" [18 p. 12-14].

Third. Recent studies make a special emphasis on the connection between the Polish factor and the 1938 events. It concerns very complex and highly sensitive relations within the Berlin-Warsaw-Moscow triangle. After all, only several days after the Nazi troops had invaded Austria, Poland engineered a conflict with Lithuania regarding the city of Vilnius (known in Poland as *Wilno*) and its surrounding region³. Moscow sided with Lithuania, even though the nature of the Soviet action was mostly symbolic.

At the same time, Poland was busy trying to get closer to Germany in order to ensure its Western borders, gain recognition of its interests in Lithuania and confirm the official standing of Danzig. But all it got from Germany was Teschen Silesia. Not much of a reward for an open political cooperation. The papers by M. Meltyukhov, S. Morozov, Y. Ivanov analyze the "Polish factor" from a geopolitical perspective [19,20]. The Russian and Polish historiographies share the same view that Poland tried to become a bearing structure for the new *Third Europe* coalition, in particular during the period that followed the Annexation of Austria and the preparation of dismemberment of Czechoslovakia.

In this respect, it is particularly interesting to examine a document from the Archives of Foreign Affairs of the RF published by S. Sluch, an expert in the sources of the thirties. I am talking about an operational guideline that *Vladimir Potemkin*, the USSR First Deputy *People's Commissar* of Foreign Affairs, wrote to Yakov Suritz, Soviet Ambassador to France, in April 1938. Potemkin was well aware of the political situation in Paris, having himself been Soviet Ambassador to France until 1937. On the eve of the May crisis in 1938, he provided his colleague with some guidelines in order to organize "an anti-Polish campaign in the French media by describing the role of Beck the traitor and the fate that awaited Poland should it continue on the path chosen by Hitler". It was followed by a clear description of Poland's future: "Germany is counting on Danzig and Memel, Poland hopes for Lithuania, Latgale

³ Diplomatic materials on this topic were presented in detail in the historical and documentary publication (see details: [21]).

and even Libau. It is entirely plausible that Hitler whets Poland's appetite on purpose. His intentions are quite clear. Comrade Stalin used to talk about them with Laval when the latter was in Moscow. Hitler takes into account the inevitability of Poland's defeat by our troops. By carrying out the German plan, Poland as good as prepares itself for a fourth partition and a loss of its national independence" [3 p. 99]. Based on this document, S. Sluch reckons that "as early as spring 1938, Stalin already considered the Soviet-Polish war highly possible and the partition of Poland between the USSR and Germany" [3 p. 99]. But so far there has been no direct evidence in support of this claim.

Fourth. It is a well-known fact that the Austrian 1938 crisis holds a unique position in the international processes on the eve of World War II. There is a full consensus on the subject. I only wish to summarize several key points:

1) From the middle of 1937, the center of international politics has been gradually shifting from the Iberian peninsula to Central Europe, where a new focus of trouble between nations was emerging based on the German Third Reich's claims for the Austrian Republic [22 p. 58, 8 p. 23-47]. Its starting point was the "friendly" agreement between Austria and Germany of July 11, 1936.

2) The Anschluss with Austria dealt a crushing blow to the stability of the Versailles system and propelled to new heights the differences between the Western democracies and the Nazi nations. The Anschluss brought the Western democracies in a state of a "strategic paralysis". After the Austrian crisis, the only alternative London had was to focus on the pacification of the aggressor, whereas Paris had no other choice but to follow the Great Britain's lead.

3) Starting with April 1938, the Western nations had completely lost their momentum on the international scene that was then fully in Berlin's control. The events in Austria helped to resolve the last remaining differences between the Nazi Italy and Germany, having confirmed the viability of the belligerent solution. The Austrian crisis opened the way to Munich, which marked the transition from the state of crisis to the period of collapse of the Versailles order.

Conclusion

In *Uses of the Other*, Norwegian historian Iver Neumann reveals a major concern in international relations of the past and the present [23 p. 25-71]. He analyzes the mechanisms that regulate the way national societies perceive each other. It concerns various levels: historiography, global affairs, social communications. Through numerous examples,

Neumann managed to show that the perception of the Other, as a rule, happens through understanding of one's own interests. While getting to know the Other, societies try to discover their own positive differences from Others. Against the background of global politics, the perception of the Other proceeds through understanding and affirmation of one's own interests, motives and needs. Perception, but not Understanding. Unilinear interpretations in academic studies have but their own national perspectives to focus on. It manifests itself in the unwillingness to understand the motives of the Other, to appreciate the Other in terms of his/her interests and traditions. But it is very hard to understand the deep motives of the Other's political behavior. It is much easier to accept the unilinear interpretation, that is to elaborate a narrative concerning a certain event / phenomenon through a prism of one's own political interests, and nothing else.

As long as historiographies are dominated by unilinear interpretations, the historical memory will reproduce confrontational images from the past, and governments will continue to claim compensations for historical grudges. It is just possible that the way out of this situation lies in the methodology of a multi factor analysis.

References

1. Chubarian AO. The Eve of Tragedy. Stalin and the International Crisis: Sept. of 1939 – June of 1941. Moscow: Nauka Publ.; 2008. 476 p. (In Russ.)
2. Borejsza JW., Ziemię K., ed. Totalitarian and Authoritarian Regimes in Europe. Legacies and Lessons from the Twentieth Century. New York, Oxford: Berghahn Books Publ.; 2006. 607 p.
3. Volkov VK., Gibiansky LY., ed. Eastern Europe between Hitler and Stalin. 1939-1941. Moscow: Indrik Publ.; 1999. 528 p.
4. Meltyukhov MI. The Prehistory of the Great Patriotic War in Contemporary Discussions V: Bordyugova GA., ed. Historical Studies in Russia: Recent Trends. Moscow: Airo XX Publ.; 1996. 464 p. (In Russ.)
5. Korolenkov AV. On the Eve: Continuation of Discussions on the Events of the Pre-war Period. *National History*. 2004;3:169-76. (In Russ.)
6. Nevezhin V. "If Campaign is Tomorrow". Moscow: Yauza Exmo Publ.; 2007. 320 p. (In Russ.)
7. Potemkin VP., ed. History of Diplomacy. Vol. 3. Diplomacy in the Period of Preparation for the Second World War (1919-1939). Moscow: OGIZ Publ.; 1945. 655 p. (In Russ.)
8. Narinsky MM. International Political Crisis on the Eve of World War II. *Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations*. 2009;4:24-47. (In Russ.)
9. Documents and Materials of the Eve of the Second World War. 2 vol. Moscow: MID SSSR Publ.; 1948. 415 p. (In Russ.)
10. New Documents from the History of Munich. Moscow: Politizdat Publ.; 1958. 156 p. (In Russ.)

11. Fierlinger Z. Ve sluzbach CSR. Praha: Svoboda Publ.; 1947. 352 p. (Reports of the former Czechoslovak Ambassador to the USSR Z. Fierlinger on the basis of his conversations with the People's Commissar for Foreign Affairs, M. M. Litvinov and his Deputy V. P. Potemkin. Subsequently, most of his memoirs were translated and published in the USSR.)
12. Poltavskiy MA. The Austrian People and Anschluss in 1938. Moscow: Nauka Publ.; 1971. 167 p. (In Russ.)
13. Bezymensky LA. Special Mission of David Kandelaki. *Voprosy Istorii*. 1991;4-5:144-56. (In Russ.)
14. Nadzhafov DG. USSR in Post-Munich Europe: Oct. 1938 – Mar. 1939. *Otechestvennaya Istoriya*. 2000;2:67-88. (In Russ.)
15. Sotskov L. The Purpose of the Munich Collusion Is to Turn Hitler to the East. *Izvestia*. 2008. Sept. 30. (In Russ.)
16. Karpov VN. External Intelligence and Munich Collusion. *Dialog-OD*. 2000;6:52-56. (In Russ.)
17. Meltyukhov MI. Missed Chance of Stalin. The USSR and the Struggle for Europe: 1939-1941 (Documents, Facts, Judgments). 2nd ed. Moscow: Veche Publ.; 2002. 655 p. (In Russ.)
18. 18th Congress of the CPSU (b). Verbatim Report. Moscow: OGIZ Publ.; 1939. (In Russ.)
20. Morozov SV. Polish-Czechoslovak Relations. 1933-1939. What Was Hidden behind the Policy of "Equidistance" of Minister J. Beck? Moscow: Moscow State University Publ., 2004. 528 p. (In Russ.)
21. Meltyukhov MI. Soviet-Polish Wars. Military-Political Confrontation. 1918–1939. Moscow: Veche Документы по внешней политике СССР. Т. 22. Кн. 1, 2. М.: Политиздат, 1992.2001. 464 p. (In Russ.)
22. Documents on Foreign Policy of the USSR. 24 vol. Vol. 22. Book 1,2. Moscow: Politizdat Publ.; 1992. (In Russ.)
23. Naumov AO. Anschluss Austria in 1938 as a Crisis of the Versailles System. *Novaya I Noveyashaya Istoriya*. 2006;6:172-74. (In Russ.)
24. Neumann I. Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation. Moscow: Novoe Izdatel'stvo Publ.; 2004. 336 p. (In Russ.)

Литература

1. Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941. М.: Наука, 2008. 476 с.
2. Totalitarian and Authoritarian Regimes in Europe. Legacies and Lessons from the Twentieth Century / Ed. by J.W. Borejsza, K. Ziemer. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2006. 607 p.
3. Eastern Europe between Hitler and Stalin: 1939–1941. Volkov V.K., Gibiansky L.Y., ed.. Moscow: Indrik, 1999. 528 p.
4. Мельтюхов М.И. Предыстория Великой Отечественной войны в современных дискуссиях // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1996. 464 с.
5. Короленков А.В. Накануне: продолжение дискуссий о событиях предвоенной поры // Отечественная история. 2004. № 3. С. 169–176.
6. Невежин В. «Если завтра в поход...». М.: Яуза: Эксмо. 320 с.

7. История дипломатии. Т. 3: Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) / Под ред. В.П. Потемкина. М.: ОГИЗ, 1945. 655 с.
8. *Наринский М.М.* Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны // «Завтра может быть уже поздно...»: Вестник МГИМО – Университета. Спец. выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны [сб. ст. и материалов]. М.: МГИМО, 2009. С. 23–47.
9. Документы и материалы кануна второй мировой войны. В 2 т. М.: М-во иностр. дел СССР, 1948. 415 с.
10. Новые документы из истории Мюнхена. М.: Политиздат, 1958. 156 с.
11. *Fierlinger Z.* Ve sluzbach CSR. Praha: Svoboda, 1947. 352 p. (Reports of the former Czechoslovak Ambassador to the USSR Z. Fierlinger on the basis of his conversations with the People's Commissar for Foreign Affairs, M. M. Litvinov and his Deputy V. P. Potemkin. Subsequently, most of his memoirs were translated and published in the USSR.)
12. *Полтавский М.А.* Австрийский народ и Аншлюс 1938 г. М.: Наука, 1971. 167 с.
13. *Безыменский Л.А.* Особая миссия Давида Канделаки // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 144–156.
14. *Наджафов Д.Г.* СССР в послевоенной Европе: октябрь 1938 – март 1939 г. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 67–88.
15. *Соцков Л.* Цель мюнхенскогоговора – повернуть Гитлера на восток // Известия. 2008. 30 сент.
16. *Карпов В.Н.* Внешняя разведка и мюнхенскийговор // Диалог-ОД. 2000. № 6. С. 52–56.
17. *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина: СССР и борьба за Европу: 1939–1941: документы, факты, суждения. 2-е изд. М.: Вече, 2002. 655 с.
18. XVIII съезд ВКП (б): Стенографический отчет. М.: ОГИЗ, 1939.
19. *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения: 1933–1939 гг.: Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека? М.: Изд-во МГУ, 2004. 528 с.
20. *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние: 1918–1939. М.: Вече, 2001. 464 с.
21. Документы по внешней политике СССР: В 24 т. Т. 22, кн. 1, 2. М.: Политиздат, 1992.
22. *Наумов А.О.* Аншлюс Австрии в 1938 году как кризис Версальской системы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 172–174.
23. *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое изд-во, 2004. 336 с.

Информация об авторе

Ольга В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; pavlenko@rggu.ru

Information about the author

Olga V. Pavlenko, PhD in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; pavlenko@rggu.ru

Революционная агитация среди военнопленных русской армии в Японии в 1904–1906 гг.

Вячеслав К. Шацилло

*Институт всеобщей истории Российской академии наук,
Москва, Россия, vshatsillo@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена теме изучения революционной пропаганды среди русских военнопленных в Японии в 1904–1906 гг. В результате крайне неудачной для Российской империи Русско-японской войны в плен к врагу попало более 70 тыс. русских военнопленных, среди которых велась активная революционная агитация противниками царизма. Русскими революционерами и их сторонниками готовились также планы вооруженного вторжения из Японии в Россию с целью свержения царизма. В российской историографии эта тема до сих пор не получила должного освещения. Автор поставил своей целью, применяя методы конкретно-исторического анализа, на основании ранее не использованных источников изучить влияние революционной пропаганды среди русских военнопленных в 1904–1906 гг. на изменение их политических настроений. Он приходит к выводу о том, что, хотя объективные документальные источники не позволяют четко определить эффективность воздействия революционной пропаганды на политические взгляды пленных солдат и офицеров в Японии, военное поражение царизма в войне с более слабым противником и знакомство с достижениями японской культуры и экономики заставили задуматься многих из них о необходимости проведения демократических реформ в самодержавной России.

Ключевые слова: Русско-японская война, русские военнопленные в Японии, политика Японии, революционная пропаганда и агитация

Для цитирования: Шацилло В.К. Революционная агитация среди военнопленных русской армии в Японии в 1904–1906 гг. //

Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1(11). С. 56–67. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-56-67

Revolutionary Agitation among the Russian Prisoners of War in Japan, 1904–1906

Viacheslav K. Shatsillo

Russian Academy of Sciences Institute of World History, vsatsillo@mail.ru

Abstract. The article analyzes the revolutionary propaganda among the Russian prisoners of war in Japan in 1904–1906. As a result of the Russo-Japanese War, extremely unsuccessful for the Russian Empire, more than 70 thousand Russian soldiers were captured by the enemy. A very active revolutionary agitation by the opponents of tsarism was carried out among the prisoners of war. The Russian revolutionaries and their supporters also made plans for the military invasion of Russia from the territory of Japan with the aim of overthrowing tsarism. In the Russian historiography, this issue has not been adequately analyzed yet. In the article, the author uses the methods of a concrete historical analysis. Based on the previously unused sources, the research aims at the study of the impact of 1904–1906 revolutionary propaganda on the change of the political views of the Russian prisoners of war. The author comes to the conclusion that the documentary sources do not allow the researcher to definitely determine the effectiveness of the revolutionary propaganda impact on the political views of the imprisoned Russian soldiers and officers in Japan. Nevertheless, the military defeat of tsarism in the war with the weaker enemy and the acquaintance with the achievements of the Japanese culture and the economy made many of the prisoners of war think about the necessity of the democratic reforms in autocratic Russia.

Keywords: Russo-Japanese war, Russian prisoners of war in Japan, policy of Japan, revolutionary propaganda and agitation

For citation: Shatsillo VK. Revolutionary Agitation among the Russian Prisoners of War in Japan, 1904–1906. *RSUH/ RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;1(11):56-67. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-56-67

Введение

Трагически закончившаяся для царизма Русско-японская война привлекала и привлекает поныне мало внимания и советских, и российских историков. В СССР события 1904–1905 гг. рассматривались только сквозь призму еще одного убедительного доказательства авантюризма внешней политики царизма и неспособности самодержавия оказать достойное сопротивление на поле боя даже слабому противнику. В настоящее время тему анализа причин поражения императорской России в войне на Дальнем Востоке историки стараются избегать, а иногда даже подвергают сомнению сам факт поражения русской армии и флота. Такая проблема, как русские военнопленные в Японии и их положение, на наш взгляд, остается «белым пятном» в отечественной историографии. Достаточно отметить, что самой значимой работой на русском языке и по сей день считается исследование японского профессора Такэси Сакона «Военнопленные в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.» [1]. А деятельность активного революционного пропагандиста среди русских военнопленных Н.К. Судзиловского (Русселя) стала предметом фундаментального исследования также японского историка Харуки Вада [2]. Что же касается нашей страны, то после публикации ряда воспоминаний участников войны и бывших русских пленных, вышедших в свет в первые десятилетия прошлого века, интерес к изучению гуманитарных аспектов Русско-японской войны вообще и положению русских военнопленных на Японских островах в частности заметно упал. Это тем более удивительно, что данной теме посвящены серьезные труды не только японских, но и американских историков [3]. Вместе с тем в фондах Государственного архива РФ (ГАРФ) хранится немало важных источников, которые позволяют прояснить некоторые факты, связанные с ведением революционной пропаганды среди русских военнопленных и иными гуманитарными аспектами Русско-японской войны [4]. Именно поэтому автор статьи поставил перед собой задачу при помощи методов сравнительно-исторического анализа, используя последние работы отечественных и зарубежных историков и неисследованные ранее документальные источники, проанализировать результаты революционной агитации среди военнопленных русской армии в Японии в 1904–1906 гг. в условиях военного поражения царизма на Дальнем Востоке и революции 1905–1907 гг. в России.

*Русские военнопленные в Японии:
количество и условия содержания*

Исторически сложилось, что в последние полтора века в России и крупные демократические реформы, и радикальные революции происходят в условиях военных неудач, которые становятся несомненным катализатором кардинальных социально-политических изменений. Так было после поражения и в Крымской войне, и в Первой мировой. А мощнейший импульс для начала и расширения русской революции 1905–1907 гг. дали унижительные разгромы нашей армии на сопках Маньчжурии и уничтожение почти всего императорского флота в Цусимском проливе.

Войн, а тем более проигранных, как известно, не бывает без военнопленных. На вопрос, сколько именно наших военнопленных находилось в японском плену в 1904–1906 гг. ни русские, ни японские историки до сих пор не могут дать четкого ответа. У японских историков это число колеблется от 79 367 до 86 105 человек. А в российской газете «Известия» писалось о 32 500 человек [5]. Нам же наиболее обоснованным представляется утверждение о том, что на момент подписания Портсмутского мира в японском плену находилось 62 149 человек. Всего на родину из плена вернулось 72 408 солдат и офицеров. Разница – свыше 10 000 – объясняется тем, что часть военнослужащих была репатрирована еще во время войны. Кроме этого, 462 воина умерло в лагерях от ран и болезней, их прах остался на японской земле. Поэтому фактическая численность репатриированных русских военных составляет 71 946 человек.

Первые русские, отправленные в 1904 г. в Японию, были не военнопленные, а интернированные после знаменитого морского боя у корейского Чемульпо русские моряки с крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец». Их спас французский военный корабль «Паскаль». Затем моряки были переправлены в Шанхай, а позже переданы Красному кресту Японии. После выздоровления, независимо от хода войны, всем им было разрешено вернуться домой в Россию.

Военнопленные содержались в лагерях, находящихся на территории Японии. Наиболее крупными из них были Мацуяма, Фукока и Нагоя. Всего на Японских островах было создано 28 лагерей. Количество русских военнопленных в Японии особенно резко возросло после падения Порт-Артура в начале января 1905 г.

Тем не менее можно с уверенностью сказать, что Русско-японская война была первой и последней «джентльменской» войной XX в.

К попавшим в плен русским военнослужащим японские власти проявили немыслимое по нашим временам благородство: офицерам и генералам было разрешено немедленно отправиться домой в том случае, если они письменно пообещают больше не участвовать в боевых действиях. Такой возможностью воспользовались 440 человек. Именно в подобном спецпоезде со всем имуществом уехал в Россию из Порт-Артура пресловутый генерал А.М. Стесель. Офицеры, из патриотических побуждений не пожелавшие подписать обещание больше не участвовать в войне, коих было подавляющее большинство, были отправлены в Японию. На принудительных работах их не использовали, хорошо кормили, разрешали свободно гулять, посещать театры и заведения с гейшами. Им даже не возбранялось за свои деньги выписывать семьи из России.

Офицеров, как правило, размещали в японских семьях, но достаточно свободные порядки царили и в лагерях для нижних чинов.

К слову, и в России к японским пленным тех лет относились по-джентльменски, за что японцы искренне благодарили российское правительство. Правда, этих пленных было намного меньше — всего 1973 солдат и офицеров в чине от майора и ниже.

Оторванные от дома, имеющие специфический жизненный опыт, скучающие не по своей воле от безделья, десятки тысяч российских мужчин самого различного социального происхождения стали на японских островах объектом серьезной идеологической обработки. Причем официальный Токио поначалу решил не допускать активной антицаристской пропаганды среди российских военнопленных, опасаясь обвинений в нарушении резолюций Гаагской международной мирной конференции, подписанной в 1899 г. и Японией. Существовали, особенно среди японского высшего генералитета, и обоснованные опасения, что антимонархическая революционная пропаганда способна рано или поздно ударить бумерангом не только по царю, но и по микадо, подорвать его авторитет среди простых японцев.

Идеологическая работа среди военнопленных в Японии

Как бы то ни было, но первыми идеологическую работу среди военнопленных стала вести православная церковь. Например, священники из 4-й Восточно-Сибирской дивизии из Порт-Артура добровольно пошли в японский плен, чтобы не только справлять культ и скрашивать непростой быт пленников, но и снабжать их соответствующей патриотической литературой на русском языке.

Православный епископ Николай Японский основал с этой целью Общество духовного утешения.

Уникальные пропагандистские возможности, открывшиеся в Японии, быстро поняли и идейные противники царизма. Первым это осознал видный американский общественный деятель, основатель «Общества американских друзей русской свободы» Джордж Кеннан. В годы Русско-японской войны он находился на островах в качестве корреспондента американского журнала «Аутлук». Посещая лагерь военнопленных, он увидел, что русские испытывают острый недостаток информации, им практически недоступны книги на родном языке, свежие газеты и журналы. «Тогда мне пришла в голову мысль, что сосредоточение значительных количеств русских военнопленных в Японии дает прекрасный случай для организации просветительской кампании в русской армии», – вспоминал позднее сам Кеннан [6 с. 159].

С предложением побороться за «переход армии на сторону политической свободы», который «прибавил бы несколько шансов для русского народа в его борьбе за либеральные реформы», Кеннан обратился к военному министру Японии Тераучи и даже добился у него личной аудиенции. Однако министр по этому поводу не проявил никакого энтузиазма и так и не удостоил американца ответом [6 с. 160–161]. Осознав, что согласия «на просвещение» русских пленных от военных добиться будет крайне сложно, Кеннан решил действовать через придворного церемониймейстера барона Санномия. И только после того, как буквально через два дня после их разговора на ведение революционной пропаганды среди русских высочайшее согласие дал сам японский император, дело сдвинулось с мертвой точки.

Кеннан активно приступил к делу. С просьбой немедленно снабдить его литературой, «которая объяснила бы причины войны и показала бы необходимость изменения формы правления в России», он обратился к Струве в Штутгарт и «Общество американских друзей русской свободы» в США. Оттуда же, с Гавайских островов, в помощь журналисту был направлен и помощник – революционер-народник с авантюристической биографией и американским паспортом Николай Судзиловский, который действовал под псевдонимом Руссель [2,7]. Поскольку Кеннан большую часть времени посвящал работе на «Аутлук», Руссель фактически стал руководителем сети революционных агитаторов в Японии.

Руссель и его деятельность

Основным занятием Русселя на Японских островах до встречи с Кеннаном было содействие переправке в Канаду дезертиров из русской армии. Всего таковых за годы войны оказалось 111 человек, в подавляющем большинстве поляков и евреев, этнических русских было всего несколько человек. Однако принимавшие в Ванкувере дезертиров агенты «Общества американских друзей русской свободы» быстро отказались от дальнейшего сотрудничества с Русселем по этому вопросу, охарактеризовав дезертиров как «человеческий хлам, из-за которого не стоило хлопотать» [8 с. 168].

Новый этап своей деятельности Руссель начал с того, что фактически переподчинил себе иллюстрированный еженедельник на русском языке «Япония и Россия». Это издание было основано в Кобе учениками японской православной семинарии под покровительством военного министерства. Целью еженедельника была пропаганда и объяснение внешней политики Японской империи среди русских военнопленных. Издание это было довольно примитивным и изобиловало грубыми орфографическими ошибками. «Превращение этого пахнущего ладаном издания в революционное, несмотря на мягкие протесты военного министерства, было уже делом моих рук», — с гордостью вспоминал позднее Руссель [8 с. 174].

В своем роде журнал был шедевром пропагандистской мысли того времени. В нем не было прямых призывов к свержению самодержавия и дешевых примитивных политических агиток. На его страницах рассказывалось об экономической разрухе в стране, казнокрадах министрах, своеволии полиции, невозможности маленькому человеку добиться справедливости в суде и т. п. Там же давались уроки грамотности русского языка, перепечатывались популярные народные песни, душевные стихи. И только как бы между делом появлялись статьи о «прогнившем царском режиме».

Однако основной работой Русселя было не написание обличающих российское самодержавие статей, а распространение среди пленных нелегальной революционной литературы, которая в огромных количествах поступала как из Европы, так и из США. Одним из посредников у него в этом деле был матрос А.С. Новиков, ставший в советские времена достаточно известным писателем под псевдонимом Новиков-Прибой, автором романа «Цусима».

На первых порах Руссель вел революционную кампанию практически в одиночку, японские власти просто следили за происходящим, не вмешиваясь в дела революционера, но и не оказывая ему никакой реальной поддержки. Более того, после многочисленных

протестов русского правительства против «развращения» своих военнопленных, японские власти были вынуждены поставить некоторые ограничения в его деятельности.

Однако 7 июля 1905 г. началась последняя кампания Русско-японской войны, в ходе которой войска Страны восходящего солнца десантировались на о. Сахалин и там быстро разбили немногочисленный русский гарнизон. В ходе этой кампании японцы освободили всех находящихся на острове каторжников, и политические осужденные хлынули в Японию в надежде далее эмигрировать в Америку или другие страны. Руссель сумел привлечь бывших политических каторжников на свою сторону, организовал из них некий «штаб» и резко активизировал свою революционную деятельность.

К слову, среди этих бывших ссыльных и каторжников выделялся своим интеллектом Бронислав Пилсудский – старший брат будущего «Начальника Польского государства», внесший немалый вклад в изучение этнографии российского дальневосточного края [9 с. 92–103; 10 с. 225–234].

Венцом революционной деятельности Русселя и его сторонников в Японии стал детально разработанный план свержения самодержавия в России. Позже сам Судзиловский вспоминал: «Я приготовился к переезду в Сибирь с 40 тысячами революционных пленных, чтобы отрезать Линевица (генерал, возглавлявший армию на Дальнем Востоке) от базы и с Владивостокским гарнизоном в 30 тысяч человек проехать к Москве» [8 с. 176].

Он даже договорился с японским правительством о возвращении своим сторонникам оружия и обеспечении десанта революционеров транспортными судами для высадки в Петропавловске-Камчатском и Владивостоке. Затем по плану они должны были захватить узловые станции Транссибирской магистрали и ускоренным маршем двигаться на Москву и далее на Санкт-Петербург для поддержки вооруженного восстания в обеих столицах. По пути предполагалось освободить всех заключенных на каторгах Сибири и таким образом пополнить ряды своей армии.

Трудно представить, во что бы конкретно вылилась авантюра Русселя и его сподвижников, если бы не помощь царскому правительству со стороны известного двойного агента охранного отделения и одного из лидеров партии эсеров Азефа. Революционерам в Японии нужна была поддержка в России, и они установили контакты с эсерами. Прознавший, таким образом, о замыслах революционеров, Азеф тут же сдал планы Русселя правительству, и на берегу предполагаемую армию повстанцев уже в боевой готовности ждали русские части. Осознав, что высадка его десанта приведет

к бессмысленному кровопролитию и гибели его сторонников, Руссель отказался от осуществления своего плана по экспорту революции из Японии в Россию.

Эффективность революционной пропаганды среди русских военнопленных

Абстрагируясь от чисто авантюристического плана по захвату сибирскими каторжниками Москвы и Санкт-Петербурга, хотелось бы постараться выяснить, сколь эффективной была революционная пропаганда среди русских военнопленных в Японии.

На этот счет существует несколько мнений. Наиболее оптимистическое высказал Кеннан: «Могу лишь повторить, что он [опыт революционной пропаганды. – В. Ш.] был очень удачен и что из 70 000 пленных по крайней мере 50 000 возвратились с новыми понятиями о правительстве и более ясным представлением о причинах войны. Все превратились в либералов и три четверти – в революционеров» [6 с. 159].

Сам же Руссель в отношении результатов своей пропаганды был настроен куда более скептически. Он вспоминал первую встречу с пленными в лагере Нарашино: «Большинство – реакционно, православно-самодержавно настроенная солдатчина – встретило мою умеренно-республиканскую речь с крайней враждебностью, скоро перешедшей в иступление... Кеннан ошибается, передавая, что дело кончилось аплодисментами либерально настроенной части слушателей» [8 с. 168]. Те же самые настроения господствовали и в других лагерях. Что же касается офицеров, то они, за исключением высшего звена, как правило, проводили все свое время в пьянстве и азартных играх, с презрением относясь ко всем видам политической агитации.

Активный сотрудник Русселя унтер-офицер Новиков-Прибой также рассказывал, как возмущенные революционной агитацией пленные лагеря Кумамото попытались отлупить агитаторов. Последним даже пришлось обратиться за помощью к японской полиции, которая и обеспечивала с тех пор безопасность Новикова с его товарищами. Причем проживать они стали в госпитале и совершенно свободно, без какой-либо охраны [11 с. 8].

Таким образом, высказанная мысль Кеннана о том, что все русские военнопленные возвратились на родину из Японии либералами, кажется нам сильно преувеличенной.

Собственно, и конкретные сведения о революционной деятельности в Японии и результатах соответствующей пропаганды

можно почерпнуть только из воспоминаний самих немногочисленных революционеров. В независимых мемуарах о годах японского пленения офицеров, унтер-офицерского и рядового состава армии и флота, в большом количестве изданных как до революции 1917 г., так и после нее, невозможно найти ни одного достоверного упоминания об активной революционной пропаганде на японских островах. Тем не менее только на этом основании утверждать о полном провале деятельности революционеров тоже нельзя.

Однако в этих мемуарах рефреном звучит другая мысль. Офицеры, имеющие возможность три раза в неделю без конвоя разъезжать по всей стране, во время этих путешествий были поражены не только «феерическими видами» Страны восходящего солнца, но и уровнем жизни населения Японии, развитой экономикой страны. У тех, кого они совсем недавно презрительно называли «макаками», оказывается, существует совершенная система орошения полей, в любой деревне есть электричество и канализация, везде чистота и порядок. Сами же жители островов, по мнению пленных русских офицеров, отличаются редким трудолюбием и законопослушностью [12 с. 66, 160, 200, 206, 210, 249].

В стране царя экономическая стабильность и социальный мир. Эти сравнения явно играли не в пользу царской России и вольно или невольно заставляли русских офицеров серьезно задуматься по поводу эффективности системы неограниченного самодержавия и перспектив ее будущего.

В этом плане напрашиваются сравнения с политическими последствиями заграничного похода русской армии эпохи наполеоновских войн, когда десятки тысяч русских солдат и офицеров воочию убедились в том, что в Европе, оказывается, существует прекрасная альтернатива крепостничеству, что конституционный строй отнюдь не является синонимом кровавой анархии и своевластия толпы. И это революционизировало сознание многих русских офицеров, заставило их в декабре 1825 г. бросить прямой вызов крепостнической системе тех лет.

Точно так же осознание того, что даже азиатская Япония по многим параметрам оказалась впереди европейской, но самодержавной России, не могла не зародить в душе русских солдат и офицеров начала XX в. признания необходимости скорейшего реформирования страны на демократической основе.

В этом, на наш взгляд, состоит один из важнейших уроков давно забытой у нас Русско-японской войны.

Заключение

Российским и американским противникам царизма не удалось в ходе активной революционной пропаганды сагитировать военнопленных на вооруженный мятеж против царского правительства. Не имеется достоверных данных и о том, сколько военнопленных в дальнейшем встали на путь активной революционной борьбы против российского правительства. Вместе с тем можно прийти к выводу о том, что бесславное поражение царизма в войне против более слабого противника и знакомство воочию с успехами Японской империи в экономике и многих других сферах, заставило и офицеров, и рядовых солдат и моряков задуматься о необходимости демократических реформ в самодержавной России.

Литература

1. *Сакон Т.* Военнопленные в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Владивосток: ДВУ, 2001. 12 с.
2. *Вада Х.* Николай Руссель – народник за границей: В 2 т. Токио: «Тюо корон-ся», 1973 (на японском языке).
3. *Travis F.* The Kennan-Russel Antitsarist Propaganda Campaign among Russian Prisoners of War in Japan, 1904–1906 // *The Russian Review*. 1981. Vol. 40. № 3. July. P. 263–277.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5825: Судзиловский Н.К. 1 оп. 264 ед. хр.
5. Известия. 2005. 19 марта.
6. *Кеннан Дж.* Как велось просвещение русских солдат в Японии // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. М., 1927. Кн. 31. С. 158–165.
7. *Иосько М.И.* Николай Судзиловский – Руссель: Жизнь, революционная деятельность и мировоззрение. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1976. 336 с.
8. *Судзиловский Н.К. (Руссель).* Послесловие к статье Кеннана «Как велось просвещение русских солдат в Японии» // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. Кн. 31. М., 1927. С. 166–170.
9. *Кадзухико С.* Пребывание Бронислава Пилсудского в Японии // Краеведческий бюллетень [Южно-Сахалинск]. 1995. № 3. С. 90–103.
10. *Маевич А.Ф.* Бронислав Пилсудский в Японии // Вестник Сахалинского музея. 1996. № 3. С. 225–231.
11. *Новиков-Прибой А.С.* Сочинения: В 5 т. Т. 3. М.: Правда, 1950. 678 с.
12. *Селецкий Г.* 646 дней в плену у японцев. СПб.: Изд. В.А. Артемьева, 1910. 123 с.

References

1. Sakona T. Prisoners of War in the period of the Russo-Japanese war . Vladivostok: DVU Publ.; 2001. 12 p. (In Russ.)
2. Wada H. Nikolai Russel – a narodnik abroad. 2 vol. Tokio: «Tyuo koronsya» Publ.; 1973. (In Japanese)
3. Travis F. The Kennan-Russel Antitsarist Propaganda Campaign among the Russian Prisoners of War in Japan, 1904–1906. *The Russian Review*. 1981;3(40) July: 263-77.
4. The State Archives of the Russian Federation. F. P-5825: Sudzilowski N. 1 opis'. 264 edinitsy khraneniya. (In Russ.)
5. Izvestia. Moscow. 2005 Mar. 19. (In Russ.)
6. Kennan G. How Russian Soldiers Were Enlightened in Japan. *Katorga i ssylka: Istoriko-revolutsionnyi vestnik*. 1927;31:158-65. (In Russ.)
7. Iosko MI. Nikolai Sudzilowski (Russel): the life and the revolutionary activity. Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet imeni V.I. Lenina Publ.; 1976. 336 p. (In Russ.)
8. Sudzilowski NK (*Russel*). The concluding remarks to G. Kennan's article "How Russian Soldiers Were Enlightened in Japan". *Katorga i ssylka: Istoriko-revolutsionnyi vestnik*. 1927;31:166-70. (In Russ.)
9. Kadzuhiko S. Bronislav Pilsudski's travel to Japan. *Kraevedcheskii byulleten'*. [Yuzhno-Sakhalinsk]. 1995;3:99-102. (In Russ.)
10. Maevich AF. Bronislav Pilsudski in Japan. *Vestnik Sakhalinskogo muzeya*. 1996;3:225-31 (In Russ.)
11. Novokov-Priboi AS. Works. 5 vol. Vol. 3. Moscow: Pravda Publ.; 1950. 678 p. (In Russ.)
12. Seletsky G. 646 days in Japan prison. Sankt-Peterburg.: V.A. Artem'ev Publ.; 1910. 123 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Вячеслав К. Шацилло, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32А; vshatsillo@mail.ru

Information about the author

Viacheslav K. Shatsillo, Doctor in History, professor, Russian Academy of Sciences Institute of World History, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninskii av., Moscow, Russia, 119334; vshatsillo@mail.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 378.22(470+510)

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-68-85

Взаимодействие России и Китая в области подготовки бакалавров и магистров

Елена И. Медяник

*Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия, e.medianik@mail.ru, eganshina@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется опыт организации совместных российско-китайских программ бакалавриата и магистратуры, их современное развитие и нормативно-правовое и организационное обеспечение.

Методологическую основу работы составляют компаративистский и проблемно-хронологический методы, а также контент-анализ и ивент-анализ. Особое внимание автор уделяет схемам обучения, направлениям подготовки и вопросам географии распространения данных программ. Выделены десять разных схем обучения, показано их развитие с середины 1990-х гг. Анализ направлений подготовки позволяет выявить, какие специальности представляют наибольший интерес с точки зрения дальнейшего трудоустройства выпускников и насколько они соответствуют общим тенденциям организации совместных программ в определенных областях науки в рамках взаимодействия с другими иностранными государствами. Исследование географии двусторонних программ дает возможность составить рейтинг российских и китайских регионов, сотрудничающих в данной сфере, показать степень их взаимодействия, а также выделить применительно к каждому региону группу вузов-лидеров по количеству университетов-партнеров из России и Китая и по численности совместных программ. Автор обращает внимание на проблему недостаточной разработанности нормативно-правовой и организационной базы российско-китайского сотрудничества в области организации бакалаврских и магистерских программ.

В представленной статье также проводится сравнительный анализ совместных образовательных программ России и Китая в партнерстве с другими иностранными государствами. Благодаря этому удастся определить долю российско-китайских программ в указанной сфере межвузовского взаимодействия.

Ключевые слова: Россия, Китай, сотрудничество в области высшего образования, совместная образовательная программа, бакалаврские и магистерские программы, программа двойного диплома, включенное обучение

Для цитирования: Медяник Е.И. Взаимодействие России и Китая в области подготовки бакалавров и магистров // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1(11). С. 68–85. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-68-85

Cooperation between Russia and China in the Field of Bachelor's and Master's Training

Elena I. Medianik

*Peoples Friendship University of Russia,
Moscow, Russia, e.medianik@mail.ru, eganshina@mail.ru*

Abstract. This article analyzes the experience of establishing Russian-Chinese joint Bachelor's and Master's Programs, their modern development and legal grounds.

The author uses the comparative and the problem-chronological methods, as well as such methods as content analysis and event analysis. The author pays particular attention to the training plan, the areas of study and the geographic coverage of joint programs. The author identifies ten different training schemes, showing their development since the mid-1990s. The analysis of the areas of study shows which areas are of most interest in terms of employment for the graduating students and how well they are consistent with the general trends of establishing joint programs with other States. The study of the geography of the Russian-Chinese joint programs makes it possible to set a rating of the Russian and Chinese regions cooperating in this area, to show the degree of

their interaction and to also identify the group of universities-leaders in the number of partner universities and in the number of joint programs.

The author draws attention to the problem of the inadequacy of the legal and institutional framework of the Russian-Chinese cooperation in the field of the Bachelor's and Master's programs. This paper also provides the comparative analysis of the Russian and Chinese joint educational programs in partnership with other foreign States. As a result the author defines the proportion of the Sino-Russian programs in this field of inter-university collaboration.

Keywords: Russia, China, cooperation in the field of higher education, joint educational programme, Bachelor's and Master's programs, double diploma program, academic exchange programs

For citation: Medianik EI. Cooperation between Russia and China in the Field of Bachelor's and Master's Training. *RSUH/ RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;1(11):68-85. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-68-85

Введение

Современное международное сотрудничество в области высшего образования характеризуется появлением новых и усовершенствованием уже существующих направлений взаимодействия между вузами разных стран. Одним из наиболее актуальных направлений является организация совместных образовательных программ бакалавриата и магистратуры. Востребованность данных проектов объясняется тем, что студенчество в процессе совместного обучения и общения формирует базу для взаимодействия двух и более государств, создает уникальный климат межличностного и, в перспективе, делового общения, содействует устойчивому социально-экономическому развитию, инновационности образовательных технологий и научных исследований.

Под совместной образовательной программой (СОП) понимается программа, в которой партнеры согласовали учебный план, критерии оценивания, требования к профессорско-преподавательскому составу, правила и принципы набора студентов и т. п. [1 с. 184]. В российской историографии нет единого подхода к классификации СОП. Ряд экспертов подразделяют их на аккредитованные и валидированные программы, франчайзинговые программы и программы двойных и совместных дипломов [2 с. 7]. В рамках данной статьи предлагается следующая их классификация:

1. Программы двойных степеней (Joint Degree Programs);
2. Программы двойного диплома (Double Diploma Programs);
3. Включенное обучение (Academic Exchange Programs).

Первый тип встречается реже, чем остальные, так как для его реализации требуется обязательная аккредитация программы. Отличие программ включенного обучения от программ двойных степеней и двойного диплома заключается в том, что между вузами не существует соглашения по реализации совместной образовательной программы. Как правило, мобильность осуществляется на основании соглашений об академическом обмене. Также есть случаи индивидуальной мобильности, когда обучающийся по согласованию с руководством базового вуза уезжает в иностранный университет. Вузы-партнеры не осуществляют совместное управление образовательным процессом, каждый университет отвечает за свою программу обучения.

Проблеме СОП России и Китая посвящен ряд работ российских и китайских исследователей. Однако до сих пор не достаточно изученными остаются вопросы нормативно-правового и организационного обеспечения, аспекты сотрудничества российских и китайских вузов с другими иностранными государствами, что позволило бы определить приоритеты и нацеленность правительственных структур и академического сообщества на развитие взаимодействия с конкретными зарубежными партнерами. Поэтому целью данной работы стало проведение комплексного анализа развития российско-китайских СОП с учетом их конкурентоспособности на образовательных пространствах двух стран.

Первые совместные образовательные программы России и Китая

Россия и Китай имеют достаточно длительный опыт создания СОП. Первыми из них были программы, организованные Северо-Восточным сельскохозяйственным университетом (СВСУ) КНР с Хабаровским государственным техническим университетом (ХГТУ, с 2005 г. – Тихоокеанский государственный университет, ТОГУ) в 1995 г. и с Дальневосточным государственным техническим рыбохозяйственным университетом (Дальрыбвтуз) в 1999 г. по таким специальностям, как «компьютерные технологии», «управление земельными ресурсами», «экономика» (между СВСУ и ХГТУ), «бухгалтерский учет», «бизнес-администриро-

вание», «пищевая промышленность» и «инженерное дело» (между СВСУ и Дальрыбвтузом). Эти программы осуществлялись по двум моделям:

1. «Китай (1 год) + Россия (2 года) + Китай (2 года)» – для китайских студентов;
2. «Китай (2,5 года) + Россия (2,5 года)» и «Россия (2,5 года) + Китай (2,5 года)» – для студентов обоих государств [3 с. 309–310].

Стоит подчеркнуть, что российские дальневосточные вузы и университеты северо-востока Китая первыми приступили к разработке и реализации подобных проектов. С китайской стороны первой провинцией, начавшей их осуществление, стала провинция Хэйлунцзян. Безусловно, главной причиной тому послужила ее географическая близость с рядом российских регионов (Приморье, Хабаровский край, Еврейская автономная область, Амурская и Читинская области). К тому же эти регионы всегда наиболее тесно сотрудничали с провинцией Хэйлунцзян в сфере торговли и экономики. Рост торговых связей оказал влияние на развитие взаимодействия в области образования. Однако в 1990-е гг. российско-китайские СОП были представлены крайне малым количеством и были достаточно слабо развиты.

После подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (2001 г.) [4] и Соглашения между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования (2006 г.) [5], а также проведения ряда двусторонних культурно-образовательных мероприятий ситуация в сфере развития совместных образовательных программ значительно улучшилась.

Современное сотрудничество России и Китая в области подготовки бакалавров и магистров

Российско-китайские программы бакалавриата: совместные бакалаврские программы главным образом представлены программами двойных дипломов очной формы обучения по схеме «2+2», когда первые 2 года студент учится в своем родном вузе, а следующие 2 года – в университете-партнере. Однако встречаются и другие схемы:

1. «3+1» (3 года в национальном (китайском) вузе и 1 год в иностранном (российском) вузе);

2. «0,5+2,5+2» (0,5 года в национальном (российском) вузе + 2,5 года в иностранном (китайском) вузе + 2 года в национальном вузе);
3. «2+1,5+0,5» (2 года в национальном (российском) вузе + 1,5 года в китайском вузе + 0,5 года в российском вузе);
4. «1+4» (1 год в российском вузе + 4 года в китайском вузе);
5. «1+2+1» (1 год в российском вузе + 2 года в КНР + 1 год в России);
6. «2,5+2,5» (2,5 года в иностранном вузе (китайском), остальные 2,5 года в национальном (российском) вузе);
7. «1+3+1» (1 год в национальном (российском) вузе, 3 года в КНР, 1 год в российском вузе);
8. «2+2,5+0,5» (2 года в национальном (российском) вузе, 2,5 года в иностранном университете (КНР), 0,5 года в национальном вузе);
9. «1+1,5+1,5+1» (1 год в национальном университете, 1,5 года в иностранном вузе-партнере, 1,5 года в национальном вузе и последний год в зарубежном университете);
10. *комбинированная схема*, при которой студент каждый учебный год проходит обучение как в своем родном университете, так и в зарубежном.

Что касается образовательных программ Китая с другими иностранными партнерами (преимущественно с США, Великобританией, Австралией, Францией, Канадой), то большинство из них представлено двумя схемами организации образовательного процесса: «2+2» и «3+1» [6].

В ходе исследования было выявлено, что экономические специальности являются самыми распространенными среди совместных программ подготовки бакалавров. Лидируют такие направления подготовки, как «экономика» и «менеджмент» [6]. Данная ситуация характерна и для программ, реализуемых в рамках сотрудничества КНР с другими иностранными государствами. Следом с минимальным отрывом идут технические специальности. Третье место занимают направления подготовки в области естественных наук. Четвертое – такие специальности, как «лингвистика», «изящные искусства», «юриспруденция», «педагогика», «история и регионоведение», «международные отношения».

Что касается географии распространения совместных образовательных программ бакалавриата, то с российской стороны лидирующие позиции принадлежат университетам Дальневосточного федерального округа. Среди них стоит отметить Благовещенский государственный педагогический университет (БГПУ), который

заключил договоры о реализации программ совместной подготовки бакалавров с четырьмя китайскими вузами: Дацинским педагогическим университетом, Суйхуаским университетом, Харбинским педагогическим университетом и Хэйхэским университетом. Данные программы включают в себя широкий спектр специальностей («педагогика», «изящные искусства», «юриспруденция» и специальности в области естественных и технических наук). БГПУ лидирует среди российских университетов по количеству вузов-партнеров с китайской стороны в сфере открытия бакалаврских СОП. Помимо этого, БГПУ и Владивостокскому государственному университету экономики и сервиса принадлежат лидирующие позиции по числу направлений подготовки. Второе и третье место занимают университеты Сибирского федерального округа (СФО) и Центрального федерального округа (ЦФО). Среди университетов СФО наибольшее количество вузов-партнеров у Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, а наибольший выбор специальностей по совместным программам предлагает Томский политехнический университет. Среди вузов ЦФО стоит выделить Белгородский государственный национальный исследовательский университет, который сотрудничает с тремя китайскими партнерами: Даляньским университетом иностранных языков, Университетом Дэчжоу и Циндаоским международным институтом. Столичные вузы представлены шестью университетами: Российским университетом дружбы народов, Московским государственным гуманитарным университетом им. М.А. Шолохова, Московским государственным университетом культуры и искусства, Московским государственным университетом путей сообщения, Московским педагогическим государственным университетом и Международным независимым эколого-политологическим университетом. Далее следуют учебные заведения Северо-Западного, Уральского, Южного и Приволжского федеральных округов. В ходе нашего исследования мы не обнаружили действующих совместных российско-китайских образовательных программ в университетах Северо-Кавказского федерального округа.

С китайской стороны абсолютным лидером является провинция Хэйлунцзян, на вузы которой приходится почти половина от общего числа российско-китайских совместных программ. Харбинский педагогический университет лидирует среди высших учебных заведений КНР по количеству российских вузов-партнеров, сотрудничающих с ним в области создания совместных программ бакалавриата. Следующим в данном рейтинге идет Цицикарский университет, третье место принадлежит Хэйхэскому университету

и Даляньскому университету информатики “Neusoft”. Вышеперечисленные вузы, за исключением последнего (провинция Ляонин), расположены в провинции Хэйлунцзян [6].

Следующие позиции занимают провинции Ляонин, Гирин и Хэнань, на их долю приходится треть данных проектов. Далее идут провинции Шаньдун, Цзянсу, Чжэцзян, столица и один из городов центрального подчинения – Пекин, автономный район Внутренняя Монголия. По одному совместному проекту в области подготовки бакалавров открыто в двух городах центрального подчинения Шанхай и Тяньцзинь, провинциях Аньхой и Хунань и Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Стоит подчеркнуть, что в СУАР действует единственная совместная образовательная программа с иностранным вузом, а именно с российским Тихоокеанским государственным университетом [6].

Исследование географии распространения совместных проектов по подготовке бакалавров показывает, что территориальная близость является одним из определяющих факторов в развитии межуниверситетских связей двух государств. При этом большая часть российско-китайских программ сосредоточена на северо-востоке КНР. Другие регионы Китая значительно отстают в своем сотрудничестве в области открытия подобных программ с российскими вузами. Тогда как большинство совместных бакалаврских проектов китайских университетов, заключенных с другими иностранными государствами, приходится на северо-восточную провинцию Хэйлунцзян, восточный Китай, а именно на Шанхай, провинции Цзянсу, Чжэцзян и Шаньдун, и на центральный Китай (провинции Хэнань и Хубэй). Несмотря на географическую неравномерность, общее количество высших учебных заведений России и Китая, реализующих двусторонние образовательные программы, почти равнозначно: в данных проектах предположительно задействовано 68 российских и 65 китайских университетов.

В целом можно констатировать, что совместные бакалаврские программы разнообразны и пользуются растущим спросом.

Совместные российско-китайские магистерские программы: совместные магистерские программы в основном представлены программами двойных дипломов очной формы обучения по схеме «1+1». Образовательный процесс ведется не только на русском и китайском языках, существуют и англоязычные программы.

Что касается специализации магистерских программ, то большинство из них организовано по таким специальностям, как «экономика» и «мировая политика и международные отношения». Данные направления подготовки пользуются наибольшим спросом среди реципиентов образовательных услуг. Технические

специальности представлены преимущественно в рамках совместных программ Университета Шанхайской организации сотрудничества (УШОС), однако спрос на них невелик. Если рассматривать совместные магистерские проекты Китая с другими зарубежными партнерами, то почти половина (45 %) из них организована по специальности «менеджмент», при этом 20 % от общего числа программ составляют программы MBA (Master of Business Administration).

В области открытия магистерских программ двойного диплома в партнерстве с китайскими университетами лидерство принадлежит вузам ЦФО. Большинство действующих программ приходится на московские учебные заведения, среди которых лидирующие позиции занимает Российский университет дружбы народов. Вуз успешно реализует целый ряд программ совместно с семью китайскими университетами-партнерами. С китайской стороны лидирует провинция Шаньдун, которая занимает первое место и по количеству открытых совместно с Россией магистерских программ, и по количеству вузов-участников. Среди них ведущие позиции принадлежат Шаньдунскому университету, запустившему пять российско-китайских программ [6].

Далее обратимся к вопросу реализации *программ индивидуальной академической мобильности*, среди которых стоит выделить программы включенного обучения. В рамках российско-китайского сотрудничества подобные проекты реализуются достаточно большим количеством высших учебных заведений и в большей степени представляют собой языковые стажировки. Однако ряд вузов постепенно начинает организовывать подобные проекты по гуманитарным и социальным наукам, а также по естественнонаучным дисциплинам. Данные программы в основном ориентированы на обучение в рамках бакалавриата, тем не менее в настоящее время наблюдается спрос на открытие программ включенного обучения и по линии магистратуры.

Особенности развития международных образовательных программ России и Китая с иностранными государствами

Для более полного анализа проблемы развития российско-китайских бакалаврских и магистерских программ следует обратиться к практике осуществления данных проектов Россией и Китаем применительно к иностранным партнерам. Российские вузы открыли наибольшее количество СОП с университетами

Европейского союза, их общая численность составляет порядка 317 совместных проектов. Большинство из них представлено программами двойного диплома (246 программ) [7 с. 12]. Больше всего соглашений об организации совместных образовательных программ российские вузы заключили с университетами Франции [8]. Следует обратить внимание на то, что магистерские программы составляют порядка 70 % от общего числа программ России и Евросоюза, а бакалаврские – 25 %, 2 % приходится на программы докторантуры и оставшиеся 3 % – на программы специалитета [9 с. 59]. Совершенно иная ситуация характерна для российско-китайского сотрудничества в области организации СОП, где бакалаврские программы составляют 85 % от общего числа двусторонних программ (с учетом совместных аспирантур). По мнению ряда российских исследователей, второе место после стран Евросоюза занимают вузы Центральной Азии, среди которых первые позиции принадлежат университетам Казахстана, а третьи – высшие учебные заведения Китая [10 с. 115].

Что касается китайской стороны, то до 1997 г. абсолютным лидером по реализации совместных программ были США, однако впоследствии начался стремительный рост подобных проектов Китая с Австралией. И на сегодняшний день Австралии принадлежат ведущие позиции в данном рейтинге, вузами двух стран организовано 413 программ. Однако значительного прогресса в этой области Австралия добилась в основном благодаря открытию программ профессионально-технической подготовки. Тогда как по количеству совместных с китайскими вузами программ бакалавриата лидирует Великобритания, а магистратуры – США. Россия в данном рейтинге занимает третье и пятое место соответственно, и на ее долю приходится порядка 15 % от общей численности китайско-иностранных СОП по линии бакалавриата и магистратуры [6]. Можно заключить, что в области бакалаврских программ российские вузы имеют достаточно хорошую конкурентную позицию.

Нормативно-правовое и организационное обеспечение сотрудничества России и Китая в сфере организации СОП

Формирование действующей правовой базы в области образовательного сотрудничества России и Китая началось в 1992 г. после подписания Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о культурном сотрудничестве [11]. Однако соглашение определило

только его основные направления, не затрагивая вопросы практической реализации взаимодействия. Задача участия в совместных программах впервые была поставлена в Плане культурного сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики на 2001–2002 гг. [12]. В документе не были обозначены конкретные совместные проекты, но это показывало готовность правительственных структур к разного рода инициативам со стороны образовательных сообществ двух стран по разработке инновационных форм взаимодействия в виде совместной проектной деятельности. В Совместном коммюнике по итогам седьмой регулярной встречи глав правительств России и Китая (2002 г.) [13] и Плане действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (2004 г.) [14] уже были представлены два типа совместных проектов в области образования – создание совместных учебных заведений и открытие совместных аспирантур. В январе 2005 г. был подписан Рабочий план двустороннего сотрудничества в области образования на 2005–2008 гг. [15], в котором шла речь о совместной подготовке бакалавров, и был составлен список российских и китайских вузов – участников данных программ. В 2006 г. состоялось подписание Соглашения между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования [5]. Данное соглашение фактически стало первым официальным документом, в котором были установлены единые правила осуществления образовательных обменов на разных уровнях, однако в основном они касались стажировок сроком от 6 до 10 месяцев. Если рассматривать протоколы ежегодных заседаний Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству и Российско-Китайской подкомиссии по сотрудничеству в области образования на предмет организации совместных образовательных программ, то они в большей степени посвящены проблемам реализации СОП в рамках совместных учебных заведений как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях.

Заслуживают отдельного внимания проблемы внутреннего законодательства России и Китая в области открытия СОП.

В российском правовом поле отсутствует документ, четко регламентирующий создание и функционирование совместных с иностранными партнерами образовательных учреждений и реализацию СОП. В то же время отсутствует перечень приоритетных специальностей для данных проектов и единая официальная централизованная база данных, содержащая информацию об осуществляемых Россией совместно с зарубежными вузами

образовательных программах [16 с. 35]. Что касается Китая, то создание совместных образовательных учреждений и программ регулируется как общим законодательством (Закон Китайской Народной Республики об образовании, 1995 г.), так и отдельными административно-правовыми нормами (Положения о совместном управлении образованием для учебных заведений Китайской Народной Республики и иностранного государства, 2003 г.; Правила реализации Положений о совместном управлении образованием для учебных заведений Китайской Народной Республики и иностранного государства, 2004 г.) [17]. Помимо этого, на официальном сайте Министерства образования КНР сформирована единая информационная база, включающая данные обо всех совместных образовательных проектах Китая с зарубежными вузами [6].

Анализ нормативно-правовых оснований позволил сделать вывод о том, что степень централизованного контроля за совместными образовательными проектами с иностранными государствами в Китае намного выше, чем в России. Правительственные структуры КНР принимают активное участие в развитии данного вида международного сотрудничества, выступая организаторами и координаторами этого процесса. Ввиду несовершенства нормативно-правовой базы в России в большинстве случаев сами вузы выступают инициаторами совместных проектов, им предоставлена большая самостоятельность в данной сфере.

На сегодняшний день отсутствует единая специализированная структура, отвечающая за развитие двусторонних программ в области высшего образования. Тогда как в 2014 г. ряд западных стран создали Форум ректоров совместных университетов Китая с иностранными партнерами [18].

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что совместные образовательные программы занимают особое место в российско-китайском сотрудничестве в сфере высшего образования. Было установлено, что для двустороннего партнерства характерны второй и третий типы СОП (программы двойного диплома и включенное обучение). Это направление взаимодействия в настоящее время находится в фазе активного роста. Однако данная тенденция характерна в большей степени для программ по линии бакалавриата. Их количество почти в 6,5 раз превосходит число программ по линии магистратуры.

Важным результатом работы стало выявление несовершенства нормативно-правовой базы двустороннего сотрудничества в области СОП и национального законодательства РФ в указанной сфере. Также осложняет ситуацию то обстоятельство, что не создано единой российско-китайской специализированной структуры, отвечающей за взаимодействие в данной области.

Сравнительный анализ российско-иностранных и китайско-иностранных СОП показал ряд совпадений по направлениям подготовки и схемам обучения, тогда как были обнаружены отличия в области географии распространения совместных программ. В случае инициативного межвузовского сотрудничества России и Китая географический фактор является преобладающим при открытии СОП. При этом география российских вузов-участников значительно шире, чем китайских. Китайские же партнеры в этом сегменте образовательных контактов в основном представлены регионами, имеющими традиционно сильные школы преподавания русского языка и являющимися активными участниками двустороннего межрегионального сотрудничества.

В ходе исследования было также выявлено, что Россия более всего ориентирована на создание образовательных программ совместно со странами ЕС. Китай отдает больший приоритет сотрудничеству с англоязычными странами (Австралия, Великобритания, США и Канада).

Существенным дополнением к вопросу развития российско-китайских СОП как по линии бакалавриата, так и по линии магистратуры является то, что на сегодняшний день треть российских вузов – участников двусторонних образовательных программ – состоят в Ассоциации ведущих университетов (АВУ) России, в состав которой входят МГУ и СПбГУ (высшие учебные заведения, обладающие особым статусом), федеральные, национальные и инновационные университеты. Если учитывать программы, формально существующие в рамках УШОС, то почти половина (45 %) российских вузов – участников российско-китайских СОП являются членами АВУ и, соответственно, относятся к элитарным высшим учебным заведениям. Анализ участия китайских вузов в совместных проектах показал, что только 13,4 % ключевых университетов КНР (участников «Проекта 211» и «Проекта 985») организовали международные образовательные программы с российской стороной. Если принимать во внимание программы по линии УШОС, то эта доля составляет 17 %.

Представляется важным дать ряд рекомендаций по улучшению ситуации в области организации совместных российско-китайских программ бакалавриата и магистратуры. Во-первых, необхо-

димо разработать на двусторонней основе нормативно-правовую базу, обеспечивающую успешную реализацию разных форм СОП. В этой базе важно закрепить статус подобных проектов, утвердить единую систему обеспечения качества и выработать общие критерии оценивания студентов. Во-вторых, в связи с растущим спросом на организацию совместных образовательных программ следует создать структуру, отвечающую за данное направление сотрудничества. В-третьих, профильным государственным структурам России важно активнее участвовать в выработке эффективных механизмов взаимодействия отечественных вузов с иностранными партнерами в области СОП. В-четвертых, университетам желательно разработать стратегию развития международного сотрудничества с китайской стороной, в которой бы учитывались реальные возможности и потребности самого вуза. И, наконец, в-пятых, следует повышать квалификацию административных работников вузов в сфере разработки и ведения СОП. Важным направлением деятельности должно стать формирование мультикультурных компетенций у профессорско-преподавательского состава.

Несмотря на имеющиеся сложности, с начала XXI в. Россией и Китаем был достигнут значительный прогресс в области совместной подготовки бакалавров и магистров. Перспективы сотрудничества в рамках СОП связаны с увеличением числа образовательных программ магистратуры по инженерным, компьютерным и собственно научным направлениям, а также с организацией многосторонних образовательных программ с участием вузов из более чем двух государств.

Литература

1. Горылев А.И., Камынина Н.Р. Совместные образовательные программы как инструмент построения единого европейского пространства высшего образования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3 (39). С. 183–189.
2. Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л., Караваева Е.В. Совместные образовательные программы вузов: состояние, проблемы, перспективы. М.: КДУ, 2011. 56 с.
3. Zhang Chun, Yu Zixia, Liu Zhenyu. The Development of Sino-Russian and Sino-Soviet Educational Interaction. Shandong jiaoyu chubanshe, 2010. 347 p. (In Chinese)
4. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870 (дата обращения 20 янв. 2018).

5. Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования от 9 ноября 2006 г. // Международные соглашения о сотрудничестве в сфере образования. М., 2009. С. 328–332.
6. 中外合作办学 (Совместное управление образованием для учебных заведений Китайской Народной Республики и иностранного государства) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства образования КНР. URL: <http://www.crs.jsj.edu.cn/index.php/default/index> (дата обращения 21 янв. 2018).
7. Олейникова О.Н. Программы двойных дипломов как средство формирования европейского пространства высшего образования. 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://www.tempus-russia.ru/MIIT-seminar/DD-Oleynikova.pdf> (дата обращения 24 янв. 2018).
8. О российско-французском сотрудничестве в области образования и науки // Официальный сайт Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара. [Электронный ресурс] URL: <https://iep.ru/ru/o-rossiisko-francuzskom-sotrudnichestve-v-oblasti-obrazovaniia-i-nauki.html> (дата обращения 30 янв. 2018).
9. Burquel N., Shenderova S., Trigorova S. Innovation & Transformation in Transnational Education. Joint Education Programmes between European and Russian Higher Education Institutions // Report of the Delegation of the European Union to Russia, 2014. [Электронный ресурс] URL: http://www.fu-berlin.de/sites/moscow/media/eu-report-catalog/REPORT_JOINT-PROGRAMMES_EN.pdf?1413288127 (дата обращения 22 янв. 2018).
10. Морачевская К.А., Лачининский А.С., Зиновьев А.С. География международного сотрудничества в сфере высшего образования ведущих университетов России // Региональные исследования. 2016. № 4. С. 114–119.
11. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о культурном сотрудничестве от 18 декабря 1992 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-356/48731 (дата обращения 20 янв. 2018).
12. План культурного сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики на 2001–2002 гг. // Сборник российско-китайских документов: 1999–2007 гг. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 126–138.
13. Совместное коммюнике по итогам седьмой регулярной встречи глав правительств России и Китая от 22 августа 2002 г. // Сборник российско-китайских документов: 1999–2007 гг. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 204–211.
14. План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2005–2008 гг.) от 14 октября 2004 г. // Сборник российско-китайских документов: 1999–2007 гг. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 297–317.
15. Выступление Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации С.М. Миронова на конференции по проблемам российско-китайского приграничного и межрегионального сотрудничества

- в г. Даляне (КНР). [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Федерации Федерального собрания РФ. URL: <http://www.council.gov.ru/events/news/24468/> (дата обращения 23 янв. 2018).
16. Интернационализация российских вузов: китайский вектор / [Н.Е. Боровская и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам. М.: Спецкнига, 2013. 72 с.
 17. 中外合作办学政策法规 (Законодательная политика в области совместного управления образованием для учебных заведений Китайской Народной Республики и иностранного государства) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства образования КНР. URL: <http://www.crs.jsj.edu.cn/index.php/default/index/sort/10> (дата обращения 22 янв. 2018).
 18. *Yang Lan*. Sino-foreign Cooperation in Academics [Internet] // Official Website of "Global Times-Metro Shanghai". 2015. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/920404.shtml> (дата обращения 26 янв. 2018).

References

1. Gorylev A.I., Kamynina N.R. Joint Educational Programs as a Tool to Build a European Higher Education Area. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*. 2015;3(39):183-89. (In Russ.)
2. *Artamonova J.D., Demchuk A.L., Karavaeva E.V.* Joint Educational Programs of Universities: Current State, Problems, Prospects. Moscow: KDU Publ.; 2011. 56 p. (In Russ.)
3. *Zhang Chun, Yu Zixia, Liu Zhenyu*. The Development of Sino-Russian and Sino-Soviet Educational Interaction Shandong jiaoyu chubanshe, 2010. 347 p. (In Chinese)
4. Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China (2001) [Internet]. Official Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (data obrashcheniya 20 Jan. 2018). URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870 (In Russ.)
5. Agreement Between the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the Ministry of Education of the People's Republic of China on Cooperation in the Field of Education (2006). International Agreements on Cooperation in the Field of Education. Moscow: KDU Publ.; 2009. P. 328-32. (In Russ.)
6. 中外合作办学 (Chinese-Foreign Cooperation in Running Schools). // Официальный сайт Министерства образования КНР [Internet]. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <http://www.crs.jsj.edu.cn/index.php/default/index>
7. *Oleynikova O.N.* Double Degree Programs as a Means of Forming a European Higher Education Area. 2012. [Internet]. (data obrashcheniya 24 Jan. 2018). URL: <http://www.tempus-russia.ru/MIIT-seminar/DD-Oleynikova.pdf> (In Russ.)

8. The Russian-French Cooperation in the Field of Education and Science [Internet]. Official Website of the Gaidar Institute for Economic Policy. (data obrashcheniya 30 Jan. 2018). URL: <https://iep.ru/ru/o-rossiisko-frantcuzskom-sotrudnichestve-v-oblasti-obrazovaniia-i-nauki.html>. (In Russ.)
9. *Burquel N., Shenderova S., Tvorogova S.* Innovation & Transformation in Transnational Education. Joint Education Programmes between European and Russian Higher Education Institutions [Internet]. Report of the Delegation of the European Union to Russia, 2014 [Internet]. (data obrashcheniya 22 Jan. 2018). URL: http://www.fu-berlin.de/sites/moscow/media/eu-report-catalog/REPORT_JOINT-PROGRAMMES_EN.pdf?1413288127 (In Russ.)
10. *Morachevskaja KA., Lachininskij AS., Zinov'ev AS.* Geography of Major Russian Universities International Cooperation in Higher Education. *Regional research*. 2016;4:114-19. (In Russ.)
11. Agreement Between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on Cultural Cooperation (1992) [Internet]. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (data obrashcheniya 20 Jan. 2018). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-356/48731 (In Russ.)
12. Plan of Cultural Cooperation between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China for 2001–2002. *Compilation of Documents of Russian-Chinese Relations: 1999–2007*. Moscow: OLMA Media Grupp Publ.; 2007. P. 126-38. (In Russ.)
13. Joint Communiqué on the Results of the 7th Regular Meeting between the Heads of the Russian and Chinese Governments (2002). *Compilation of Documents of Russian-Chinese Relations: 1999–2007*. Moscow: OLMA Media Grupp Publ.; 2007. P. 204-11. (In Russ.)
14. Action Plan for the Implementation of the Provisions of the Treaty of Good-Neighborhood and Friendly Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China for 2005–2008 (2004). 2004. Oct. 14. *Compilation of Documents of Russian-Chinese Relations: 1999–2007*. Moscow: OLMA Media Grupp Publ.; 2007. P. 297-317. (In Russ.)
15. The Statement by the Chairman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Mr. Sergey Mironov, to the Conference on Russian-Chinese Cross-Border and Inter-Regional Collaboration (Dalian city, PRC). [Internet]. Official Website of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. (data obrashcheniya 23 Jan. 2018). URL: <http://www.council.gov.ru/events/news/24468/> (in Russ.)
16. [Borevskaya NE. (Lead Author) *et al.*]; [Ivanov IS., Editor-in-Chief] Internationalization of Russian Universities: The Chinese Vector; Russian International Affairs Council. Moscow: Spetskniga, 2013. 72 p. (In Russ.)
17. 中外合作办学政策法规 (Legislative Policy in the Field of Chinese-Foreign Cooperation in Running Schools) [Internet]. Official website of the Ministry of Education of the People's Republic of China. (data obrashcheniya 22 Jan. 2018). URL: <http://www.crs.jsj.edu.cn/index.php/default/index/sort/10>

18. *Yang Lan*. Sino-foreign Cooperation in Academics [Internet]. Official Website of “Global Times-Metro Shanghai”. 2015. (data obrashcheniya 26 Jan. 2018). URL: <http://www.globaltimes.cn/content/920404.shtml>

Информация об авторе

Елена И. Медяник, кандидат исторических наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2; e.medianik@mail.ru, eganshina@mail.ru

Information about the author

Elena I. Medianik, PhD in History, Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 10/2, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198; e.medianik@mail.ru, eganshina@mail.ru

УДК 327(73)

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-86-100

Новые подходы в энергетической стратегии администрации Д. Трампа и их влияние на внешнюю политику США

Олег А. Хлопов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, rggu2007@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу энергетической политики администрации Д. Трампа, раскрывает ее новизну и преемственность в выполнении главной цели – снижении зависимости американской экономики от импорта нефти и газа.

Целью исследования было выявление новых направлений в «Энергетическом плане “Америка прежде всего”», взаимосвязи его реализации с внешней политикой страны. Этот план, направленный на превращение США в энергетическую сверхдержаву, включает в себя увеличение добычи углеводородов, объемов их экспорта, упрощение законодательной базы, ограничивающей производство угля, нефти и газа. По мнению автора, от успеха или неудачи энергетической и всей экономической программы Д. Трампа будет зависеть выбор стратегии и тактики поведения США на Ближнем Востоке, в Европе и на международной арене в целом.

Ключевые слова: энергетическая политика, энергетическая безопасность, углеводородные ресурсы, США, Дональд Трамп, международные отношения

Для цитирования: Хлопов О.А. Новые подходы в энергетической стратегии администрации Д. Трампа и их влияние на внешнюю политику США // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1(11). С. 86–100. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-86-100

New Approaches to the Energy Strategy of Donald Trump's Administration and Its Impact on the US Foreign Policy

Oleg A. Khlopov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, rggu2007@rambler.ru*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the energy policy of the administration of D. Trump, reveals its novelty and continuity in the realization of the main goal – the reduction of the dependence of the American economy on oil and gas imports.

The aim of the research is to identify the new directions in the Energy Plan “America First”, to reveal the interrelation between its implementation and the US foreign policy. This plan, aimed at turning the USA into an energy superpower, includes the increase in hydrocarbon production and in export volumes, the simplification of the legislative framework that limits coal, oil and gas production. According to the author, the success or the failure of the energy and economic program of D. Trump will depend on the choice of the strategy and the tactics of the USA behavior in the Middle East, Europe and the international arena as a whole.

Keywords: energy policy, energy security, hydrocarbon resources, USA, Donald Trump, international relations

For citation: Khlopov OA. New Approaches to the Energy Strategy of Donald Trump's Administration and Its Impact on the US Foreign Policy. *RSUH/ RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;1(11):86-100. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-86-100

Введение

В статье дается анализ новых аспектов энергетической стратегии администрации Д. Трампа и ее взаимосвязи с внешней политикой США и мировой экономикой. Несмотря на жесткую критику действий Трампа внутри США, не утихающую русофобию и связанные с этим политические скандалы, правительство Соединенных Штатов реализует новые направления энергетической

политики в рамках общего плана «Америка прежде всего» (America First), которая обладает как элементами преемственности, так и новизной, а также подвергается критическим оценкам со стороны экспертов и аналитиков.

Автор ставил своей целью определить новые направления энергетического плана администрации Д. Трампа. Для этого с помощью методов сравнительного анализа, классификации и синтеза необходимо было решить следующие задачи: определить рамки преемственности общего курса на энергетическую независимость как одну из главных целей национальной безопасности США; выявить новые подходы и раскрыть степень влияния энергетической политики на внешнеполитический курс нынешней администрации США; обозначить перспективы превращения США в «энергетическую сверхдержаву» в контексте стратегического соперничества с Россией.

Источниками для анализа служили документы, принятые стратегии, выступления первых лиц США по вопросам энергетической и национальной безопасности, а также работы экспертов и исследователей, раскрывающие различные подходы США к решению проблем энергетической безопасности. Доминирующие позиции в международно-политических исследованиях по проблемам энергетической безопасности занимает реализм, на основе которого администрация Д. Трампа строит свою внешнюю политику и определяет стратегию энергетической безопасности США.

Это хорошо проиллюстрировано в многочисленных работах Майкла Клэйра, посвященных теме взаимного влияния международных отношений и энергетики [1].

Ряд экспертов нелиберального направления высказывают предположение о возможном государственном вмешательстве в рыночные отношения [2], которое также отражается в энергетической политике Д. Трампа. Так, А. Брессан, рассматривая развития отношений между странами-экспортерами и странами-импортерами нефти, выделяет две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, происходит дальнейшая либерализация энергетических рынков и влияние международных институтов, а с другой – возрастает роль правительств в управлении и регулировании энергетической сферы [3 с. 269–284].

Анализ выступлений президентов США, законов и документов, посвященных вопросам энергетической политики и безопасности, а также статистических данных показывает, что плюрализм оценок внешнеполитических аспектов энергетической политики США, характерный для экспертной и академической среды, сужается, когда речь идет о выработке конкретной стратегии и действий.

Основные направления энергетической стратегии США

Общие направления энергетической политики США впервые были определены в «Законе об энергетической политике и сохранении энергетических ресурсов» (1975), направленном на создание стратегических резервов нефти и запрещающем экспорт сырой нефти [4 с. 94–163]. Последующие законы – «Политика Соединенных Штатов по реагированию на срыв поставок нефти» (United States Policy for Responding to Oil Supply Disruptions) (1994), «Все-сторонняя национальная энергетическая стратегия» (Comprehensive National Energy Strategy) (1998) и «Закон об энергетике» (Energy Act) (2000) – расширили аспекты энергетической безопасности, установили взаимосвязь между национальной безопасностью и наличием природных ресурсов для производства энергии.

Главные принципы энергетической стратегии администрации Дж. Буша-мл. были изложены в программном документе «Национальная энергетическая политика» (2001) и нашли свое отражение в «Законе об энергетической политике» (2005) и «Законе об энергетической независимости и безопасности» (2007). Основное содержание этих документов направлено на дальнейшее обеспечение энергетической независимости, увеличение производства чистого возобновляемого топлива, поддержку исследований в области экологии, улучшение энергетической эффективности федерального правительства [5 с. 110–140].

Президент Б. Обама в 2009 г. выступил с инициативой о развитии альтернативных источников энергии и продолжил курс на сокращение зависимости от импортируемых углеводородов. Принятый в 2014 г. «Энергетический план» был нацелен на оказание финансовой поддержки «чистым» энергетическим технологиям, борьбу с неблагоприятными изменениями климата, дальнейшее снижение зависимости от импорта нефти и газа [6]. В результате энергетической политики Б. Обамы структура американского энергобаланса постепенно начала меняться, стали широко использоваться возобновляемые источники энергии.

На протяжении прошлых десятилетий практические аспекты энергетической стратегии США постоянно обновлялись и расширялись в зависимости от ситуации, которая складывалась на мировом энергетическом рынке и международной арене в целом. В то же время фундаментальные цели остаются неизменными – снижение зависимости экономики США от импорта углеводородных ресурсов и повышение эффективности использования энергии внутри страны.

Новое в энергетической политике Трампа

Вскоре после инаугурации Д. Трампа Белый дом опубликовал на своем веб-сайте «Энергетический план “Америка прежде всего”» (America First Energy Plan) [7]. Несмотря на то что в плане отсутствует специфика его реализации, он создает основу энергетической политики США по крайней мере на ближайшие четыре года. Его ключевыми пунктами являются: (1) устранение «вредных и ненужных» программ, таких как «План действий по климату и водное регулирование США» и других законов, принятых предыдущей администрацией Б. Обамы, которые сдерживают развитие энергетической отрасли; (2) использование сланцев, нефтяных и газовых запасов в США, оцениваемых в 50 трлн дол., как дополнительного финансового ресурса; (3) обязательство по внедрению чистых технологий в угольную промышленность и возобновление добычи угля (практически все шахты в Западной Вирджинии и Пенсильвании были опустошены в результате краха угольной промышленности); (4) увеличение производства всех видов энергии и обеспечение энергетической независимости от картеля ОПЕК и «любых стран, враждебных интересам США»; (5) защита окружающей среды Северной Америки [8].

Позиция президента в отношении политики защиты окружающей среды более радикальна и противоречива. Например, представители нефтегазовых компаний “ExxonMobil” и “ConocoPhillips” подтвердили свою поддержку Парижского соглашения о климате [9], тогда как Д. Трамп объявил 1 июня 2017 г. о том, что Соединенные Штаты выйдут из этого соглашения, хотя точный механизм выхода остается неясным.

Возрождение угольной промышленности

В энергетическом плане Д. Трампа особое внимание уделяется возрождению угольной промышленности США, и он уже предпринял несколько шагов, направленных на уменьшение «чрезмерной нормативной базы для отрасли» [10].

С 2008 г., в основном из-за растущей доступности дешевого природного газа, используемого в производстве электроэнергии, американская электроэнергетика отходит от применения угля, теряющего свою экономическую привлекательность. Капитальные затраты на строительство и эксплуатацию новой угольной электростанции с 90-процентным улавливанием углерода значительно дороже, чем затраты на аналогичную установку, работающую

на природном газе. В то же время Администрация энергетической информации США прогнозировала увеличение добычи угля в Соединенных Штатах на 8 % в 2017 г., что обусловлено спросом на американский экспорт [11].

Добыча ископаемого топлива в основном сосредоточена в традиционно консервативных штатах, поддержавших Д. Трампа на выборах 2016 г., – Техасе, Пенсильвании, Оклахоме, Вайоминге и Луизиане (65 % от общего объема добычи сухого природного газа в США в 2015 г. [12]).

Хотя около половины штатов США производят значительное количество угля, 70 % продукции приходится на пять из них: Вайоминг, Западную Вирджинию, Кентукки, Пенсильванию и Иллинойс. Все они, кроме Иллинойса, проголосовали за Д. Трампа. Он победил, пусть и с незначительным перевесом, даже в исторически поддерживающей демократов Пенсильвании, в основном благодаря своим белым сторонникам в сельских районах [13]. Если президент окажется неспособен выполнить свое обещание добиться увеличения добычи угля, уровень его поддержки в этих штатах может упасть.

Следовательно, политические (электоральная поддержка) и в меньшей степени экономические (вернуть рабочие места) мотивы определяют «угольное направление» энергетического плана Трампа.

Превращение США в энергетическую сверхдержаву

Президенты США десятилетиями стремились сделать свою страну энергетически независимым государством. В середине 2017 г. Д. Трамп заявил, что хочет превратить Соединенные Штаты в «энергетически доминирующую державу» (“energy dominant”). Он провозгласил начало «золотой эры» энергетики США, которая будет утверждаться через быстрый рост добычи в США природного газа, угля и экспорт нефти и нефтепродуктов [8].

По мнению министра энергетики США Рика Перри, «энергетическое доминирование Америки означает независимость и уверенность в себе, безопасность государства и свободу от геополитических потрясений в других странах, которые стремятся использовать энергию как экономическое оружие. Энергетически доминирующая Америка будет экспортировать на рынки по всему миру, увеличивая наше глобальное лидерство и наше влияние» [14 с. 2].

Развитие сланцевых технологий привело к тому, что добыча нефти в США увеличилась в два раза за 11 лет, достигнув к концу 2017 г. 9,782 млн баррелей в день. По оценке Министерства

энергетики США, к концу 2018 г. США выйдут на добычу 10,23 млн баррелей в день, а в 2019 г. – 11 млн, опередив тем самым Саудовскую Аравию. Согласно прогнозу Международного энергетического агентства (МЭА), к 2025 г. добыча нефти и газового конденсата достигнет уровня 16,9 млн баррелей в день, что превратит США в лидера на рынке энергопроизводителей [15 с. 4–8].

Бюро по управлению энергией океана (The Bureau of Ocean Energy Management, БОЕМ) при Министерстве внутренних дел США опубликовало проект-план выделения и аренды участков на американском шельфе для разведки, бурения и добычи нефти и газа на основании указа Д. Трампа от 28 апреля 2017 г. Ожидается, что до 2024 г. администрация США предоставит американским нефтегазовым компаниям 47 участков общей площадью 4 млн кв. км, суммарные запасы которых оцениваются в 90 млрд баррелей нефти и 319 трлн куб. газа [16].

США намерены в 2018 г. в 1,5 раза увеличить экспорт сжиженного природного газа (СПГ) с 53 млн кубометров в день в 2017 г. до 83 млн. Сегодня в США функционирует только один СПГ-завод “Sabine Pass” мощностью 14 млн т, на стадии строительства находится еще шесть. К 2020 г. американский производственный потенциал по СПГ возрастет до 78 млн т в год, что соответствует 23% мировых производственных мощностей 2016 г. [17].

Внешняя политика Трампа в контексте энергетической безопасности США

Энергетическая политика нашла отражение в «Стратегии национальной безопасности США», принятой в ноябре 2017 г. В документе отмечается, что «впервые в своей истории США будут доминирующей энергетической державой. Энергетическое доминирование – центральное положение Америки в глобальной энергетической системе как ведущего производителя, потребителя и инноватора – гарантирует, что рынки свободны, а инфраструктура США устойчива и безопасна. Возобновление разработки энергетических ресурсов – угля, природного газа, нефти, возобновляемых источников энергии и ядерной энергии – создаст основу для будущего роста» [18].

В «Стратегии» в области энергетики определены следующие цели:

1. *Сокращение барьеров*, которые препятствуют безопасному развитию энергетических ресурсов и ограничивают экономический рост.

2. *Продвижение экспорта* своих энергетических ресурсов, технологий и услуг, что поможет союзникам и партнерам США диверсифицировать свои источники энергии и принесет экономические выгоды, позволит увеличить объемы американских ресурсов на международных рынках и повысить конкурентоспособность технологий и услуг США в области энергетики.
3. *Обеспечение безопасности в области энергетики* на основе сотрудничества Соединенных Штатов со своими союзниками и партнерами для защиты глобальной энергетической инфраструктуры от кибер- и физических угроз, поддержки диверсификации источников энергии, модернизации своих стратегических запасов нефти и побуждения других стран развивать собственные запасы, отвечающие их потребностям в области национальной энергетической безопасности.
4. *Всеобщий надежный доступ к универсальным источникам энергии*, включая ядерные и возобновляемые источники энергии.
5. *Дальнейшее технологическое развитие*, направленное на укрепление преимуществ США в области энергетики, в том числе связанных с ядерными технологиями, ядерными реакторами нового поколения, солнечными и ветряными батареями, передовыми вычислениями, технологиями улавливания углерода и возможностями использования энергоудаленности.

В настоящее время США импортируют сырую нефть и нефтепродукты из 88 стран, но Д. Трамп явно хочет прекратить их импорт из 14 государств, являющихся членами Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК), созданной в 1960 г. На картель приходится около 57 % экспорта нефти в мире, и он в совокупности владеет 81 % ее доказанных запасов.

США в 2016 г. потребляли около 20 млн баррелей сырой нефти в день, а импортировали – 7,8 млн. За последние десятилетия доля импорта из стран ОПЕК снизилась. В 1977 г. он составлял 70% общего импорта нефти в США, а в 2016 г. – около 34 %. Пятью крупнейшими импортерами нефти в США в 2016 г. являлись: Канада (38 %), Саудовская Аравия (11 %), Венесуэла (8 %), Мексика (7 %), Колумбия (5%) [19]. Но ни Канада, ни Мексика не входят в ОПЕК. Таким образом, зависимость от нее оказывается не столь значительной, как представляется Д. Трампу.

В долгосрочной перспективе объемы поставок американского газа на мировой рынок будут зависеть от того, насколько успешно будут реализованы проекты по СПГ.

Руководство США заявило о поставках СПГ в Индию, Северную Корею, Китай, Европу и о намерении противодействовать

росту поставок российского газа в Европу. Это угрожает позициям «Газпрома», установившего в 2016 г. рекорд по экспорту газа. Кроме того, обострение конкуренции негативно отразится на ценах, а экспорт американской нефти и газа на мировой рынок может привести к снижению зависимости мировых потребителей от российского газа и нефти.

Сенат США в июне 2017 г. одобрил законопроект по расширению санкций против России, которые могут вводиться в отношении лиц и компаний, инвестирующих в инфраструктуру российских экспортных трубопроводов более 5 млн дол. в год или намеревающихся предоставить нефтегазовым проектам разные услуги и технологии.

В феврале 2016 г. первое судно с грузом американского СПГ достигло Европы. Первоначально планировалось, что 50 % объема экспорта СПГ из США будет поставляться в Европу. Однако, по данным статистического обзора British Petroleum за 2017 г., США экспортировали в 2016 г. 4,4 млрд куб. м СПГ, из которых только 0,5 млрд куб. м пришлось на европейский рынок [20].

С одной стороны, страны ЕС стремятся диверсифицировать источники поставок энергоносителей, и развитие проектов по СПГ является частью этой программы. С другой стороны, европейские потребители полагают, что импорт газа по третьей нитке «Северного потока» сможет компенсировать уменьшение объемов поставок от сокращения добычи на старом месторождении в Голландии.

Однако если маршрут «Северный поток-2» в ближайшее время не будет построен, то США за это время смогут увеличить свои экспортные возможности по поставкам СПГ в Европу. По сути, речь идет о борьбе за расширение рынка сбыта американского СПГ и вытеснении России, сокращении российско-европейского партнерства в области энергетики, что ставит под угрозу интересы РФ.

В настоящее время на США приходится 7% китайского импорта СПГ, несколько крупных китайских компаний рассматривают долгосрочные контракты на его поставки [21]. По результатам состоявшегося во Вьетнаме в 2017 г. саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) США и Китай достигли договоренности о поставках в Поднебесную СПГ с территории Аляски. Это может повлиять на объемы поставок российско-го газа в Китай через газопровод «Сила Сибири».

Экспорт сырья не только имеет экономическое значение, но и используется в качестве дипломатического инструмента. Так, например, была достигнута договоренность о том, что угольная компания из Пенсильвании “Xcoal Energy & Resources LLC” поставит украинской государственной компании «Центрэнерго»

700 тыс. т угля зимой 2017/2018 гг. [22]. Несмотря на увеличение конечных цен, эти поставки направлены на снижение зависимости Украины от импорта из России и Донбасса.

Таким образом, внешнеполитическая составляющая энергетического плана Трампа направлена на последовательное превращение США в мирового лидера по экспорту газа и угля, а также технологиям переработки и транспортировки углеводородов, расширение рынков сбыта своих ресурсов и вытеснение России и других «недружественных США государств» через конкуренцию, экономический и политический торг.

Заключение

Энергетическая политика США на протяжении десятилетий нацелена на снижение зависимости экономики США от импорта углеводородных ресурсов.

Энергетический план Д. Трампа и другие инициативы президента направлены на сохранение глобального лидерства США и превращение Соединенных Штатов в энергетическую сверхдержаву.

Реализация этого плана тесно связана с возможностями выполнения внутриэкономической программы американской администрации, предполагающей сокращение корпоративного налога с 35 до 20%, либерализацию добычи и экспорта энергоресурсов и инвестиций в различные объекты инфраструктуры (ремонт дорог, железнодорожных путей, мостов) на сумму более 200 млрд дол. из федерального бюджета и военно-промышленный комплекс (692 млрд дол.) и как результат – выход на стабильный экономический рост.

При увеличении добычи нефти и газа и сокращении импорта из стран Персидского залива «ресурсный фактор» не будет определяющим во внешней политике Соединенных Штатов на Ближнем Востоке. Но США по-прежнему намерены играть ключевую роль в этом регионе исходя из своих национальных интересов, сдерживать влияние России, Ирана, Турции и экономическую мощь Китая, для которого нефтегазовые ресурсы Ближнего Востока являются одним из главных источников экономического развития.

Несмотря на сложное и неоднозначное отношение к Д. Трампу в американском обществе, его энергетическая стратегия в целом вызвала большой оптимизм и вселила надежду на дальнейшее развитие энергетической отрасли, которая пострадала из-за низких цен на нефть и ограничения экспорта углеводородов. Многое будет зависеть от цены на нефть. Если она снизится, то сократится

прибыль энергетических компаний, что в конечном итоге может подорвать стремление США к долгосрочному увеличению производства энергоресурсов и глобальному энергетическому доминированию. Высокие цены на нефть будут способствовать увеличению прибыли и дополнительным инвестициям в добычу сланцевого газа, а очень высокие – внедрению дополнительных видов транспортного топлива и, возможно, отказу от нефти как стратегического сырья.

Литература

1. *Klare M.* Blood and Oil: The Dangers and Consequences of America's Growing Dependency on Imported Petroleum. Holt Paperbacks; 2nd Printing edition, 2005. 304 p.
2. *Cornes R., Sandler T.* The Theory of Externalities, Public Goods, and Club Goods. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 616 p.
3. *Bressand A.* The Future of Producer-Consumer Cooperation: A Policy Perspective // Goldthau A., Witte J.M. (eds.) Global Energy Governance: The New Rules of the Game. Washington DC: Brookings Institution Press, 2010. P. 269–284.
4. Energy Policy and Conservation Act. Public Law. December 22, 1975. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-89/pdf/STATUTE-89-Pg871.pdf> (дата обращения 5 янв. 2018).
5. Blueprint for a Secure Energy Future [Электронный ресурс] // The White House. Archive of the Barak Obama Administration. Securing American Energy. 2011. March 30. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/blueprint_secure_energy_future.pdf (дата обращения 6 янв. 2018).
6. New Report: The All-of-the-Above Energy Strategy as a Path to Sustainable Economic Growth [Электронный ресурс] // The White House Archive of the Barak Obama Administration. 2014. May 29. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2014/05/29/new-report-all-above-energy-strategy-path-sustainable-economic-growth> (дата обращения 6 янв. 2018).
7. President Donald J. Trump Unleashes America's Energy Potential [Электронный ресурс] // The White House. Energy and Environment. 2017. June 27. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-unleashes-americas-energy-potential/> (дата обращения 9 янв. 2018).
8. Remarks by President Trump at the Unleashing American Energy Event [Электронный ресурс] // The White House. Energy and Environment. 2017. June 29. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-unleashing-american-energy-event/> (дата обращения 15 янв. 2018).
9. *Nussbaum A., Carrol J.* Exxon and Conoco Reiterate Support for Paris Climate Deal [Электронный ресурс] // Bloomberg. 2017. May 31. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-05-31/exxon-conoco-back-paris-climate-deal-as-trump-weighs-pact-exit> (дата обращения 28 дек. 2018).

10. President Donald J. Trump Unleashes America's Energy Potential [Электронный ресурс] // The White House. Energy and Environment. 2017. June 29. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-unleashes-americas-energy-potential/> (дата обращения 12 янв. 2018).
11. Short-Term Energy Outlook [Электронный ресурс] // US Energy Information Administration. 2016. June. URL: https://www.eia.gov/outlooks/steo/pdf/steo_full.pdf (дата обращения 17 дек. 2017).
12. Natural Gas Explained: Where Our Natural Gas Comes From [Электронный ресурс] // US Energy Information Administration. 2017. Jan. 10. URL: https://www.eia.gov/EnergyExplained/index.cfm?page=natural_gas_where (дата обращения 15 янв. 2018).
13. Zito S. Why Democrats in Western Pennsylvania Are Voting Trump [Электронный ресурс] // The Atlantic. 2016. Sept. 13. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2016/09/why-democrats-in-western-pennsylvania-are-voting-trump/499577/> (дата обращения 15 янв. 2018).
14. DiChristopher T. Trump Wants America to Be "Energy Dominant". Here's What That Means [Электронный ресурс] // CNBS News. 2017. June 28. URL: <https://www.cnbc.com/2017/06/28/trump-america-energy-dominant-policy.html> (дата обращения 9 янв. 2018).
15. World Energy Outlook 2017 [Электронный ресурс]. International Energy Agency, 2017. P. 4–8. URL: <https://www.iea.org/Textbase/npsum/weo2017SUM.pdf> (дата обращения 16 янв. 2018).
16. 2019–2024 National OCS Oil and Gas Leasing Draft Proposed Program [Электронный ресурс] // Bureau of Ocean Energy Management. 2018. Jan. URL: <https://www.boem.gov/National-Program/> (дата обращения 14 янв. 2018).
17. Carroll J. Exxon's New CEO Shifts Investments to Quick-Earning Shale Oil [Электронный ресурс] // Bloomberg. 2017. March 1. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-03-01/exxon-sees-20-annual-growth-in-u-s-shale-fields-through-2025> (дата обращения 15 янв. 2018).
18. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [Электронный ресурс] // National Security Strategy Archive. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf> (дата обращения 9 янв. 2018).
19. How Much Petroleum Does the United States Import and Export? [Электронный ресурс] // US Energy Information Administration. 2017. Apr. 4. URL: <https://www.eia.gov/tools/faqs/faq.php?id=727&t=6> (дата обращения 18 янв. 2018).
20. BP Statistical Review of World Energy June 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf> (дата обращения 20 янв. 2018).
21. Clemente J. US Liquefied Natural Gas to China Is a Game-Changer [Электронный ресурс] // Forbes. 2017. May 25. URL: <https://www.forbes.com/sites/judeclemente/2017/05/25/u-s-liquefied-natural-gas-to-china-is-a-game-changer/#78696033671a> (сразу может не открыться, нажать Continue to Article) (дата обращения 20 янв. 2018).

22. *Daley M.* Trump Administration Hails Deal to Export Coal to Ukraine [Электронный ресурс] // The Hill. 2017. July 31. URL: <https://www.usnews.com/news/best-states/pennsylvania/articles/2017-07-31/trump-administration-hails-deal-to-export-coal-to-ukraine> (дата обращения 21 янв. 2018).

References

1. *Klare M.* Blood and Oil: The Dangers and Consequences of America's Growing Dependency on Imported Petroleum. Holt Paperbacks; 2nd Printing edition, 2005. 304 p.
2. Cornes R., Sandler T. The Theory of Externalities, Public Goods, and Club Goods. Cambridge: Cambridge Univ. Press.; 1996. 616 p.
3. Bressand A. The Future of Producer-Consumer Cooperation: A Policy Perspective. V: Goldthau A., Witte JM., eds. *Global Energy Governance, the New Rules of the Game*. Washington DC: Brookings Institution Press.; 2010. P. 269-84.
4. Energy Policy and Conservation Act. Public Law. December 22, 1975 [Internet]. (data obrashcheniya 5 Jan. 2018). URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-89/pdf/STATUTE-89-Pg871.pdf>
5. Blueprint for a Secure Energy Future. The White House Archive of the Barak Obama Administration. [Internet]. The White House. Archive of the Barak Obama Administration. Securing American Energy. 2011. Mar. 30. (data obrashcheniya 6 Jan. 2018). URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/blueprint_secure_energy_future.pdf (data obrashcheniya 6 Jan 2018).
6. New Report: The All-of-the-Above Energy Strategy as a Path to Sustainable Economic Growth. The White House Archive of The Barak Obama Administration [Internet]. The White House Archive of the Barak Obama Administration. 2014. May 29. (data obrashcheniya 6 Jan. 2018). URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2014/05/29/new-report-all-above-energy-strategy-path-sustainable-economic-growth> (data obrashcheniya 6 Jan 2018).
7. President Donald J. Trump Unleashes America's Energy Potential [Internet]. The White House. Energy and Environment. 2017. June 27. (data obrashcheniya 9 Jan. 2018). URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-unleashes-americas-energy-potential/>
8. Remarks by President Trump at the Unleashing American Energy Event [Internet]. The White House. Energy and Environment. 2017. June 29. (data obrashcheniya 9 Jan. 2018). URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-unleashing-american-energy-event/>
9. Nussbaum A., Carrol J. Exxon and Conoco Reiterate Support for Paris Climate Deal. [Internet]. Bloomberg. 2017. May 31. (data obrashcheniya 28 Dec. 2017). URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-05-31/exxon-conoco-back-paris-climate-deal-as-trump-weighs-pact-exit>

10. President Donald J. Trump Unleashes America's Energy Potential [Internet]. The White House. Energy and Environment. 2017. June 29. (data obrashcheniya 12 Jan. 2018). URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-unleashes-americas-energy-potential/> (data obrashcheniya 12 Jan. 2018).
11. Short-Term Energy Outlook. US Energy Information Administration. [Internet]. US Energy Information Administration. 2016. June. (data obrashcheniya 17 Dec. 2017). URL: https://www.eia.gov/outlooks/steo/pdf/steo_full.pdf
12. Natural Gas Explained: Where Our Natural Gas Comes From. US Energy Information Administration [Internet]. US Energy Information Administration. 2017. Jan. 10. (data obrashcheniya 15 Jan. 2018). URL: https://www.eia.gov/EnergyExplained/index.cfm?page=natural_gas_where
13. Zito S. Why Democrats in Western Pennsylvania Are Voting Trump [Internet]. The Atlantic. 2016. Sept. 13. (data obrashcheniya 15 Jan. 2018). URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2016/09/why-democrats-in-western-pennsylvania-are-voting-trump/499577/>
14. DiChristopher T. Trump Wants America to Be "Energy Dominant". Here's What That Means [Internet]. CNBC News. 2017. June 28. (data obrashcheniya 15 Jan. 2018). URL: <https://www.cnbc.com/2017/06/28/trump-america-energy-dominant-policy.html>
15. World Energy Outlook 2017. International Energy Agency [Internet]. International Energy Agency, 2017. p. 4-8. (data obrashcheniya 16 Jan. 2018). URL: <https://www.iea.org/Textbase/npsum/weo2017SUM.pdf>
16. 2019-2024 National OCS Oil and Gas Leasing Draft Proposed Program. Bureau of Ocean Energy Management [Internet]. Bureau of Ocean Energy Management. 2018. Jan. (data obrashcheniya 14 Jan. 2018). URL: <https://www.boem.gov/National-Program/>
17. Carroll J. Exxon's New CEO Shifts Investments to Quick-Earning Shale Oil [Internet]. Bloomberg. 2017. Mar. 1. (data obrashcheniya 15 Jan. 2018). URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-03-01/exxon-sees-20-annual-growth-in-u-s-shale-fields-through-2025>
18. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [Internet]. National Security Strategy Archive. (data obrashcheniya 9 Jan. 2018). URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf>
19. How Much Petroleum Does the United States Import and Export? US Energy Information Administration [Internet]. US Energy Information Administration. 2017. Apr. 4. (data obrashcheniya 18 Jan. 2018). URL: <https://www.eia.gov/tools/faqs/faq.php?id=727&t=6>
20. BP Statistical Review of World Energy June 2017 [Internet]. (data obrashcheniya 20 Jan. 2018). URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf>
21. Clemente J. US Liquefied Natural Gas to China Is a Game-Changer [Internet]. Forbes. 2017. May 25. (data obrashcheniya 20 Jan. 2018). URL: <https://www.forbes.com/sites/judeclemente/2017/05/25/u-s-liquefied-natural-gas-to-china-is-a-game-changer/#78696033671a> (сразу может не открыться, нажать Continue to Article)

22. *Daley M.* Trump Administration Hails Deal to Export Coal to Ukraine [Internet]. The Hill. 2017. July 31. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <https://www.usnews.com/news/best-states/pennsylvania/articles/2017-07-31/trump-administration-hails-deal-to-export-coal-to-ukraine>

Информация об авторе

Олег А. Хлопов, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; rggu2007@rambler.ru

Information about the author

Oleg A. Khlopov, PhD in Politics, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; rggu2007@rambler.ru

Дебаты о России на выборах в Чехии 2017–2018 гг.

Вадим В. Трухачев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vadimvts@mail.ru*

Аннотация. Данная работа является первой в России научной статьей, посвященной обсуждению антироссийских санкций в ходе парламентских и президентских выборов в Чехии 2017–2018 гг. Цель исследования – проанализировать, как и почему многообразие точек зрения на Россию влияет на чешскую политику в отношении РФ. В работе применялись типологический и сравнительный методы.

Выборы показали, что среди чешских политиков и партий есть как те, кто считает нынешние антироссийские меры воздействия недостаточными, так и сторонники их полного снятия. Раскол имел место даже внутри отдельных партий, и именно те из них, в которых нет единства мнений по поводу РФ, пользуются наибольшей поддержкой. Причиной таких противоречий стали как воспоминания о тяжелых страницах истории, так и общие подходы к вопросам внешней политики Чехии, такие как отношение к ЕС и НАТО. В целом критический взгляд на Россию у чешской элиты преобладает, страна вряд ли выступит за отмену антироссийских санкций, однако их противники все же будут оказывать на чешскую политику заметное влияние.

Ключевые слова: выборы в Чехии, российско-чешские отношения, санкции ЕС, Милош Земан, Иржи Драгош, Андрей Бабиш

Для цитирования: Трухачев В.В. Дебаты о России на выборах в Чехии 2017–2018 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1(11). С. 101–115. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-101-115

Disputes about Russia during the Election Campaigns of 2017–2018 in the Czech Republic

Vadim V. Trukhachev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, vadimvts@mail.ru*

Abstract. This work is the first scientific article in Russia which is devoted to the discussion of anti-Russian sanctions during the parliamentary and presidential elections in the Czech Republic in 2017–2018. The aim of the work is to analyze how and why the diversity of the points of view on Russia will affect the Czech foreign policy towards the Russian Federation. A typological and a comparative method of research were used in the paper.

The elections have shown that among the Czech politicians and parties one can see both the critics of Russia who consider the current sanctions as insufficient measures, and the supporters of the complete ease of anti-Russian restrictions. The split was evident even within one definite party, and those parties that revealed the diversity of attitudes towards the Russian Federation, had got the greatest support. The reasons for such contradictions were the memories about the tragic pages of history as well as the common approaches to the issues of the Czech foreign policy – such as the attitude towards the EU and the NATO. In general, the critical approach to Russia in the Czech elite prevails; the country is unlikely to advocate the abolition of the anti-Russian sanctions, but their opponents will still have a significant impact on the Czech politics.

Keywords: Czech elections, Russian-Czech relations, EU sanctions, Miloš Zeman, Jiří Drahoš, Andrej Babiš

For citation: Trukhachev VV. Disputes about Russia during the Election Campaigns of 2017–2018 in the Czech Republic. *RSUH/ RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;1(11):101-15. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-101-115

Введение

С 2014 г. в отношении РФ действуют санкции ЕС, на что Россия ответила контрмерами. Это отразилось и на ее связях с Чехией, породив у чехов споры, какой линии на российском направлении стоит придерживаться. Они дали о себе знать в ходе выборов в 200-местную нижнюю палату парламента Чехии 20–21 октября 2017 г. и президентских выборов 12–13 и 26–27 января 2018 г. Основными внешнеполитическими сюжетами на них стали отношения с ЕС и НАТО, последствия миграционного кризиса в Европе. Российская тема не была центральной, но заняла заметное место и повлияла на исход обоих голосований – хотя меньше, чем вопросы, означенные выше [1,2,3].

Тема отношения к России чешских политиков в 2017–2018 гг. затрагивалась автором в публицистических статьях [1,2,3]. Разницу в подходах к РФ основных кандидатов в президенты исследовал отечественный эксперт М. Ведерников [4]. Чешские политологи В. Достал и П. Гавличек рассмотрели отношение к РФ в предвыборных программах чешских партий [5]. Источниковую базу исследования составили программы партий и материалы СМИ, цитировавшие заявления и публиковавшие интервью чешских политиков [6,7]. Первый вид источников позволил выявить преобладающую в каждой партии точку зрения на внешнюю политику вообще и отношения с Россией в частности. Благодаря материалам СМИ удалось рассмотреть разногласия по РФ внутри отдельных политических сил. В статье применялись типологический (для классификации партий по их отношению к России) и сравнительный (для сравнения заявлений и программ между собой) методы.

Данная работа является первым в России научным исследованием об обсуждении антироссийских санкций в чешских предвыборных кампаниях 2017–2018 гг. Продолжая две свои статьи об отношении чехов к России в 2014–2015 гг. [8,9], автор ставил себе целью проанализировать, как многообразие точек зрения на отношения с Россией влияет на чешскую политику в отношении РФ. Для ее достижения решались следующие задачи: 1) выяснить причины возникновения многообразия мнений; 2) рассмотреть заявления основных кандидатов в президенты и партий о политике РФ; 3) определить более и менее лояльные к России силы в Чехии; 4) выявить преобладающую точку зрения на отношения с РФ; 5) на ее основе спрогнозировать дальнейший подход Чехии к антироссийским санкциям.

Спор на президентских выборах

Чехия – парламентская республика, где основная власть принадлежит правительству, подотчетному парламенту, но президент тоже влияет на принятие решений. Когда страна не имеет правительства, опирающегося на парламентское большинство, роль главы государства растёт. Такая ситуация сложилась в начале 2018 г., когда однопартийное правительство лидера партии «Акция недовольных граждан» (по-чешски АНО) А. Бабиша не получило поддержки депутатов и исполняло свои обязанности по решению действующего главы государства М. Земана. Его основным соперник на выборах И. Драгош выступил против назначения Бабиша [10].

Споры о России между основными кандидатами в президенты выдались жаркими. Земан (получивший во втором туре свыше 51 %), не ставя под сомнение членство страны в ЕС и НАТО, выступал за отмену санкций в отношении России, указывая, что они бьют по чешской экономике. В этом вопросе он расходился с правительством Чехии, которое с 2014 г. поддерживало антироссийские меры [7,11].

Земан признает вхождение Крыма в состав РФ: «Я... понимаю интересы... населения Крыма, который бессмысленным решением Хрущева в 1954 г. был присоединен к Украине». В целом не одобряя действия РФ по Донбассу, он отрицательно относится к политике современной Украины. Основную вину за войну чешский президент возлагает на украинские власти. Он призывает их пойти на переговоры с ДНР и ЛНР и переустроить страну на федеративных началах»¹.

И. Драгош, получивший во втором туре свыше 48 % голосов, делал упор на следовании Чехии в фарватере ЕС и НАТО, не сомневаясь в необходимости санкций. «Захват Крыма Россией является нарушением... международных норм... Санкции стали... следствием данной ситуации». Он отметил, что чехи после 1968 г. изучили «русский менталитет», а потому предостерег «от наивности... в отношении России» [12]. Тем самым Драгош выразил точку зрения части чешского общества, которая в силу исторической памяти опасается действий РФ как правопреемницы СССР, подавившего Пражскую весну 1968 г. Отрицательно оценивал действия Советского Союза и Земан. Но, в отличие от своего соперника, он

¹ Цит. по: [9, 8 с. 165].

призывал не смотреть на РФ только сквозь призму тех событий, предлагая строить отношения на прагматичной основе [13].

Драгош предположил, что Россия могла вмешаться в чешские выборы, на что резко отреагировал Земан: «Я считаю оскорбительным, когда один из кандидатов заявляет, что... на граждан влияют иностранные спецслужбы» [14]. Как показало голосование, анти-российский настрой не помог Драгошу победить.

Разногласия между двумя кандидатами не сводились к РФ. Земан, не будучи евроскептиком, дал понять, что готов объявить референдум о выходе Чехии из ЕС, если сложится такая ситуация (хотя сам проголосует против). Драгош не поддержал подобный плебисцит. Земан выступал против приема 2 600 беженцев по квоте ЕС, Драгош считал необходимым следовать решению Брюсселя [15,16]. Так что более критически настроенный к РФ кандидат оказался и более проевропейским.

Пророссийские силы в парламенте

К числу тех, кто требует снятия ограничительных мер, принадлежит Коммунистическая партия, получившая 8 % голосов и 15 депутатских мест. Руководитель партии В. Филип отмечал, что антироссийские санкции ЕС надо отменить. Такой подход оказался созвучен тому, что коммунисты критикуют политику США и ЕС в целом (не только по отношению к России), выступают за выход Чехии из НАТО (без выхода из ЕС) [17,18]. В подобном русле выдержано и заявление Филипа по Украине: «Американская инициатива... по дестабилизации Украины... обернулась против России и ЕС...» [9]. Лидер коммунистов обращал внимание и на то, что Украина объявила героями тех, кто в годы Второй мировой войны сотрудничал с нацистами и убивал живших на Волыни чехов [8 с. 163].

На отмене ограничений настаивает и националистическая партия «Свобода и прямая демократия», заручившаяся поддержкой 10,5 % избирателей и имеющая 22 кресла в парламенте. Она ратует за выход Чехии из ЕС и НАТО, не только настаивая на развитии экономических связей с РФ, но и указывая на родство русского и чешского народов, отталкиваясь от идеи славянской взаимности XIX в. [6] Лидер партии Т. Окамура писал о санкциях: «Глупые действия ЕС заставили РФ переориентировать экономику на восток... Желание наказать Россию за преступления украинских фашистов... стали презрением к справедливости» [19].

Несмотря на разногласия по многим вопросам, коммунистов и националистов объединяет плохое отношение к ЕС и НАТО, во многом исходя из которого они оценивают политику в отношении России и Украины. В то же время критика ими событий на Украине восходит к исторической памяти чехов, пострадавших от нацизма и украинских националистов. Исторический контекст имеет и давняя идея особых отношений между русскими и чехами.

Антироссийский полюс

Наиболее жестко настроена к России либерально-консервативная партия «ТОП 09», набравшая чуть более 5 % голосов и 7 мест. В ее программе говорится, что «мировой порядок... находится под угрозой со стороны таких авторитарных держав, как Россия». Эта партия стала единственной в Чехии, призвавшей поддержать демократическую оппозицию в РФ [20]. Ее почетный председатель, экс-глава МИД К. Шварценберг называл санкции «умеренными» и желал их ужесточить [21].

Критически воспринимает Россию Гражданско-демократическая партия (ГДП), получившая более 11 % и 25 мест. В отличие от других евроскептиков, она поддерживает антироссийские санкции, а председатель партии П. Фиала настаивал на более жестких ограничениях (не уточняя, каких именно), называя российское руководство «авторитарным режимом, который понимает только силу» [22].

Подобные заявления стали продолжением подходов данных политических сил к РФ. Обе партии жестко ругали ее, делая отсылки к драматическим страницам истории. Шварценберг сравнил присоединение Крыма с аннексией Судетской области Чехословакии Третьим рейхом в 1938 г. ГДП подчеркивала, что у России в силу ее недемократической природы нет уважения к международным нормам и чехи во времена социализма ощутили это на себе [9, 8 с. 159–161]. Обе партии особое значение придают принадлежности Чехии к западному миру и ее членству в НАТО, а РФ видят-ся им изначально недружественной державой [20,23].

Получивший почти 6 % голосов и 10 кресел консервативный Христианско-демократический союз и отколовшаяся от него партия «Старосты и независимые» (чуть более 5 % и 6 мест) считают необходимым строить свою политику, отталкиваясь от членства Чехии в ЕС и НАТО. В отличие от «ТОП 09» и ГДП, они отмечают важность отношений с РФ [24,25], но не ценой отмены санкций. Лидеры партии П.Б. Белобрадек и М. Газдик увязывают их отмену

с выполнением минских соглашений 11–12 февраля 2015 г. (подписанных при участии РФ, Германии и Франции и представляющих план действий по прекращению войны в Донбассе). Чешские консерваторы считают, что именно действия РФ мешают претворить их в жизнь [26,27]. Поскольку того же мнения придерживаются ЕС, Германия и Франция, в их подходе можно усмотреть и желание следовать преобладающей в Евросоюзе линии.

Расколотые партии

Победителем парламентских выборов 2017 г. стала партия АНО, набравшая почти 30 % голосов и получившая 78 из 200 депутатских мест. Основой внешней политики она видит членство в ЕС и НАТО. В то же время в ее программе говорится: «В рамках ЕС мы будем стремиться к выработке новой стратегии отношений с Россией с целью укрепить архитектуру безопасности в Европе и сделать возможным развитие вышеозначенных отношений» [28].

Ее лидер, премьер-министр А. Бабиш плохо отзывался о России, но ставил под сомнение необходимость санкций: «Россия – агрессор. Она захватила Крым, ЕС ввел санкции. Санкции не заставили Россию уйти из Крыма. Теперь большой вопрос, что делать с санкциями дальше» [29]. Партия объединила вокруг Бабиша разных по взглядам людей, что проявилось в обсуждении российской темы. Глава МИД М. Стрпницкий называл Россию угрозой для безопасности Чехии и высказывался за продление ограничений. Со своей стороны, депутат парламента от АНО С. Берковец призывал их отменить, ибо они бьют по чешской экономике [30,31].

В программе бывшей правящей Социал-демократической партии, получившей на выборах 7 % голосов и 15 мест, подчеркивается, что основа внешней политики Чехии – членство в ЕС и НАТО. Параллельно в ней провозглашалось желание «поддерживать хорошие отношения с... Россией» [32]. Лидер партии, экс-глава МИД Л. Заоралек высказывался за сохранение санкций, дав понять, что их «отмена обусловлена... шагами по выполнению минских соглашений» [33]. Свое мнение он подкреплял отсылкой к событиям 1938 г.: «Уважение границ – необходимость... То, что творится в Донбассе, где стоят тысячи российских военных, что-то чехам напоминает» [34]. Но среди социал-демократов нашлись и те, кто усомнился в необходимости санкций. Среди них был и председатель сената Чехии М. Штех. По его словам, несмотря на санкции, прямые инвестиции в Россию выросли, что обернуло ограничения ей на пользу [35].

Единства мнений относительно РФ нет и внутри впервые вошедшей в парламент Пиратской партии, имеющей почти 11 % голосов и 22 мандата. Говоря об антироссийских санкциях, ее председатель И. Бартош выразился достаточно противоречиво. Он отметил, что «они ничего не решают», но в то же время указал, что «если другого варианта нет – мы их поддержим» [36].

Заключение

В Чехии существует раскол относительно того, какую политику проводить по отношению к России. Два основных кандидата в президенты выступали с противоположных позиций. Среди парламентских партий выявились как силы, ратующие за отмену санкций (коммунисты и националисты), так и те, кто однозначно настаивает на их продлении. У последних можно выделить как радикальных критиков российской политики (ТОП 09 и ГДП), так и более умеренных, в принципе не отрицающих важности отношений с РФ (христианские демократы, «Старосты и независимые»). Внутри таких сил, как АНО, социал-демократы и «пираты», единства нет. Но если суммировать имеющиеся внутри них подходы, то недовольства действиями РФ больше, чем симпатий к ней.

Большой разброс мнений во многом стал следствием противоречивой исторической памяти чехов. Происходящее на Украине критики России рассматривали сквозь призму драматических страниц собственного прошлого, видя в российских действиях продолжение политики СССР, а то и сравнивая их с Третьим рейхом. В то же время воспоминание об идее славянской взаимности и отрицательное отношение к украинскому национализму вылилось в желание других чешских политиков отменить санкции.

На оценку политики в отношении России влияют и современные факторы. Силы, отводящие важное место пребыванию Чехии в ЕС и НАТО, склонны поддерживать антироссийские меры воздействия. Напротив, критики Евросоюза и НАТО большей частью (это не касается евроскептической ГДП) хотят ограничения снять. Среди противников санкций выделяется группа прагматиков, которые ставят во главу угла экономику (М. Земан; ряд представителей социал-демократов и АНО). Имеются и приверженцы «серединного подхода», оценивающие действия РФ отрицательно, но сомневающиеся в необходимости санкций (премьер А. Бабиш и лидер «пиратов» И. Бартош).

Если посмотреть на результаты представителей разных подходов на выборах, то противники санкций получили свыше 18 % и

37 депутатских мест, а подчеркнутые сторонники – порядка 28 % и 48 мандатов. В то же время наибольшими симпатиями пользуются те силы, внутри которых имеются разные мнения по данному вопросу (48 % и 115 мест). Их можно назвать «критиками с оговорками», в целом настроенными на развитие отношений с РФ, но не готовыми пока идти на снятие ограничений. Их популярность во многом свидетельствует о неоднозначности восприятия России не только среди политиков, но и у простых чехов.

Таким образом, Чехию нельзя отнести к группе лояльных к России стран ЕС, но и к числу ярых критиков РФ она тоже не принадлежит, что доказывает переизбрание на новый срок противника санкций М. Земана. С учетом этого можно сделать вывод о том, что чешская элита настроена к России скорее критически, но противники санкций также сохраняют влияние, и потому чешская политика на российском направлении имеет все шансы остаться противоречивой.

Литература

1. *Трухачев В.* Выборы в Чехии: «щелчок по носу» Евросоюзу и умеренная нелюбовь к России [Электронный ресурс] // EADaily.com. 2017. 22 окт. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/10/22/vybory-v-chehii-shchelchok-po-nosu-evrosoyuzu-i-umerennaya-nelyubov-k-rossii> (дата обращения 21 янв. 2018).
2. *Трухачев В.* Чехия: раскол из-за антироссийских санкций [Электронный ресурс] // РСМД. 2017. 4 дек. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chekhiya-raskol-iz-za-antirossiyskikh-sanktsiy/> (дата обращения 21 янв. 2018).
3. *Трухачев В.* Земан: победа харизмы над «правильной серостью» [Электронный ресурс] // EADaily.com. 2018. 28 янв. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/01/28/zeman-pobeda-harizmy-nad-pravilnoy-serostyu> (дата обращения 28 янв. 2018).
4. *Ведерников М.* Каким путем пойдет Чехия? [Электронный ресурс] // РСМД. 2018. 15 янв. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kakim-putem-poydet-chekhiya/> (дата обращения 21 янв. 2018).
5. *Dostál V., Havlíček P.* Rusko ve volebních programech politických stran [Электронный ресурс] // АМО. 2017. Září. URL: https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2017/09/AMO_rusko-ve-volebnich-programech-politickyh-stran.pdf (дата обращения 21 янв. 2018).
6. *Zahraniční politika SPD* [Электронный ресурс] // SPD. URL: <http://www.spd.cz/uploads/stranky/1/dokumenty/zahranicni-politika.pdf> (дата обращения 21 янв. 2018).
7. *Sankce vůči Rusku škodí našemu zemědělství...* [Электронный ресурс] // Novinky.cz, 25. srpna 2016. URL: <https://www.novinky.cz/domaci/412851-sankce-vuci-rusku>

- rusku-skodi-nasemu-zemedelstvi-vyzval-opet-zeman-k-jejich-zruseni.html (дата обращения 21 янв. 2018).
8. *Трухачев В.В.* Чешские политики об Украине и антироссийских санкциях: огромный разброс мнений // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях. сб. ст. участников X междунар. науч. конференции, Москва, 10–11 сентября 2015 г М.: Под ред. Л.Н.Шишелиной. Т. 10. Институт Европы РАН 2015. С. 154–167.
 9. *Трухачев В.В.* Вишеград: раскол вокруг России и Украины [Электронный ресурс] // Перспективы. 2014. 31 авг. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/krug/vishegrad_raskol_vokrug_rossii_i_ukrainy_2014-08-31.htm (дата обращения 21 янв. 2018).
 10. Zeman přijal demisi Babišovy vlády [Электронный ресурс] // ČT. 2018. 24. ledna. URL: <http://www.ceskatelevize.cz/ct24/domaci/2370775-zeman-prijme-demisi-babisovy-vlady-a-hned-mu-da-druhy-pokus> (дата обращения 28 янв. 2018).
 11. Sobotka: Zeman neměl mandát vlády... [Электронный ресурс] // Novinky.cz 10. října 2017. URL: <https://www.novinky.cz/domaci/451490-sobotka-zeman-nemel-mandat-vlady-slova-o-krymu-odporuji-politice-cr.html> (дата обращения 21 янв. 2018).
 12. Nevidím důvod pro rušení sankcí proti Rusku... [Электронный ресурс] // e15.cz. 2017. 14. dubna. URL: <http://zpravy.e15.cz/domaci/politika/nevidim-duvod-pro-ruseni-sankci-proti-rusku-rika-prezidentsky-kandidat-jiri-drahos-1331135> (дата обращения 21 янв. 2018).
 13. Два года правления президента Чехии Милоша Земана // 420on.cz, 07.04.2015. URL: <http://420on.cz/news/politics/47792-dva-goda-pravleniya-prezidenta-chehii-milosha-zemana> (дата обращения 12 июня 2018).
 14. Aktivista podal trestní oznámení na Drahoše [Электронный ресурс] // Liberec. iDNES.cz. 2017. 27. prosince. URL: https://liberec.idnes.cz/aktivista-trestni-oznameni-jiri-drahos-ruska-rozvedka-pgu-/liberec-zpravy.aspx?c=A171227_113109_liberec-zpravy_jape (дата обращения 21 янв. 2018).
 15. Drahoš by nejmenoval vládu závislou na KSČM [Электронный ресурс] // iDNES. cz. 2017. 29. června. URL: https://zpravy.idnes.cz/diskuse-s-prezidentskym-kandidatem-jiri-drahosem-fv1-/domaci.aspx?c=A170629_175731_domaci_kop (дата обращения 21 янв. 2018).
 16. Poslední prezidentská debata mezi M. Zemanem a J. Drahošem [Электронный ресурс] // Youtube. 2018. 25. ledna. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_xPZgMRnK_k&t=1575s (дата обращения 21 янв. 2018).
 17. Protiruské sankce jsou neefektivní... [Электронный ресурс] // iRozhlas.cz. 2017. 9. září. URL: https://www.irozhlas.cz/volby/protiruske-sankce-jsou-neeaktivni-evropske-zeme-na-ruskem-trhu-nahradily_1709091200_ako (дата обращения 21 янв. 2018).
 18. Volební program KSČM pro volby do Poslanecké sněmovny Parlamentu České republiky 2017 [Электронный ресурс] // KSČM. URL: https://www.kscm.cz/sites/default/files/soubory/Program%20KS%C4%8CM/volebni_program_kscm_pro_volby_do_ps_pcr_2017.pdf (дата обращения 21 янв. 2018).
 19. Sankce vůči Rusku byly od počátku naprostá hloupost [Электронный ресурс] // Tomio Okamura – osobní stránka. 2016. 22. července. URL: <http://www.tomio>.

- cz/aktuality/sankce-vuci-rusku-byly-od-pocatku-naprosta-hloupost/ (дата обращения 21 янв. 2018).
20. TOP09. Bezpečí a zahraniční politika [Электронный ресурс] // TOP09. URL: <https://www.top09.cz/proc-nas-volit/volebni-program/volebni-program-2017/3-bezpeci-a-zahranicni-politika-22528.html> (дата обращения 21 янв. 2018).
 21. Schwarzenberg: Babiš se ohledně sankcí vybarvil do červena [Электронный ресурс] // TOP09. 2017. 9. října. URL: <https://www.top09.cz/co-delame/komentare/schwarzenberg-babis-se-ohledne-sankci-vybarvil-do-cervena-23275.html> (дата обращения 21 янв. 2018).
 22. Petr Fiala: Rozhovor pro Pravý břeh: Dnes přicházíme o bezpečnost, zítra to bude demokracie [Электронный ресурс] // ODS. 2016. 15. srpna. URL: <https://www.ods.cz/region.jihomoravsky/clanek/12249-rozhovor-pro-pravy-breh-dnes-prichazime-o-bezpecnost-zitra-to-bude-demokracie> (дата обращения 12 июня 2018).
 23. ODS. Program 2017. Zahraniční věci [Электронный ресурс] // Občanská demokratická strana. URL: <https://www.ods.cz/volby2017/program/zahranicni-politika> (дата обращения 21 янв. 2018).
 24. Základní směr politiky KDU-ČSL pro období 2017–2019 [Электронный ресурс] // KDU-ČSL. URL: <https://kdu.cz/getattachment/O-nas/Dokumenty/Volebni-programy/Zakladni-smer-politiky-KDU-CSL-pro-obdobi-2017-2019.pdf.aspx> (дата обращения 21 янв. 2018).
 25. Program STAN 2017 [Электронный ресурс] // Starostové a nezávislí. URL: https://www.starostove-nezavisli.cz/fmfile/0/files/volby17/STAN_program_17_final.pdf (дата обращения 21 янв. 2018).
 26. Pavel Bělobrádek: Jsem zklamán, že prezident České republiky selhal... [Электронный ресурс] // KDU-ČSL. 2017. 11. října. URL: <https://kdu.cz/aktualne/zpravu/pavel-belobradek-jsem-zklamán-ze-prezident-ceske-r> (дата обращения 21 янв. 2018).
 27. Gazdík: Mít chřipku není normální [Электронный ресурс] // STAN. 2016. 6. prosince. URL: <https://www.starostove-nezavisli.cz/info-a-media/vystupy-z-medii/gazdik-mit-chripku-neni-normalni> (дата обращения 21 янв. 2018).
 28. Ted' nebo nikdy [Электронный ресурс] // ANO, politické hnutí. URL: <https://www.anobudelip.cz/file/edee/2017/09/program-hnuti-ano-pro-volby-do-poslanecke-snemovny-2017.pdf> (дата обращения 21 янв. 2018).
 29. Ekonomické sankce proti Rusku jsou k ničemu, tvrdí Andrej Babiš... [Электронный ресурс] // iHNed.cz. 2017. 5. října. URL: <https://archiv.ihned.cz/c1-65903840-ekonomicke-sankce-proti-rusku-jsou-k-nicemu-a-neucinne-rika-pravdepodobny-budouci-premier-andrej-babis> (дата обращения 21 янв. 2018).
 30. Martin Stropnický: Sankce proti Rusku nejsou všelék [Электронный ресурс] // Hlídací pes. 2017. 9. října. URL: <https://hlidacipes.org/martin-stropnicky-sankce-rusku-nejsou-vselek-maji-pokracovat/> (дата обращения 21 янв. 2018).
 31. Чешский парламент собирает голоса против антироссийских санкций [Электронный ресурс] // Известия.ру. 2017. 30 окт. URL: <https://iz.ru/662643/dmitrii-laru/cheshskii-parlament-sobiraet-golos-a-protiv-antirossiiskikh-sanktcii> (дата обращения 21 янв. 2018).

32. Dobrá země pro život [Электронный ресурс] // ČSSD. URL: <https://www.cssd.cz/data/files/program-210x210-seda.pdf> (дата обращения 21 янв. 2018).
33. Sankce proti Rusku mají pokračovat nejméně do konce ledna 2017 [Электронный ресурс] // Hlídací pes. 2016. 24. června. URL: <http://hlidacipes.org/sankce-proti-rusku-maji-pokracovat-nejmene-do-konce-ledna-2017/> (дата обращения 21 янв. 2018).
34. Víte, proč Andrej Babiš vymyslel kauzu lithium? // Právo. 2017. 14. října.
35. Šéf Senátu Štěch: Sankce proti Rusku jsou pokrytecké [Электронный ресурс] // Parlamentní listy. 2017. 28. března. URL: <http://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Sef-Senatu-Stech-Sankce-proti-Rusku-jsou-pokrytecke-481406> (дата обращения 21 янв. 2018).
36. Předseda Pirátů Bartoš: Nejsme vítací migrantů a jít do vlády se nebojíme [Электронный ресурс] // Novinky.cz. 2017. 10. října. URL: <https://www.novinky.cz/domaci/451459-predseda-piratu-bartos-nejsme-vitaci-migrantu-a-jit-do-vlady-se-nebojime.html> (дата обращения 21 янв. 2018).

References

1. Trukhachev V. The Czech elections: a “click on the nose” for the EU and a moderate dislike for Russia [Internet]. EADaily.com. 2017. 22 Oct. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2017/10/22/vybory-v-chehii-shchelchok-po-nosu-evrosoyuzu-i-umerennaya-nelyubov-k-rossii> (In Russ.)
2. Trukhachev V. The Czech Republic: a split due to the anti-Russian sanctions [Internet]. РСМД. 2017. 4 Dec. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chekhiya-raskol-iz-za-antiros-siyskikh-sanktsiy/> (In Russ.)
3. Trukhachev V. Zeman: the victory of charisma over the correct drab [Internet] // EADaily.com. 2018. 28 Jan. (data obrashcheniya 28 Jan. 2018). URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2018/01/28/zeman-pobeda-harizmy-nad-pravilnoy-serostyu> (In Russ.)
4. Vedernikov M. Where will the Czech Republic go? [Internet]. Российский совет по международным делам. 2018. 15 Jan. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kakim-putem-poydet-chekhiya/> (In Russ.)
5. Dostal V., Havlíček P. Rusko ve volebních programech politických stran. [Internet]. AMO. 2017. Zář. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2017/09/AMO_rusko-ve-volebnich-programech-politickych-stran.pdf (In Czech)
6. Zahraniční politika SPD. [Internet]. SPD. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <http://www.spd.cz/uploads/stranky/1/dokumenty/zahranicni-politika.pdf> (In Czech)
7. Sankce vůči Rusku škodí našemu zemědělství... [Internet]. Novinky.cz. 25. srpna 2016. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <https://www.novinky.cz/domaci/412851-sankce-vuci-rusku-skodi-nasemu-zemedelstvi-vyzval-opet-zeman-k-jejich-zruseni.html> (In Czech)

8. Trukhachev V. Czech politicians on Ukraine and the anti-Russian sanctions: the enormous difference in opinions. Shishelina LN., ed. *Russia and Central Europe in New Geopolitical Realities: Sat. Art. participants of the X International sci. Conf., Moscow, September 10–11, 2015*. Moscow: Institut Evropy RAN Publ.; 2015. С. 154-67. Vol. 10 (In Russ.)
9. Trukhachev V. Visegrad Group: a split over Russia and Ukraine [Internet]. *Perspectives*. 2014. 31 Aug. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/krug/vishegrad_raskol_vokrug_rossii_i_ukrainy_2014-08-31.htm (In Russ.)
10. Zeman přijal demisi Babišovy vlády [Internet]. ČT. 2018. 24. ledna. (data obrashcheniya 28 Jan. 2018). URL: <http://www.ceskatelevize.cz/ct24/domaci/2370775-zeman-prijme-demisi-babisovy-vlady-a-hned-mu-da-druhy-pokus> (In Czech)
11. Sobotka: Zeman neměl mandát vlády... [Internet]. Novinky.cz 10. října 2017. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <https://www.novinky.cz/domaci/451490-sobotka-zeman-nemel-mandat-vlady-slova-o-krymu-odporuji-politice-cr.html> (In Czech)
12. Nevidím důvod pro rušení sankcí proti Rusku... [Internet]. e15.cz. 2017. 14. dubna. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <http://zpravy.e15.cz/domaci/politika/nevidim-duvod-pro-ruseni-sankci-proti-rusku-rika-prezidentsky-kandidat-jiri-drahos-1331135> (In Czech)
13. Two years of the reign of Czech President Miloš Zeman // 420on.cz, 07.04.2015. (data obrashcheniya 12 June 2018). URL: <http://420on.cz/news/politics/47792-dva-goda-pravleniya-prezidenta-chehii-milosha-zemana>. (In Czech)
14. Aktivista podal trestní oznámení na Drahoše [Internet]. Liberec.iDNES.cz. 2017. 27. prosince. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: https://liberec.idnes.cz/aktivista-trestni-oznameni-jiri-drahos-ruska-rozvedka-pgu/liberec-zpravy.aspx?c=A171227_131109_liberec-zpravy_jape (In Czech)
15. Drahoš by nejmenoval vládu závislou na KSČM [Internet]. iDNES.cz. 2017. 29. června. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: https://zpravy.idnes.cz/diskuse-s-prezidentskym-kandidatem-jiri-drahosem-fv1-/domaci.aspx?c=A170629_175731_domaci_kop (In Czech)
16. Poslední prezidentská debata mezi M. Zemanem a J. Drahošem [Internet]. Youtube. 2018. 25. ledna. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: https://www.youtube.com/watch?v=xPZgMRnK_k&t=1575s (In Czech)
17. Protiruské sankce jsou neefektivní... [Internet]. iRozhlas.cz. 2017. 9. září. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: https://www.irozhlas.cz/volby/protiruske-sankce-jsou-neefektivni-evropske-zeme-na-ruskem-trhu-nahradily_1709091200_ako (In Czech)
18. Volební program KSČM pro volby do Poslanecké sněmovny Parlamentu České republiky 2017 [Internet]. KSČM. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: https://www.kscm.cz/sites/default/files/soubory/Program%20KS%C4%8CM/volebni_program_kscm_pro_volby_do_ps_pcr_2017.pdf (In Czech).
19. Sankce vůči Rusku byly od počátku naprostá hloupost [Internet]. Tomio Okamura – osobní stránka. 2016. 22. července. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <http://www.tomio.cz/aktuality/sankce-vuci-rusku-byly-od-pocatku-naprosta-hloupost/> (In Czech).

20. TOP09. Bezpečí a zahraniční politika [Internet]. TOP09. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <https://www.top09.cz/proc-nas-volit/volebni-program/volebni-program-2017/3-bezpeci-a-zahranicni-politika-22528.html> (In Czech)
21. Schwarzenberg: Babiš se ohledně sankcí vybarvil do červena [Internet]. TOP09. 2017. 9. října. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <https://www.top09.cz/co-delame/komentare/schwarzenberg-babis-se-ohledne-sankci-vybarvil-do-cerve-na-23275.html> (In Czech)
22. Petr Fiala: Rozhovor pro Právý břeh: Dnes přicházíme o bezpečnost, zítra to bude demokracie [Электронный ресурс] // ODS. 2016. 15. srpna. URL: <https://www.ods.cz/region.jihomoravsky/clanek/12249-rozhovor-pro-pravy-breh-dnes-prichazime-o-bezpecnost-zitra-to-bude-demokracie> (дата обращения 12 июня 2018). (In Czech)
23. ODS. Program 2017. Zahraniční věci [Internet]. Občanská demokratická strana. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <https://www.ods.cz/volby2017/program/zahranicni-politika> (In Czech)
24. Základní směr politiky KDU-ČSL pro období 2017–2019 [Internet]. KDU-ČSL. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <https://kdu.cz/getattachment/O-nas/Dokumenty/Volebni-programy/Zakladni-smer-politiky-KDU-CSL-pro-obdobi-2017-2019.pdf.aspx> (In Czech).
25. Program STAN 2017 [Internet]. Starostové a nezávislí. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: https://www.starostove-nezavisli.cz/fmfile/0/files/volby17/STAN_program_17_final.pdf (In Czech)
26. Pavel Bělobrádek: Jsem zklamán, že prezident České republiky selhal... [Internet]. KDU-ČSL. 2017. 11. října. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <https://kdu.cz/aktualne/zpravy/pavel-belobradek-jsem-zklaman-ze-prezident-ceske-r> (In Czech)
27. Gazdík: Mít chřípku není normální [Internet]. STAN. 2016. 6. prosince. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <https://www.starostove-nezavisli.cz/info-a-media/vystupy-z-medii/gazdik-mit-chripku-neni-normalni> (In Czech)
28. Ted' nebo nikdy [Internet]. ANO, politické hnutí. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <https://www.anobudelip.cz/file/edee/2017/09/program-hnuti-ano-pro-volby-do-poslanecke-snemovny-2017.pdf> (In Czech)
29. Ekonomické sankce proti Rusku jsou k ničemu, tvrdí Andrej Babiš... [Internet]. iHNed.cz. 2017. 5. října. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <https://archiv.ihted.cz/c1-65903840-ekonomicke-sankce-proti-rusku-jsou-k-nicemu-a-neucinne-rika-pravdepodobny-budouci-premier-andrej-babis> (In Czech)
30. Martin Stropnický: Sankce proti Rusku nejsou všelék [Internet]. Hlídání pes. 2017. 9. října. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <https://hlidacipes.org/martin-stropnický-sankce-rusku-nejsou-vselek-maji-pokracovat/> (In Czech)
31. The Czech parliament collects the votes against the anti-Russian sanctions [Internet]. Izvestiya.ru. 2017. 30 Oct. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <https://iz.ru/662643/dmitrii-laru/cheshskii-parlament-sobraet-golosa-protiv-antirossiiskikh-sanktcii>. (In Russ.)
32. Dobrá země pro život [Internet]. ČSSD. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <https://www.cssd.cz/data/files/program-210x210-seda.pdf> (In Czech)

33. Sankce proti Rusku mají pokračovat nejméně do konce ledna 2017 [Internet]. Hlídací pes. 2016. 24. června. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <http://hlidacipes.org/sankce-proti-rusku-maji-pokracovat-nejmene-do-konce-ledna-2017/> (In Czech)
34. Víte, proč Andrej Babiš vymyslel kauzu lithium? *Právo*. 2017 14. října. (In Czech)
35. Šéf Senátu Štěch: Sankce proti Rusku jsou pokrytecké [Internet]. Parlamentní listy. 2017. 28. března. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <http://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Sef-Senatu-Stech-Sankce-proti-Rusku-jsou-pokrytecke-481406> (In Czech)
36. Předseda Pirátů Bartoš: Nejsme vítáči migrantů a jít do vlády se nebojíme [Internet]. Novinky.cz. 2017. 10. října. (data obrashcheniya 21 Jan. 2018). URL: <https://www.novinky.cz/domaci/451459-predseda-piratu-bartos-nejsme-vitaci-migrantu-a-jit-do-vlady-se-nebojime.html> (In Czech)

Информация об авторе

Вадим В. Трухачев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vadimvts@mail.ru

Information about the author

Vadim V. Trukhachev, PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; vadimvts@mail.ru.

Трансформация, стабилизация или консервация: политический кризис 2014–2017 гг. в Юго-Восточной Европе

Александр А. Пивоваренко

*Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Россия, aleksandar.a.p@ya.ru*

Аннотация. С 2013 г. в целом ряде государств Центральной и Юго-Восточной Европы произошли политические кризисы, обнажившие системные проблемы как этих стран, так и региона в целом. Одновременно протекают кризисы более высокого порядка, связанные с острыми вызовами европейской интеграции и евро-атлантической безопасности, а также ухудшением отношений России и Запада. Все это требует критического переосмысления процессов, развивавшихся в регионе с 1991 г. В статье дается оценка некоторым итогам постсоциалистической трансформации в Юго-Восточной Европе в контексте текущей политической ситуации. Используя традиционные методы исторического исследования (нарративный, ретроспективный, сравнительный, структурный) в сочетании со страноведческим и регионоведческим анализом, автор показывает, что результаты «демократического транзита» не столь однозначны. Социально-экономический кризис, структурные проблемы, сохранение и утверждение авторитарной формы правления наряду с сохраняющимися этнополитическими вопросами, демонстрируют, что традиционный взгляд на постсоциалистическую трансформацию как на поступательный переход от социалистической авторитарной к капиталистической демократической государственной формации, сегодня терпит неудачу. Отсутствие современных подходов к оценке ситуации в регионе отражает неопределенное будущее Юго-Восточной Европы, которая, по всей видимости, возвращается к исторической роли «игрового поля» для великих держав.

Ключевые слова: Юго-Восточная Европа, Сербия, Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория, Македония, постсоциалистическая трансформация, популизм, евроскептицизм, авторитаризм

Для цитирования: Пивоваренко А.А. Трансформация, стабилизация или консервация: политический кризис 2014–2017 гг. в Юго-Восточной Европе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1(11). С. 116–135. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-116-135

Transformation, Stabilization or Conservation: the Political Crisis of 2014–2017 in South-Eastern Europe

Alexander A. Pivovarenko

*Russian Academy of Sciences Institute of Slavonic Studies,
Moscow, Russia, aleksandar.a.p@ya.ru*

Abstract. Since the year 2013 the vast group of states in Central and South-Eastern Europe have suffered political crisis. It exposed the systemic problems of these countries – as well as the problems of the whole region. These local crises are taking place along with the crises on the higher level – the crisis of the European integration, of the Euro-Atlantic Security, accompanying the deterioration of the relations between the West and Russia. All this shows that the reevaluation of the processes that have developed since 1991 in Europe is needed.

The author of the article gives his estimation of the results of the post-socialist transformation in South-Eastern Europe in the context of the current political situation in the countries. Using traditional historical methodology (narrative, retrospective, comparative and structural methods) as well as the country and area studies, he shows that the results of the transformation are not so unambiguous. The socio-economic crisis, the structural problems, the rise of authoritarianism along with the remaining ethnical issues show that the traditional view on the transformation as a progressive transition from the authoritarian socialist to the democratic capitalist state system has failed. The lack of a modern approach that might reflect all current regional trends demonstrates the uncertain future of South-Eastern Europe which is probably returning to its historical role of a playground for the Great Powers.

Keywords: South-Eastern Europe, Serbia, Croatia, Bosnia and Herzegovina, Montenegro, Macedonia, post-socialist transformation, populism, euroscepticism, authoritarianism

For citation: Pivovarenko AA. Transformation, Stabilization or Conservation: the Political Crisis of 2014–2017 in South-Eastern Europe. *RSUH/ RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*. 2018;1(11):116-35. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-116-135

Введение

Внимательное и критическое рассмотрение процессов, развивающихся в странах и регионах, относящихся к компетенции Европейского союза, обусловлено как теоретической, так и практической необходимостью. «В начале 90-х годов прошлого века казалось, что “национальное” уходит, а приходит “интернациональное”, т. е. глобализация. Но международная жизнь стала более сложной и непредсказуемой. Европейские страны, да и другие государства, столкнулись с новой, до конца не исследованной геополитической реальностью, новыми кризисами и конфликтами» [1 с. 16]. Линейное восприятие исторического процесса, подкрепленное распространением в начале 1990-х гг. концепции «конца истории», обусловило зарождение транзитологии – специфической отрасли знания, изучающей переход стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЕ и ЮВЕ) к рыночной экономике и либеральной демократии западноевропейского образца. Время показало ее недостатки. Например, транзитология не способна дать внятное объяснение обнаружившейся в последние годы тенденции к авторитаризму в ряде стран ЦЕ и разрушению казавшейся устоявшейся в середине 2000-х гг. двухпартийной политической системы.

Практическая необходимость обусловлена кризисом отношений России и Запада, открытая фаза которого возникла в начале 2014 г. Есть все основания утверждать, что он носит системный и долгосрочный характер. Наряду с этим определенные трения существуют и в западном военно-политическом блоке. Они пролегают по ряду векторов: США – ЕС, ЕС – Великобритания, Брюссель – Варшава (Берлин – Варшава) – и в широком контексте споров между европейским центром и периферией по поводу концепции «Европы двух скоростей». Наконец, речь председателя Европейской комиссии Жана Клода Юнкера 13 сентября 2017 г., провозгласившего необходимость централизации и дальнейшей экспансии ЕС [2], может привести к конфликту между брюссельской евроадминистрацией и национальными правительствами в лице не только Польши и Венгрии, но и более широкой группы стран.

Рассматривая политические процессы в Юго-Восточной Европе, можно заметить, что за последние несколько лет практически каждая страна – от Румынии и Болгарии на востоке до Албании на западе – пережила ту или иную форму политического кризиса. Многотысячные демонстрации, досрочные выборы, коррупционные скандалы, отставки правительств и импичменты (либо их попытки), равно как и использование сомнительных с точки зрения демократии методов, стали обычным элементом политической практики. Изображение истории последних 26 лет как последовательного продвижения к демократии терпит неудачу при внимательном изучении политических процессов на юго-восточной периферии Европы. Требуются новые непротиворечивые концепции, построенные на фактическом материале, способные дать оценку пути, пройденного странами этого региона за последние 25 лет, и обозначить его перспективы.

Периферийное положение, еврооптимизм и евроскептицизм

Отправной точкой для нашего рассуждения является констатация того, что в меняющемся сегодня Европейском союзе Центральная и Юго-Восточная Европа занимает периферийное место и зависит от трендов, задаваемых лидерами интеграционного объединения. Если вступление в ЕС (или, для ЮВЕ, подготовка к вступлению) привело к оживлению экономик стран региона, то экономический кризис 2008 г. обнажил их слабые места, связанные с увеличивающимся объемом внешнего долга, высокой безработицей¹, ростом цен на коммунальные услуги и периферийным характером хозяйственного уклада. Стала очевидной неспособность достичь уровня развития, сопоставимого с уровнем лидеров ЕС. «Даже Чехия и Словения, которые являются самыми развитыми странами ЦВЕ, уступают старой Европе по душевому объему ВВП в 1,4 и в 1,2 раза, а самые отсталые Румыния и Болгария – в 2,5 раза. Так что тенденция сближения Востока и Запада Европы по уровню экономического развития, которая, казалось, наметилась в начале

¹ Так, в 2015 г. в благополучной Словении безработица составляла 11,6 %, а за чертой бедности проживало 13,5 % населения. Уровень безработицы в Сербии достигал 18,9 %. В Хорватии 19,5 % населения проживало за чертой бедности [4].

века, прервалась и мало надежды на ее восстановление» [1 с. 21]. Объявление в начале 2017 г. проекта «Европы двух скоростей» указало на статусное различие между европейским центром и его периферией.

Как следствие в Центральной Европе стал разрушаться общественный консенсус, связанный с идеей евроинтеграции. По результатам выборов 2010–2012 гг. ни в одной из стран ЦЕ не сохранили власть партии, стоявшие у истоков евроинтеграции. Из статуса маргинальных вышли антисистемные партии (такие как «Йоббик» в Венгрии), началась радикализация прежних центристских партий, таких как «Фидес» в Венгрии и «Право и справедливость» в Польше [3 с. 219–221].

Наиболее близкой по степени реакции к Центральной Европе оказалась Словения. Экономический кризис в этой стране привел к поражению традиционных право- и левоцентристских политических партий на выборах 2014 г. Победила же «Партия современного центра» М. Церара, созданная за шесть недель до выборов и объявившая, что Словении требуется «новая политическая культура» [5]. В некотором смысле победу М. Церара можно сравнить с успехом Э. Макрона во Франции – при том, что она состоялась на три года раньше.

Несмотря на всю феноменальность этого успеха, М. Церар является продуктом политической культуры Словении. Его никак нельзя назвать радикальным политиком. Возможно, он, наоборот, является одним из наиболее умеренных в нынешнем политическом ландшафте Европы. Однако сам факт его победы показателен, как и последовавший вслед за этим (временный?) слом двухпартийной системы.

В этом смысле Словения недалеко ушла от остальных стран Центральной и Юго-Восточной Европы, которые с 2013 г. оказались значительно ближе к однопартийной системе, чем к классической для нулевых годов двухпартийной право-левоцентристской системе. Показательна в этом отношении карьера премьер-министра Болгарии Б. Борисова, сумевшего переизбраться на руководящий пост вскоре после своей отставки, вызванной социально-политическим кризисом 2013–2014 гг., спровоцированным увеличением цен на электричество (вследствие принятого в марте 2013 г. решения об окончательном закрытии АЭС «Белене»). В Сербии после периода «многопартийной анархии» 2000-х гг. политическая система концентрируется вокруг фигуры Александра Вучича. Произошел отход от двухпартийности в Хорватии. В других республиках, несмотря на декларируемый плюрализм, власть является еще более персонифицированной.

В некоторой степени эти процессы поддерживаются Брюсселем. Так, победа А. Вучича на выборах 2016 и 2017 гг. определенно устроила Брюссель ввиду очевидного прогресса по косовскому вопросу. Как следствие достаточно существенные нарушения в ходе голосования не были замечены международными наблюдателями. Прямо противоположным образом европейцы и американцы действовали в 2014–2017 гг. в Македонии, когда режим Н. Груевского перестал их устраивать.

В возвращении к персонифицированному стилю правления, в сущности, нет ничего удивительного. Об установлении «эры демократии» и прекращении «эры конфликтов» говорили и в 1920-е гг., на волне оптимизма после окончания Первой мировой войны. В реальности же десятилетие спустя вся Европа (за исключением экономически развитых Франции и Великобритании) оказалась охвачена модными идеями фашизма, приведшими к авторитаризму. Авторитарная волна возникла и в Восточной Европе: Александр Карагеоргиевич в Югославии, Хорти в Венгрии, Зогу в Албании, Борис III в Болгарии, Метаксас в Греции. Приход этих лидеров стал выражением объективных задач – за счет централизации экономики и директивных методов управления решить экономические проблемы молодых государств и постараться догнать ушедшие вперед развитые страны. Сегодня перед балканскими государствами стоят во многом схожие задачи.

Укоренение однопартийности происходит как благодаря, так и вопреки общественным тенденциям. В Болгарии прошли акции протеста. Вместе с тем, несмотря на худшие экономические показатели в ЕС, уровень доверия к Евросоюзу в этой стране остается одним из самых высоких.

В западной части Балкан авторитарные тенденции зачастую сопровождаются общественным недовольством. Так, по итогам президентских выборов в Сербии 2 апреля 2017 г., закончившихся победой А. Вучича (55 %), в Белграде и десятке других городов в течение 58 дней (3 апреля – 31 мая) проходили демонстрации людей, недовольных результатом выборов [6]. Другой формой выражения недовольства является запрос на политическую альтернативу и протестное голосование. Ярким его примером служит избирательная кампания сербского комика Луки Максимовича, выступавшего под псевдонимом и набравшего, без всякой финансовой поддержки, 9,42 % голосов. Несколько раньше, в 2015 г., на президентских выборах в Хорватии еще более весомого успеха добился 25-летний Иван Синчич (движение «Живая стена»), набравший 16,42 % голосов, располагая избирательным фондом всего в 11 тыс. евро [7]. В парламентах Хорватии и Сербии присутствуют партии

«Живая стена» и «Двери», еще четыре года назад являвшиеся студенческим движением и маргинальной политической партией.

Выход этих движений из категории несистемных символичен, так как он выражает существующий в регионе запрос на политическую альтернативу, подкрепляющийся критическим анализом действительности и югоностальгией. С другой стороны, движения слабы, они не могут предложить внятную программу действий и, возможно, через некоторое время дискредитируют себя, не справившись с испытанием парламентской деятельностью. Таким образом, запрос на альтернативу является новой тенденцией, однако она пока весьма слаба для того, чтобы составить конкуренцию другой тенденции – возвращению к авторитаризму (или его элементам) во внутренней политике. Сам факт этого возвращения, противоположный дискурсу об утверждении и поступательном развитии демократии, популярному некоторое время назад, говорит о том, что исторический процесс развивается скорее циклично, нежели поступательно. И сегодня регион Центральной и Юго-Восточной Европы по своим параметрам несколько ближе к периоду 1930-х гг., чем к периоду начала нулевых годов.

Трансформация или консервация?

Согласно устоявшемуся представлению, политическая динамика Центральной и Юго-Восточной Европы была задана «бархатными революциями» конца 1980-х – начала 1990-х гг. Последней из них стала «бульдозерная революция» в Сербии. Она же открыла эпоху «цветных», или «электоральных» революций 2000-х. По оценке К. В. Никифорова, они были призваны доделать то, что не смогли довести до конца «бархатные революции», и оказались нацелены на разрешение противоречий, которые проявились уже в период постсоциалистической трансформации [с. 14–15]. Также «цветные революции» заострили проблему внешнеполитической ориентации ряда стран – той же Сербии, где отсутствует консенсус по поводу вступления в ЕС и НАТО. Причем водораздел проходит по срединной линии этого вопроса: если большинство сербов все-таки склоняется к членству в ЕС, то НАТО-интеграцию поддерживает меньшая часть населения.

Однако «цветные революции» (вне зависимости от того, применимо ли к этому явлению понятие «революция») проходили прежде всего в регионах стратегического окружения ЕС: на постсоветском пространстве, в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Центральная и Юго-Восточная Европа оказалась не

затронута ими – при том, что противоречия в этом регионе очевидно существуют. В итоге «процесс текущего развития Восточной Европы крайне сложно характеризовать привычными терминами, такими как авторитаризм или вождизм, либерализм и демократия» [4 с. 215]. Как никогда заметны особенности, проявляющиеся индивидуально в каждой стране и обусловленные как национальной, так и культурной спецификой. Что касается политической системы, то, за исключением отдельных примеров (Македония), с 2001 г. произошла стабилизация или даже консервация режимов, обуславливающаяся в том числе с внешней помощью.

Не являясь способными ответить на вызовы фундаментального свойства (прежде всего социально-экономические), но желая сохранить свое привилегированное положение, политические режимы вынуждены обращаться к проверенному средству – национализму, играя на нерешенных политических и территориальных спорах. Они охватывают целый комплекс вопросов, включая легитимность границ и самоопределение наций. Наряду с этим демонстративные националистические акции, проводящиеся режимами, могут быть использованы для возбуждения общественного внимания – и сокрытия тем самым реальной повестки. Ярким примером является позиция Сербии по отношению к Косово – демонстративные акции вроде направления в край поезда, украшенного сербской символикой, в январе 2017 г. сочетаются с переговорами в рамках Брюссельских соглашений (апрель 2013 г.), в ходе которых Белград сделал ряд важных уступок Приштине. Сочетание этих действий разной направленности подтверждает очевидное: противоречия в Юго-Восточной Европе носят не только политический, но и этнополитический и идеологический характер.

Уместно напомнить, что демократический транзит в странах бывшей Югославии осуществлялся по несколько иным шаблонам, чем в государствах Центрально-Восточной Европы.

В Хорватии, наиболее благополучной и устойчивой из балканских стран, перемены конца 1980-х – начала 1990-х гг. носили скорее характер национальной революции, а модернизация политической системы была второстепенным вопросом. В итоге до 1999 г. в стране существовала фактически однопартийная система, венцом которой была президентская власть Ф. Туджмана. Хотя во второй половине 1990-х гг. режим столкнулся с жестоким кризисом и многотысячными протестами в ходе «Загребского кризиса» 1995–1997 гг. (который по ряду признаков можно классифицировать как несостоявшуюся «цветную революцию»), транзит власти после смерти Туджмана был осуществлен не революционными, а институциональными средствами. В результате Хорватия

стала парламентской республикой, а оппозиционная коалиция во главе с Социал-демократической партией (СДП) дважды (2000 и 2011 гг.) выиграла парламентские выборы. Однако уже в 2010-е гг. ситуация изменилась. С 2013 по 2016 г. социал-демократы проиграли пять выборов подряд. Победы Хорватского демократического содружества (ХДС) и неудачи СДП происходили вопреки коррупционным скандалам, сотрясающим партию ХДС (в 2015 г. примеру И. Санадера, покинувшего пост премьер-министра республики по обвинениям в коррупции, последовал председатель партии и вице-премьер Т. Карамарко, вынужденный оставить оба поста), а также длительным периодам существования страны без работоспособного правительства – в 2015–2016 гг. таковое в Хорватии фактически отсутствовало из-за перевыборов и длительных переговоров о пражской коалиции.

Череда неудач оппозиции привела к отставке лидера СДП Зорана Милановича (премьер-министр Хорватии в 2011–2015 гг.). Считавшийся одним из умнейших людей Хорватии, ближе к концу срока З. Миланович подвергся критике за самонадеянность, соседствующую с неспособностью дать ответ на актуальные вызовы (такие как миграционный кризис осени 2015 г.). Сегодня перед СДП, как и в начале 1990-х гг., стоит задача поиска новых ориентиров и лидеров, способных вернуть ее на ведущие роли.

Слабостью оппозиции пользуются правящие силы, пытающиеся окончательно переломить ситуацию в вопросе национальной самоидентификации. Переименование в Загребе площади Йосипа Броз Тито 1 сентября 2017 г., инициированное депутатом ХДС З. Хасанбеговичем (представителем так называемой усташской линии в партии), показывают их готовность пойти еще дальше в деле отказа от рудиментов социалистической традиции, в начале 1990-х являвшейся цементирующим компонентом новой хорватской государственности (нынешние границы Хорватии – границы социалистической республики) [9]. Вероятно, считается, что спустя 25 лет легитимность современных границ более не подвергается сомнению. Однако нерешенные вопросы существуют. Прежде всего это проблема исторически автономных регионов Истрия и Далмация, автономизация которых может быть осуществлена (при определенных условиях и драматическом стечении обстоятельств) по каталонскому сценарию. Кроме того, существует проблема хорватского меньшинства в Боснии и Герцеговине (БиГ). В итоге отказ от двухпартийной структуры, сложившейся в 2000-е гг., может быть чреват радикализацией политической повестки (как с правой, так и с левой стороны) и обострением вопросов регионального значения.

Иной пример дают Сербия и Черногория, где в конце 1980-х гг. состоялась так называемая антибюрократическая революция, внесшая свой вклад в процесс распада социалистической Югославии. Ее результаты для двух республик отличаются. С 1989 г. правящий режим в Черногории не менялся. Массовые акции протеста в ноябре 2015 г. были поданы в средствах массовой информации (как в России, так и на Западе) в русле геополитического выбора Черногории между Россией и НАТО. Однако важно подчеркнуть, что большая часть демонстрантов выходила на площадь именно под лозунгами за отставку премьер-министра М. Джукановича [10]. Примечательно, что партию М. Джукановича критикуют как антинатовские и просербские силы, так и политики евро-атлантической ориентации, такие как 32-летний депутат от партии «УРА» Дритан Абазович. Отставка М. Джукановича с поста премьер-министра 28 ноября 2016 г. не должна вводить в заблуждение, так как правящая Демократическая партия социалистов сохраняет свои ведущие позиции, а М. Джуканович является ее председателем. Если А. Лукашенко называют последним диктатором Восточной Европы, то режим М. Джукановича в некотором смысле может считаться его балканским эквивалентом, разрушающим стройную картину демократического транзита. В борьбе за свое выживание этот режим не гнушается использовать репрессивный аппарат – иначе как объяснить судебное преследование в отношении оппозиционного блока «Демократический фронт», не поддержавшего вступление Черногории в НАТО. Осознание того факта, что смена режима должна рано или поздно свершиться, делает ситуацию в республике нестабильной как минимум до следующего избирательного цикла. Положение усугубляет использование нынешними властями страны в качестве идеологической надстройки концепции «особой черногорской нации». Это автоматически ставит на передний план проблему сербско-черногорских отношений и определения разницы между понятиями «сербская нация» и «черногорская нация», которая является нечеткой.

Что касается Сербии, то она пережила фактически две революции. Результатом «антибюрократической революции» стало утверждение у власти С. Милошевича. «Бульдозерная революция» октября 2001 г. закончилась его свержением. В результате на 12 лет в политической жизни страны воцарилась «многопартийная анархия»: так, в результате выборов 2007 г. в сербской Скупщине оказалось 17 политических партий. Этот период завершился в 2012 г., когда началось восхождение А. Вучича, превратившегося в самого могущественного политика Сербии со времен С. Милошевича. Так политическая система совершила полный круг и вернулась

к своему началу. Безусловно, между двумя руководителями существуют отличия, в том числе эстетического свойства. Но есть и сходства: переход А. Вучича с главной (согласно Конституции) должности премьер-министра на формально малозначащий пост президента Сербии и назначение вместо себя протеже в лице А. Брнабич является типичным маневром, использовавшимся в 1990-е гг. С. Милошевичем (перешедшим с должности президента Сербии на должность президента Югославии, которая стала более значимой в иерархии федеративного государства только после того, как в 1997 г. ее занял С. Милошевич). Подобную практику «теневое правление» также осуществляют М. Джуканович в Черногории и Х. Тачи в Косово. Следует подчеркнуть, что от характера политических процессов в Сербии зависит круг вопросов регионального порядка: политический кризис в Сербии как центральной стране региона может непредсказуемым образом сказаться на Республике Сербской (РС) Боснии и Герцеговины, как и на ситуации в Черногории, Боснии и Герцеговине, Косово. Именно поэтому на данном этапе Европейский союз заинтересован в наличии у власти в Сербии авторитарного политика типа А. Вучича, способного действовать вопреки политическим институтам и общественному мнению.

Босния и Герцеговина

Сложнее оперировать категориями демократического транзита применительно к Боснии и Герцеговине и Македонии – странам с замороженными этническими и территориальными конфликтами. В 2000-е гг. ситуация в них являлась патовой. Понятия «дейтонская Босния» и «охридская Македония» стали синонимами замороженных этнополитических конфликтов. Однако постепенно намечается пересмотр сложившихся компромиссов.

Потенциальная «разморозка» ситуации в БиГ обусловлена тремя факторами: меняющейся структурой населения (по итогам переписи 2013–2016 гг. численность боснийских мусульман впервые превысила 50 %) [11], повышением внимания к Балканам Евросоюза после 2014 г. и наличием в самой республике протестного потенциала, который начинает прорываться наружу. Первым сигналом к возможной ревизии дейтонского устройства для экспертов стали акции протеста в Сараево, Тузле и других городах мусульманской части БиГ, получившие название «боснийская весна» [12]. С 2014 г. проходят регулярные акции в Республике Сербской. Наиболее масштабной стала акция 14 мая 2016 г., когда в центре Баня Луки состоялись два параллельных митинга – за и

против президента РС М. Додика [13]. Очередным рубежным этапом должны стать выборы 2018 г., по итогам которых определятся перспективы БиГ по двум векторам: централизация государства и перспективы РС и вступление БиГ в евро-атлантические структуры. Хотя М. Додику удастся справиться с ситуацией, протестный потенциал не ослабевает: в 2017 г. акции протеста – под социальными лозунгами, но с политической направленностью – продолжались [14]. Кроме того, перед М. Додиком, находящимся на руководящих постах с 1998 г., стоит проблема переизбрания. Существует возможность, что на выборах 2018 г. он будет впервые баллотироваться в Президиум БиГ, а руководящие посты в РС займут его преемники по партии «Союз независимых социал-демократов» (СНСД) [15].

Особенностью транзита в Боснии и Герцеговине стала постановка принципа многопартийности в полную зависимость от принципа этничности. Попытки формирования политических сил на наднациональной основе пока безуспешны. Однако они продолжаются. В сентябре 2017 г. была создана новая партия «Независимый блок» Сенада Шепича, которая позиционирует себя в качестве надэтнического движения евро-атлантической ориентации. «Наступает время новой политики – мы верим, что граждане поддержат наше намерение освободить Боснию и Герцеговину и дать ей европейскую перспективу», – говорилось на учредительном заседании партии [16]. Создание новой партии поддержала канцлер Германии А. Меркель, направившая поздравительную телеграмму, а на заседании «Независимого блока» присутствовал Джон Хейворд – представитель Консервативной партии Великобритании. Таким образом, появление этой партии можно понимать как попытку предложить политическую альтернативу, перехватив инициативу у более радикальных сил. Участие в судьбе партии представителей западноевропейских сил указывает на возможный характер заочной политической конкуренции в регионе.

Косовско-македонский сюжет

Македония – единственная страна, где транзит 1990–1991 гг. осуществлялся согласованно экс-коммунистами и националистами: президентом был избран К. Глигоров, вице-президентом стал лидер партии «Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия за македонское национальное единство» (далее – ВМРО) Л. Георгиевский, также было создано внепартийное «правительство экспертов» [17 с. 31]. В 1998 г. после

победы ВМРО в правительство вошла Демократическая партия албанцев. Так сложилась формула македонской власти, закрепленная Охридскими соглашениями 2001 г. и существующая по сей день.

Политический кризис, разразившийся в Македонии в апреле 2014 г., стал ярким примером международного вмешательства. Фигура лидера Социал-демократического союза Македонии (СДСМ) З. Заева открыто лоббировалась как европейскими, так и американскими дипломатами. Также был создан прецедент дискредитации государственных институтов в результате событий 27 апреля – прорыва вооруженной толпы в здание македонского парламента. В конце концов кризис завершился сменой режима и приходом к власти СДСМ 31 мая 2017 г. Однако условия, на которых сложилась новая коалиция между СДСМ и албанскими партиями, могут привести к разрушению структуры, созданной Охридскими соглашениями 2001 г. Речь идет о так называемой «Тиранской платформе», предусматривающей, согласно известному тексту документа, предоставление албанскому языку статуса равноправного с македонским, равное представительство албанцев и македонцев в государственной администрации, армии и силовых структурах, «более справедливое» распределение финансовых средств между общинами (означающее увеличение финансирования албанских общин) и ряд символических мер, включая пересмотр государственной символики и принятие резолюции, осуждающей геноцид албанского народа в 1912–1956 гг. [18]. Хотя бы частичная реализация этих мер чревата изменением облика македонского государства и его децентрализацией.

Другая линия конфликта пролегает в плоскости двухпартийного противостояния. Вскоре после смены власти в Македонии закрылся ряд газет и журналов, связанных с ВМРО («Утрински весник», «Дневник», принадлежащие издательскому дому «Медиа-принт Македония»). Придя к власти, партия СДСМ, как и ее оппоненты в недавнем прошлом, не гнушается сомнительными методами для стабилизации своего режима, используя для судебного преследования политических противников так называемую Спецпрокуратуру (особый следственный орган, созданный в годы кризиса). В результате вопрос политического будущего ВМРО остается открытым. Возможна реализация одного из четырех сценариев: смена политического руководства в лице Н. Груевского и окончательный переход ВМРО в оппозицию; сохранение Н. Груевского в качестве руководителя ВМРО и продолжение конфронтации с СДСМ; некая производная от первых двух вариантов; этнический конфликт. В любом случае такое положение дел означает слабую

состоятельность идеи «поступательного транзита», важнейшей чертой которого является стабилизация и демократизация политической системы.

Отдельно необходимо сказать о ситуации в Косово. Наиболее емкое описание результатов международного протектората дает итальянский автор А.Л. Капуссела, работавший в крае по линии ОБСЕ. Он отмечает, что после конфликта 1999 г. в Косово было направлено в 50 раз больше войск и в 25 раз больше финансовых средств, чем в Афганистан после войны 2001 г. С 1999 г. край получил более 4 млрд евро (при том, что в Косово проживает всего 1,8 млн жителей). Даже спустя 12 лет, в 2011 г., объем финансовых дотаций на душу населения в 19 раз превышал средний объем финансовой помощи развивающейся стране [19 с. 12]. Несмотря на это спустя 15 лет международного протектората край остается самой неразвитой областью бывшей Югославии с безработицей порядка 30 %. Эта особенность ярко проявилась в ходе миграционного кризиса 2015 г., когда наряду с беженцами из Ближнего Востока в числе лидеров по запросу об убежище в ЕС были жители Косово².

Одна лишь констатация данных параметров означает, что рассуждать применительно к Косово в категории «демократического транзита» опрометчиво. Эта частично признанная территория по меньшей мере сильно задержалась на пути трансформации.

Сегодня перед Брюсселем встает задача преобразования косовского режима, основывающегося в значительной степени на клановых связях, и создания для него презентабельной европейской упаковки. Эта проблема в стратегической перспективе представляется не менее, а то и более важной, чем нормализация отношений с Белградом и интеграция северного Косово, где проживают сербы, в политическую систему края (в решении последних двух проблем Брюссель с 2013 г. добился значительного прогресса).

С одной стороны, в крае существует запрос на альтернативу. Как отмечал в своем докладе представитель ООН в Косово Захир Танин по итогам парламентских выборов 11 июня 2017 г., «основным фактором, повлиявшим на данные изменения, вероятно, стало нарастающее изменение состояния умов многих избирателей, особенно среди молодого поколения, для которого главным источ-

² По данным Eurostat, Косово находится на четвертом (66 885 человек), а Албания на пятом (65 935) месте в списке стран, граждане которых в 2015 г. обратились в страны ЕС с просьбой об убежище. Это единственные европейские страны в списке. Первые три места занимают Сирия, Афганистан и Ирак [21].

ником забот сегодня являются вопросы занятости, доступности образования, экономические возможности, а также снижение коррупции и укрепление законности» [20]. С другой стороны, на этот запрос сегодня отвечают преимущественно радикальные силы, такие как партия «Самоопределение» (Vetëvendosje) А. Курти, получившая 32 места (27,49 %) и увеличившая свое представительство на целых 16 мест. Данную партию отличает сочетание радикальной националистической риторики с конфронтационной позицией по отношению к собственным правящим силам (Р. Харадинай, Ф. Лимай, Б. Паколли, А. Курти). Очевидно, это не совсем то, что может устроить Брюссель (при условии его заинтересованности в стабилизации региона). Таким образом, ему еще предстоит найти легитимную и «благопристойную» политическую силу, способную обеспечить транзит власти. До этого времени в Косово, вероятно, будет преобладать персонифицированная система власти, отражающая клановую структуру региона.

Заключение

Если все-таки попытаться описать ситуацию в Юго-Восточной Европе в категориях транзита, то можно выделить два этапа его совершения. На *первом этапе* (конец 1980 – конец 1990-х гг.) произошла трансформация режимов. Она совершалась по иным механизмам, нежели в Центральной Европе, и по всем показателям была гораздо более насильственной. *Второй этап*, начавшийся в 2000-е гг., стал временем стабилизации или консервации режимов. В итоге, к концу 2000-х гг. политическое развитие в ряде стран ЮВЕ приобрело ряд черт, сближающих их с ЦЕ. С началом же в 2013–2014 гг. политических кризисов в странах балканского региона стала более заметна собственная специфика этих государств.

Склонность к персонифицированной власти является выражением данной специфики. В некоторой степени это объективная закономерность, связанная с организацией экономик и характером задач, которые стоят перед государствами. С другой стороны, авторитарные тенденции поддерживаются Брюсселем, заинтересованным в региональной стабильности и расширении своей экспансии. Разумеется, это происходит только там, где это отвечает его интересам. Даже если нынешняя «авторитарная волна» является временной, ее наличие подтверждает, что взгляд на развитие региональных процессов как на поступательный переход от авторитаризма к демократии – как минимум упрощение.

Наряду с этим в регионе происходит артикуляция старых и накопление новых проблем социального и этнополитического свойства. В результате сегодня стоит вопрос о его будущем в ближайшей, средне- и долгосрочной перспективе.

Ожидает ли ЮВЕ дальнейшая трансформация по благоприятному для Брюсселя сценарию и «мягкое» вхождение в евро-атлантическую сферу влияния? Произойдет ли стабилизация ситуации, подразумевающая урегулирование и решение существующих противоречий на разумных и компромиссных условиях и с ясной перспективой развития? Либо имеющиеся этнические и территориальные противоречия будут законсервированы на неопределенный срок с сохранением всех недостатков нынешней региональной конфигурации?

На сегодняшний день трудно дать четкий прогноз относительно вероятности любого из обозначенных векторов развития. Важно, что еврооптимистический сценарий, провозглашенный применительно к Балканам в начале 2000-х гг., является далеко не единственным. Возможны иные сценарии, связанные в том числе и с ломкой сложившихся региональных взаимосвязей, возрождением старых противоречий и возникновением новой проблематики.

Разумеется, при рассмотрении ситуации в регионе необходимо учитывать геополитический компонент – политику Европейского союза, США, Великобритании а также сопредельных Турции и России, интересы которых, являясь противоположными, могут временно сближаться. Возможно, ситуация в ЮВЕ сегодня гораздо точнее характеризуется в категориях «Восточного вопроса» XIX столетия, нежели постконфликтной стабилизации конца XX в.

Литература

1. Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2014–2015 гг. / Отв. ред. И.И. Орлик. М.: Ин-т экономики РАН, 2016. 378 с.
2. President Jean Claude Juncker's State of the Union Address 2017. Brussels, 13 September, 2017 [Электронный ресурс] // European Commission. Press Release Database. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-17-3165_en.htm (дата обращения 23 сент. 2017).
3. *Офицеров-Бельский Д.* Преемственность и изменчивость в Восточной Европе // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее. М.: НИИ РСМД, 2017. С. 215–226.

4. CIA The World Factbook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/> (дата обращения: 23 сент. 2017).
5. In Slovenia the new party, Miro Cerar (SMC) wins the general election [Электронный ресурс] // Foundation Robert Schuman. 2014. July 16. URL: <http://www.robert-schuman.eu/en/eem/1527-in-slovenia-the-new-party-miro-cerar-smc-wins-the-general-election> (дата обращения 23 сент. 2017).
6. Serbia Protests: Thousands Demand Vucic's Resignation [Электронный ресурс] // Balkan Insight. 2017. April 10. URL: <http://www.balkaninsight.com/en/article/new-anti-govt-protests-starting-in-serbia-04-10-2017> (дата обращения 5 окт. 2017).
7. Пивоваренко А.А. Итоги президентских выборов в Хорватии [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2015. 14 янв. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/itogi-prezidentskikh-vyborov-v-khorvatii/> (дата обращения 23 сент. 2017).
8. Никифоров К.В. Четыре аспекта восточноевропейской трансформации // Между Москвой и Брюсселем / ред. К.В. Никифоров, Н.Ю. Калашникова. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2016. С. 10–26.
9. Zagreb: Trg maršala Tita postao Trg Republike Hrvatske [Электронный ресурс] // Hrvatska Radiotelevizija. 01.09.2017. URL: <http://vijesti.hrt.hr/403004/gradskaskupstina-danas-o-preimenovanju-trga-marsala-tita> (дата обращения 5 сент. 2017).
10. Гуськова Е.Ю. Протест против диктатуры Мило Джукановича в Черногории (II) [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры. 2015. 14 окт.
11. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/10/14/protest-protiv-diktatury-milodzhukanovicha-v-chernogorii-ii-36060.html> (дата обращения 23 окт. 2017).
12. Пивоваренко А.А. Политическая статистика Боснии и Герцеговины [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2016. 5 июля. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/southeasteurope/politicheskaya-statistika-bosnii-i-gertsegoviny/> (дата обращения 16 сент. 2017).
13. Искендеров П.А. Боснийская весна и сербский закат [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры. 2014. 14 фев. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2014/02/14/bosnijskaja-vesna-i-serbskij-zakat-25728.html> (дата обращения 17 авг. 2017).
14. Республика Сербская: отложенная цветная революция? [Электронный ресурс] // Newsland.com. 2016. 16 мая. URL: <https://newsland.com/user/4297693453/content/respublika-serbskaia-otlozhennaia-tsvetnaia-revoliutsiia/5236047> (дата обращения 17 авг. 2017).
15. Završen protest u Banjaluci. Demonstranti tražili SMENU VLADE RS i poručili: “Njima je došao kraj!” (VIDEO) // Blic. 20.09.2017. URL: <http://www.blic.rs/vesti/republika-srpska/završen-protest-u-banjaluci-demonstranti-trazili-smenu-vlade-rs-i-porucili-njima-je/5sqvtqq> (дата обращения 17 авг. 2017).
16. Lider SNSD-a / Dodik: Mogu se kandidirati za člana Predsjedništva BiH [Электронный ресурс] // Radiosarajevo.ba. 03.07.2017. URL: <https://www.radiosarajevo.ba/vijesti/bosna-i-hercegovina/dodik-mogu-da-se-kandidujem-za-clana-predsjednistva-bih/267478> (дата обращения 17 авг. 2017).

17. Osnovan Nezavisni blok, interes građana veliki // Nezavisne Novine. 10.09.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nezavisne.com/novosti/bih/Osnovan-Nezavisni-blok-interes-gradjana-veliki/442456> (дата обращения 17 авг. 2017).
18. Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991–2001 гг.). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. 276 с.
20. Сепаратистички документ, терористички ултиматум во основа: Ова е целостниот текст на „Тиранската Платформа“ [Электронный ресурс] // Infomax.mk. 2017. 08 април. URL: <http://infomax.mk/wp/сепаратистички-документ-терористич/> (дата обращения 15 апр. 2017).
21. Capussela A.L. State-building in Kosovo. Democracy, corruption and the EU in the Balkans. London; New York: I.B. Tauris & Co Ltd, 2015. 320 p.
22. Statement by Zahir Tanin, Special Representative of the Secretary General and Head of UNMIK [Электронный ресурс]. Security Council. Debate on UNMIK. New York. 2017. Aug. 16.
23. URL: https://unmik.unmissions.org/sites/default/files/srsg_zahir_tanin_statement_to_the_security_council_16_august_2017.pdf (дата обращения 17 авг. 2017).
24. Record number of over 1.2 million first time asylum seekers registered in 2015 [Электронный ресурс]. Eurostat news release. 44/2016. 2016. March 4. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7203832/3-04032016-AP-EN.pdf/790eba01-381c-4163-bcd2-a54959b99ed6> (дата обращения 17 авг. 2017).

References

1. Orlik II., ed. Russia and Central-Southeastern Europe: relations in 2014-2015. Moscow: Institut ekonomiki RAN Publ.; 2016. 378 p. (In Russ.)
2. President Jean Claude Juncker's State of the Union Address 2017 [Internet]. European Commission. Press Release Database. (data obrashcheniya 23 Sept. 2017). URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-17-3165_en.htm
3. Ofitserov-Belskii D. Continuity and Variability in Eastern Europe. *Evolution of the Post-Soviet Space: Past, Present and Future*. Moscow: NP RSMD Publ.; 2017. P. 215-26. (In Russ.)
4. CIA The World Factbook [Internet]. (data obrashcheniya 23 Sept. 2017). URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>
5. In Slovenia the new party, Miro Cerar (SMC) wins the general election. [Internet] // Foundation Robert Schuman. 2014. July 16. (data obrashcheniya 23 Sept. 2017). URL: <http://www.robert-schuman.eu/en/eem/1527-in-slovenia-the-new-party-miro-cerar-smc-wins-the-general-election>
6. Serbia Protests: Thousands Demand Vucic's Resignation [Internet]. Balkan Insight. 2017. April 10. (data obrashcheniya 5 Oct. 2017). URL: <http://www.balkaninsight.com/en/article/new-anti-govt-protests-starting-in-serbia-04-10-2017>
7. Pivovarenko AA. The Results of the Presidential Elections in Croatia [Internet]. Russian Council on Foreign Affairs. 2015. 14 Jan. (data obrashcheniya 23 Sept. 2017). URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/itogi-prezidentskikh-vyborov-v-khorvatii/> (In Russ.)

8. Nikiforov KV. Four Aspects of the Transformation in Eastern Europe. V: Nikiforov KV., ed. *Between Moscow and Brussels*. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN Publ.; 2016. p. 10-26. (In Russ.)
9. Zagreb: Trg maršala Tita postao Trg Republike Hrvatske [Internet]. Hrvatska Radiotelevizija. 01.09.2017. (data obrashcheniya 5 Sept. 2017). URL: <http://vijesti.hrt.hr/403004/gradska-skupstina-danas-o-preimenovanju-trga-marsala-tita>
10. Guskova EY. The Protest against the dictatorship of Milo Djukanovic in Montenegro (II) [Internet]. Strategic Culture Foundation. 2015. 14 Oct. (data obrashcheniya 23 Oct. 2017). URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/10/14/protest-protiv-diktatury-milo-dzhukanovicha-v-chernogorii-ii-36060.html> (In Russ.)
11. Pivovarenko AA. Political Statistics of Bosnia and Herzegovina [Internet]. Russian Council on Foreign Affairs. 2016. 5 Jul. (data obrashcheniya 16 Sept. 2017). URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/southeasturope/politicheskaya-statistika-bosnii-i-gertsegoviny/> (In Russ.)
12. Iskenderov PA. The Bosnian Rise and the Serbian Fall [Internet]. Strategic Culture Foundation. 2014. 14 Feb. (data obrashcheniya 17 Aug. 2017). URL: <https://www.fondsk.ru/news/2014/02/14/bosnijskaja-vesna-i-serbskij-zakat-25728.html> (In Russ.)
13. Republika Srpska: the postponed orange revolution? [Internet] Newsland.com 2016. 16 May. (data obrashcheniya 17 Aug. 2017). URL: <https://newsland.com/user/4297693453/content/respublika-serbskaia-otlozhennaia-tsvetnaia-revolutsiia/5236047> (In Russ.)
14. Završen protest u Banjaluci. Demonstranti tražili smenu vlade RS i poručili: "Njima je došao kraj!" (Video). Blic. 20.09.2017. (data obrashcheniya 17 Aug. 2017). URL: <http://www.blic.rs/vesti/republika-srpska/završen-protest-u-banjaluci-demonstranti-trazili-smenu-vlade-rs-i-porucili-njima-je/5sqvtqq>
15. Lider SNSD-a / Dodik: Mogu se kandidirati za člana Predsjedništva BiH [Internet]. Radiosarajevo.ba. 03.07.2017. (data obrashcheniya 17 Aug. 2017). URL: <https://www.radiosarajevo.ba/vijesti/bosna-i-hercegovina/dodik-mogu-da-se-kandidujem-za-clana-predsjednistva-bih/267478>
16. Osnovan Nezavisni blok, interes građana veliki [Internet]. (data obrashcheniya 17 Aug. 2017). URL: <http://www.nezavisne.com/novosti/bih/Osnovan-Nezavisni-blok-interes-gradjana-veliki/442456>
17. Koloskov EA. A Country Without a Name: International Aspect of the Establishment of the Macedonian State (1991-2001). Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN Publ.; 2013. 276 p. (In Russ.)
18. Сепаратистички документ, терористички ултиматум во основа: Ова е целиснийот текст на „Тиранската Платформа“ [Internet]. Infomax.mk. 2017. 08 април. (data obrashcheniya 15 Apr. 2017). URL: <http://infomax.mk/wp/сепаратистички-документ-терористички/>
19. Capussela AL. Statebuilding in Kosovo. Democracy, corruption and the EU in the Balkans. London; New York: I.B. Tauris & Co Ltd Publ.; 2015. 320 p.

20. Statement by Zahir Tanin, Special Representative of the Secretary General and Head of UNMIK [Internet]. Security Council. Debate on UNMIK. New York. 2017. Aug. 16. (data obrashcheniya 17 Aug. 2017). URL: https://unmik.unmissions.org/sites/default/files/srsg_zahir_tanin_statement_to_the_security_council_16_august_2017.pdf
21. Record number of over 1.2 million first time asylum seekers registered in 2015. Eurostat news release. 44/2016 [Internet]. Eurostat news release. 44/2016. 2016. March 4. (data obrashcheniya 17 Aug. 2017). URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7203832/3-04032016-AP-EN.pdf/790eba01-381c-4163-bcd2-a54959b99ed6>

Информация об авторе

Александр А. Пивоваренко, кандидат исторических наук, Институт славяноведения Российской академии наук, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 32А; aleksandar.a.p@ya.ru

Information about the author

Alexander A. Pivovarenko, PhD in History, Russian Academy of Sciences Institute of Slavonic Studies, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninskii av., Moscow, Russia, 119991; aleksandar.a.p@ya.ru

УДК 323.2(478)

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-136-148

Молдова: вечное движение к стабильности

Андрей В. Девятков

*Институт экономики Российской академии наук,
Москва, Россия, devyatkovav@gmail.com*

Аннотация. В статье дается характеристика тем вызовам, с которыми столкнулась Республика Молдова после обретения независимости. Основной акцент сделан на таких факторах, как становление политической идентичности, социально-экономическое развитие, геополитическое положение страны, формирование устойчивых политических институтов. Автор условно выделяет два этапа общественно-политического развития Молдовы, которые во временном отношении можно обозначить как 1990-е и 2000–2010-е гг. Отмечается, что основные отличия в процессе развития Молдовы на этих этапах связаны с эволюцией ее политической системы, стремящейся к все большей централизации, а также изменением геополитического статуса страны, который сегодня делает невозможной для Молдовы классическую постсоветскую «политику качелей».

Ключевые слова: трансформация, открытая экономика, централизация, идентичность, приднестровский конфликт

Для цитирования: Девятков А.В. Молдова: вечное движение к стабильности // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1(11). С. 136–148. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-136-148

Moldova: Constant Move towards Stability

Andrey V. Devyatkov

*Russian Academy of Sciences Institute of Economy,
Moscow, Russia, devyatkovav@gmail.com*

Abstract. In the article, the key challenges are analyzed, which Republic of Moldova has been facing since gaining independence. The main accent is put on such factors as formation of political identity, socioeconomic development, geopolitical status of the country, shaping of sustainable political institutions. The author provisionally identifies two periods of Moldova's sociopolitical development – the 1990s and the 2000–2010s. It is argued that the key differences in the country's development during both periods can be explained by the evolution of Moldova's political system, which is moving towards greater centralization, and by the change of the country's geopolitical status, which makes the classical post-Soviet “seesaw politics” now impossible for Moldova.

Keywords: transformation, open economy, centralization, identity, Transnistrian conflict

For citation: Devyatkov AV. Moldova: Constant Move towards Stability. *RSUH/ RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;1(11):136-48. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-136-148

Введение

В августе 2017 г. Молдова отметила 26-летний юбилей своей независимости. С одной стороны, в постсоветские годы за этой страной закрепился имидж устойчивой электоральной демократии. Действительно, здесь происходят регулярные конкурентные выборы и частая смена находящихся у власти политических сил. С другой стороны, большинство наблюдателей сходятся во мнении, что постсоветский период истории Молдовы принес неутешительные результаты. Страна стала максимально открытой в экономическом плане, подписала соглашение об ассоциации с Европейским союзом, но до сих пор так и не смогла выстроить устойчивых рыночных и политических институтов, достигнуть внутреннего консенсуса

относительно собственной идентичности и избежать ситуации, при которой она превратилась в поле для конкуренции глобальных геополитических игроков.

Дискуссия относительно происходящих в Молдове процессов, которая порою крайне неожиданно врывается в информационное поле, важна для формирования адекватной политики в отношении этой страны – как со стороны России, так и со стороны ЕС, которым еще только предстоит реализовать на практике концепцию «общего соседства».

Стратегические вызовы

Еще до полного обретения независимости Молдова столкнулась с рядом вызовов, которые во многом определили траекторию развития этой небольшой страны западной части постсоветского пространства.

Первый из них состоит в том, что в контексте своей непростой истории Молдова до сих пор не смогла сформировать основы для собственной политической идентичности. Общественно-политическое пространство страны расколото на несколько противоборствующих лагерей, которые соревнуются за то, чтобы восторжествовала их версия национальной идентичности. В итоге для Молдовы характерны постоянные войны идентичности, которые обостряются в период выборных кампаний, следующих здесь одна за другой.

Постсоветская Молдова унаследовала от прошлого раскол на унионистов, которые выступают за воссоединение страны с Румынией (со ссылкой на тезис о том, что Молдова не стала частью государства Румыния лишь из-за имперской политики Москвы в XIX–XX вв.), и так называемых молдавенистов, полагающих, что Молдова должна состояться как независимое государство. К началу 2000-х гг. этот раскол окончательно утратил свое определяющее для внутренней политики страны значение, трансформировавшись в противостояние «проевропейских» и «пророссийских» сил. Идея объединения с Румынией маргинализировалась, а в «проевропейском» лагере ведущую роль стали играть сторонники построения Молдовы фактически как «второго румынского государства».

В рамках политического мейнстрима утвердилось представление о том, что Молдова должна оставаться независимым государством, но государственный язык в ней должен называться румынским, а не молдавским, и должна открыто признаваться ее культурно-историческая и политическая близость с Румынией.

Политики вроде Майи Санду, которые, казалось бы, не могут полностью откреститься от своих унионистских убеждений, не желают выпасть из этого мейнстрима, поэтому при ответе на прямой вопрос о возможности объединения они приводят различные контраргументы, отодвигающие на неопределенную перспективу какой-либо серьезный разговор об этом. Так, в середине сентября 2017 г. на втором внеочередном съезде своей партии Санду заявила: «Считаю невозможным, чтобы ЕС позволил государству-члену проглотить разделенную территорию, в которой нет верховенства закона, но есть все другие грехи, как в Республике Молдова сегодня» [1].

Тем не менее нельзя сказать, что унионисты просто растворились в проевропейском лагере. Так, по опросам, проведенным Институтом публичной политики в апреле 2017 г., более 20 % молдавских граждан проголосовали бы за объединение с Румынией в случае проведения референдума по этому поводу. И, конечно же, больше всего сторонников этой идеи среди молодежи (37 % граждан 18–29 лет, тогда как в других возрастных категориях – в среднем в два раза меньше) [2]. В то время как в 1994 г. на консультативном референдуме 95 % голосовавших (при явке 75 %) высказалось за сохранение Республики Молдова в качестве независимого государства [3]. Пока румынофильский проект находится в зачаточном состоянии, а представлявшие его политики вроде Михая Гимпу серьезно дискредитировали саму идею унионизма. Однако унионистские организации, работающие в том числе при поддержке определенных кругов в Бухаресте, могут создавать информационные поводы, например устраивая небольшие протестные акции.

«Проевропейским» силам противостоит левый лагерь, для которого традиционно характерно противопоставление «молдавского проекта государственности» Румынии, акцент на сохранении военно-политического нейтралитета Молдовы и нежелательности углублять партнерство с НАТО, позитивное отношение к советскому прошлому, в том числе к памяти о Победе в Великой Отечественной войне, и большее внимание к вопросам социальной справедливости, которая серьезно пострадала в постсоветской Молдове на фоне формирования полностью открытой экономики. Соответственно, электорат левых симпатизирует идее о «стратегическом партнерстве» с Россией, которая ассоциируется не просто с советским прошлым и политической и социально-экономической стабильностью на современном этапе, но и с тем, что сотни тысяч молдаван нашли там для себя работу и рынок России является крайне важным для сбыта молдавских фруктов, овощей и вина [4].

В итоге в Молдове нет общественного согласия по основным вопросам прошлого, настоящего и будущего страны, и различные геополитические нарративы определяют внутривнутриполитические процессы.

Вторым ключевым вызовом для страны является ее социально-экономическое положение. По такому значимому показателю, как ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, Молдова по итогам 2016 г. (5000 долл.) сопоставима с такими странами, как Пакистан (4900 долл.) и Никарагуа (5200 долл.), и в несколько раз уступает Грузии (9300 долл.), Беларуси (16 700 долл.) и Румынии (22 000 долл.) [5]. Страна потребляет гораздо больше, чем производит: в 2016 г. при общем внешнеторговом обороте примерно в 6 млрд долл. импорт превышал экспорт почти на 2 млрд долл. [6] Основной предмет экспорта – сырьевые продовольственные товары (семена подсолнечника и зерно), переработанное давальческое сырье (текстильные изделия и обувь) и некоторые комплектующие для машиностроения (например, кабели). Дефицит платежного баланса покрывается в первую очередь за счет отчислений от работающих за границей молдаван (около 1,1 млрд долл. по итогам 2016 г.), а также внешней финансовой помощи в виде льготных кредитов и грантов, которая достигает объема 450 млн евро ежегодно [7]. Вследствие этих факторов экономика Молдовы крайне неустойчива к внешним шокам, в том числе сокращению доходов мигрантов на российском рынке труда. Так, трансферты из стран СНГ (среди которых полностью доминирует Россия) значительно упали вследствие кризиса в России, и если в 2013 г. они составляли 66 % от общего объема трансфертов, то сегодня не более 37 % (доля стран ЕС выросла с 19 до 30 %). При этом в общем трансферты снизились с 1,6 млрд долл. (2013 г.) до 1,1 млрд долл. (2016) [8]. В итоге страна вынуждена все больше занимать, и внешний государственный долг на данный момент составляет около 43 % ВВП [9].

Третий вызов, во многом связанный со вторым, – это отсутствие стабильно функционирующих политических и рыночных институтов, которые бы позволили стране гибко и эффективно выстраивать систему государственного управления. Здесь наблюдается классическое для постсоветских стран сращивание власти и собственности, вследствие чего основные экономические ресурсы концентрируются в руках того партийно-политического клана, который находится в данный момент у власти. Следствием этого становится олигархизация власти по аналогии с Украиной и Грузией, где центральной фигурой правящей элиты является крупный олигарх, имеющий интересы во всех прибыльных отраслях национальной экономики. Соответственно, если говорить о реформах в европейском духе, то они имеют в Молдове пока призрачные

перспективы. Их скорее можно рассматривать не как сущностное изменение социально-политических практик в сторону большей транспарентности, децентрализации или демократизации, а как технический процесс выстраивания тех или иных систем государственного управления (от таможни и нетарифного регулирования до управления национальным энергорынком) в формальном соответствии с европейскими шаблонами.

Соответственно, для Молдовы свойственны такие носящие системный характер проблемы, как избирательная юстиция, слабость гражданского общества и ограниченное влияние независимых СМИ. Частично эти проблемы сглаживаются за счет присутствия в стране больших объемов иностранного финансирования (в первую очередь из стран ЕС и США), которое теперь направляется не только государству, но и напрямую неправительственным организациям, экспертному сообществу и СМИ. Однако доминирующим в стране является все-таки положение СМИ и НКО, так или иначе аффилированных с государством.

Четвертым вызовом стал приднестровский конфликт. Проблема в связи с этим состоит даже не в том, что был разрушен единый хозяйственный комплекс Молдавской Советской Социалистической Республики (МССР) или возможно возвращение к военно-политическому противостоянию между двумя берегами Днестра, а в том, что ситуация неурегулированности усиливает войны идентичности в современной Молдове. Для правых этот конфликт – свидетельство имперской политики Москвы, а для левых – основание для постоянных заявлений о стремлении объединить страну, укрепить государственность и противопоставить ее Румынии.

Кроме этого, приднестровский конфликт является одним из существенных факторов, который втягивает страну в геополитическую конкуренцию между Россией и Западом в Восточной Европе. Для России он важен и с точки зрения демонстрации своей роли ключевой региональной державы, и в контексте противостояния с НАТО, а на Западе этот конфликт склонны на данный момент вписывать в общую антироссийскую цепочку эквивалентности с конфликтами в Украине или Грузии. В результате внутри- и внешнеполитический дискурс вокруг Молдовы оказывается сфокусированным на вопросе о выводе российских войск, реинтеграции страны, что препятствует обсуждению более значимых проблем, стоящих перед ней.

Этапы развития

Учитывая все эти четыре вызова, можно сказать, что Молдова с самого начала своего существования пока так и не вступила на путь поступательного развития и стабильности. Тем не менее можно выделить как минимум два этапа в постсоветской истории этой страны, каждый из которых имеет свои отличительные особенности.

На первом этапе, который хронологически можно обозначить как 1990-е гг., Молдова переживала период транзита, когда ломалась старая, заложенная Советским Союзом модель общественного развития и еще не сформировалась новая. Среди наиболее значимых кризисов, через которые прошла Молдова в то время, можно выделить: войну с Левобережьем, окончившуюся политическим банкротством Народного фронта; гагаузский вопрос, решенный мирным путем в 1994 г.; крайне болезненный для Молдовы экономический кризис 1998–1999 гг. На том этапе Молдова была парламентско-президентской республикой, в которой партийные проекты существовали непродолжительное время, а власть не концентрировалась в полной мере в чьих-то одних руках. В результате в 1990-е гг. в Молдове сложились основы для так называемой электоральной демократии, которой в первую очередь характерно наличие относительно свободных и конкурентных выборов и сменяемость власти, как минимум формальная.

Первый этап развития Молдовы в международно-политическом отношении характеризовался тем, что страна не представляла интереса для глобальных игроков либо этот интерес носил неустойчивый характер. Для стран Запада Молдова была страной где-то на границе с Румынией, а также одним из беднейших государств Европы, которому необходимо было оказывать финансовую и гуманитарную помощь по международным и межгосударственным каналам. Российское руководство в определенные моменты уделяло внимание Молдове, особенно в контексте приднестровского урегулирования, но без каких-то попыток играть на внутриполитическом поле Молдовы или оказывать на Кишинев какое-либо политическое давление. В результате Молдова во многом была предоставлена сама себе.

Второй этап хронологически можно увязать с приходом к власти лидера Партии коммунистов Владимира Воронина. За счет наличия парламентского большинства и обладания президентским постом Воронин смог сконцентрировать в своих руках все рычаги власти и начать централизацию политической системы. В Молдове постепенно стал формироваться персоналистский режим, при

котором система власти опирается на увеличившуюся роль партийных лидеров (при фасадном значении самих партий), негласный контроль над ключевыми медиа, инкорпорацию лояльных бизнес-групп. После пребывания у власти В. Воронина (2001–2009 гг.) и лидера Либерально-демократической партии Влада Филата (2009–2015 гг.) модель персоналистского режима окончательно обрела четкие очертания при лидере ныне правящей в Молдове Демократической партии Владе Плахотнюке.

В. Плахотнюк является крупнейшим бизнесменом Молдовы и открыто контролирует медиаимперию, в которую входят крупнейшие телеканалы страны, а также имеет крупные активы в гостиничном, девелоперском и рекламном бизнесе [10]. При этом для утверждения своей власти он жестко расправился со всеми своими основными противниками: экс-премьер В. Филат и бизнесмен Вячеслав Платон находятся в тюрьме, а бизнесмены братья Цопа (с которыми ассоциируют одного из самых влиятельных правых оппозиционеров Андрея Нэстасе) и лидер «Нашей партии» и предприниматель Ренато Усатый вынуждены жить за границей. На обломках распадающихся партийных фракций в парламенте было создано парламентское большинство, несмотря на то что по результатам выборов 2014 г. Демократическая партия обладала лишь 19 мандатами из 101. Сам В. Плахотнюк не скрывает своих политических амбиций: так, в январе 2016 г. он хотел стать премьер-министром, но его кандидатура была отклонена президентом Тимофти [11]. Сейчас страна живет в ожидании того, что после очередных парламентских выборов Демпартия вернется к вопросу о продвижении своего лидера в премьер-министры.

В международно-политическом отношении второй этап в развитии Молдовы характеризуется резким усилением геополитической конкуренции России и коллективного Запада за возможность определять основные направления внутренней и внешней политики страны. Начало этой конкуренции было положено ситуацией вокруг «Меморандума Козака» в 2003 г., когда Россия, с одной стороны, и обращавшие все большее внимание на Восточную Европу США и ЕС – с другой, столкнулись друг с другом по вопросу о том, кто будет играть ведущую роль в урегулировании приднестровского конфликта и тем самым заложит основы для преимущественного влияния в объединенном молдавском государстве. С тех пор Россия и Запад, сегодня фундаментально не доверяющие друг другу, стали делать свои ставки как в приднестровском урегулировании, так и в молдавской внутренней политике. В 2009 г. с приходом к власти после так называемой твиттер-революции Альянса за европейскую

интеграцию влияние коллективного Запада в Молдове начало неуклонно расти. Москва крайне негативно отреагировала на подписание соглашения об ассоциации Молдовы с Европейским союзом, которое фактически перечеркивало всяческие перспективы на углубление участия Молдовы в постсоветской / евразийской интеграции. В этой связи был применен ряд политических и экономических мер, которые, однако, не изменили внешнеполитической ориентации Молдовы и в итоге стали одним из ключевых факторов, которые привели к снижению влияния Москвы на Кишинев.

Усиление геополитической конкуренции вокруг Молдовы дало локальным элитам уникальную возможность выражать свою лояльность внешним игрокам и получать от них за это политическую, финансово-экономическую и иную поддержку. Именно геополитический фактор играет ключевую роль в сохранении поддержки ныне правящей Демократической партии со стороны коллективного Запада, прежде всего США и Румынии, несмотря на симуляцию молдавскими властями политических и институциональных реформ и откровенно антидемократические инициативы вроде изменения за год до выборов избирательной системы с пропорциональной на смешанную. Доминирование в международной повестке геополитического дискурса о противостоянии России и Запада предопределило во многом и ряд политтехнологических акций Демпартии, начиная с беспрецедентной высылки пяти российских дипломатов и заканчивая объявлением персоной нон грата Дмитрия Рогозина и скандального запрета на въезд журналиста «Комсомольской правды» Дарьи Асламовой [12].

Тем не менее говорить о том, что нынешняя модель политического режима в Молдове обрела черты чистого авторитаризма, нельзя. Сложившаяся система власти носит неустойчивый характер как по внутренним, так и по внешним причинам. Несмотря на определенную лояльность Партии социалистов нынешнему правящему режиму и слабость правой оппозиции, левый и правый фланги сохраняют поддержку большинства электората, что не может не учитываться Демпартией. У правых и левых есть свои серьезные медиаресурсы, а также партактив, который они могут использовать для организации протестов. Демпартия не может не инкорпорировать эти политические силы: так, Игорь Додон стал президентом Молдовы, и скоро между социалистами и правыми развернется борьба за пост мэра Кишинева.

Если говорить о внешнем контуре, то многие западные партнеры Молдовы, особенно в странах ЕС, настроены сегодня скептически в отношении перспектив сотрудничества с нынешним парламент-

ским большинством. Молдова почти утратила доступ к щедрым грантовым фондам Евросоюза, и большинство получаемого ею ныне финансирования носит характер кредитов, пусть и льготных. Градус политического напряжения между Молдовой и ЕС ярко проявился тогда, когда уже бывший глава Миссии ЕС в Кишиневе Пирка Тапиола демонстративно отказался участвовать в мероприятиях, организуемых благотворительным фондом В. Плахотнюка «Эдельвейс», за что подвергся критике со стороны властных СМИ [13]. Очевидно, что страны ЕС и даже США переходят сегодня к мягкому давлению на Демпартию через увеличение прямого финансирования молдавских СМИ и некоммерческих организаций.

Заключение

Сегодня в Молдове мы наблюдаем призрачную стабильность, которая может рухнуть из-за неспособности правительства получить новый международный кредит для рефинансирования старых долгов и достижения макрофинансовых целей, очередного всплеска протестной активности в обществе или просто появления нового сильного лидера – на левом или правом фланге.

Однако ключевой вопрос для Молдовы состоит в том, способна ли она будет уйти от модели, при которой доминирует один политико-экономический клан, стремящийся взять под контроль все ключевые властные рычаги и бизнес-активы в стране. Для того чтобы в Молдове возникла устойчивая система политических и рыночных институтов, ей, по всей видимости, необходимо выстроить заново систему сдержек и противовесов, которая обеспечит сбалансированность и инклюзивность политической системы и развернет ее к подлинной реализации «европейской идеи».

Кроме этого, Молдова должна уходить от геополитических ловушек – как реальных, так и мнимых. Постоянное воспроизводство во внутриполитической жизни геополитической повестки на самом деле подрывает развитие молдавского государства. Уход от радикальных геополитических дискурсов внутри страны, возможно, позволит Молдове также более сбалансированно подойти к вопросу о том, как выстраивать адекватную конструкцию отношений и с Россией, и с Западом. В свою очередь, Россия и Запад, скорее всего, рано или поздно придут к пониманию того, что Молдова является пограничным пространством, которое не может быть эксклюзивной «зоной влияния» ни одного из них.

Литература

1. Санду: ЕС не позволит Румынии «проглотить» Молдову [Электронный ресурс] // NOI.md. 2017. 14 сент. URL: http://www.noi.md/ru/news_id/244631 (дата обращения 7 марта 2018).
2. Barometrul Opiniei Publice, aprilie 2017 [Электронный ресурс] // Institutul de Politici Publice. URL: http://ipp.md/old/public/files/Barometru/Magenta_BOP_final_v3_27_apr.pptx (дата обращения 7 марта 2018).
3. Transnistrian conflict. Origins and main issues. Background information paper issued by the OSCE Conflict Prevention Centre in 1994 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osce.org/moldova/42308?download=true> (дата обращения 7 марта 2018).
4. Девятков А. Молдова между европейским и постсоветским проектами интеграции // Мир перемен. 2017. № 2. С. 161–174.
5. Moldova GDP per capita PPP 1990–2018 [Электронный ресурс] // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/moldova/gdp-per-capita-ppp> (дата обращения 7 марта 2018).
6. Activitatea de comer exterior a Republicii Moldova în anul 2016 [Электронный ресурс] // Biroul National de Statistică al Republicii Moldova. URL: <http://www.statistica.md/newsview.php?l=ro&idc=168&id=5526&parent=0> (дата обращения 7 марта 2018).
7. Raportul cu privire la asistența oficială pentru dezvoltare, acordată Republicii Moldova în 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://amp.gov.md/portal/sites/default/files/inline/oda_raport_2016.pdf (дата обращения 7 марта 2018).
8. Переводы денежных средств из-за границы, осуществленные в пользу физических лиц через банки Республики Молдова в 2016 году (чистые платежи) [Электронный ресурс] // Национальный банк Молдовы. URL: <http://bnm.md/ru/content/perevody-denezhnyh-sredstv-iz-za-granicy-osushchestvlyonnye-v-polzu-fizicheskikh-lic-cherez> (дата обращения 7 марта 2018).
9. Moldova. Economic update. May 4, 2017 [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/240851504881792886/Moldova-Economic-Update-2017-Spring-FINAL-vol2-ENG.pdf> (дата обращения 7 марта 2018).
10. Досье: Владимир Плахотнюк [Электронный ресурс] // Crime Moldova. URL: <https://ru.crimemoldova.com/dossier/vladimir-plakhotnyuk/> (дата обращения 7 марта 2018).
11. Президент Молдавии отклонил кандидатуру Владимира Плахотнюка на пост премьера [Электронный ресурс] // ТАСС. 2016. 13 янв. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2583837> (дата обращения 7 марта 2018).
12. Девятков А. Рогозин нон грата [Электронный ресурс] // Intersection. 2017. 14 авг. URL: <http://intersectionproject.eu/ru/article/russia-europe/rogozin-non-grata> (дата обращения 7 марта 2018).
13. Посла ЕС в Молдове Пиркку Тапиолу обвиняют в не дипломатичности [Электронный ресурс] // Аналитический портал AVA. 2016. 18 дек. URL: <https://ava.md/2016/12/18/posla-es-v-moldove-pirkku-tapiolu-obvinyayut/> (дата обращения 7 марта 2018).

References

1. Sandu: the EU will not allow Romania to “swallow” Moldova [Internet]. NOI.md. 2017. 14 Sept. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: http://www.noi.md/ru/news_id/244631 (In Russ.)
2. Institute for Public Policy. Public Opinion Barometer, April 2017 [Internet]. Institutul de Politici Publice. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: http://ipp.md/old/public/files/Barometru/Magenta_BOP_final_v3_27_apr.pptx
3. Transnistrian conflict. Origins and main issues. Background information paper issued by the OSCE Conflict Prevention Centre in 1994 [Internet]. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: <http://www.osce.org/moldova/42308?download=true>
4. Devyatkov A. Moldova between the European and Post-Soviet integration projects. A world of change. 2017;2:161-74. (In Russ.)
5. Moldova GDP per capita PPP 1990-2018 [Internet]. Trading Economics. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: <https://tradingeconomics.com/moldova/gdp-per-capita-ppp>
6. Foreign trade of the Republic of Moldova in 2016 [Internet]. Biroul National de Statistică al Republicii Moldova. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: <http://www.statistica.md/newsview.php?l=ro&idc=168&id=5526&parent=0>
7. Report on the official external aid obtained by the Republic of Moldova in 2016 [Internet]. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: http://amp.gov.md/portal/sites/default/files/inline/oda_raport_2016.pdf
8. Remittance from abroad made through the Moldovan banks in favor of the citizens of the Republic of Moldova in 2016 [Internet]. National Bank of Moldova. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: <http://bnm.md/ru/content/perevodny-denezhnyh-sredstv-iz-za-granicy-osushchestvlyonnye-v-polzu-fizicheskikh-lichezh> (In Russ.)
9. Moldova. Economic update. May 4, 2017. Worldbank.org [Internet]. The World Bank. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/240851504881792886/Moldova-Economic-Update-2017-Spring-FINAL-vol2-ENG.pdf>
10. Dossier: Vlad Plahotniuc [Internet]. Crime Moldova. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: <https://ru.crimemoldova.com/dossier/vladimir-plahotnyuk> / (In Russ.)
11. Moldovan president rejected the candidature of Vlad Plahotniuc for the position of prime-minister. ITAR-TASS [Internet]. TASS. 2016. 13 Jan. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2583837> (In Russ.)
12. Devyatkov A. Rogozin is non-grata [Internet]. Intersection. 2017. 14 Aug. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: <http://intersectionproject.eu/ru/article/russia-europe/rogozin-non-grata> (In Russ.)
13. EU Ambassador to Moldova Pirkka Tapiola is accused of being undiplomatic. Ava.md [Internet]. Analytical portal AVA. 2016. 18 Dec. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: <https://ava.md/2016/12/18/posla-es-v-moldove-pirkku-tapiolu-obvinyayut/> (In Russ.)

Информация об авторе

Андрей В. Девятков, кандидат исторических наук, Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия; 117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 32; devyatkovav@gmail.com

Information about the author

Andrey V. Devyatkov, PhD in History, Russian Academy of Sciences Institute of Economy, Moscow, Russia; bld. 32, Nakhimovskii av., Moscow, Russia, 117418; devyatkovav@gmail.com

Транзит власти в Казахстане: новые подходы Астаны

Ирина А. Баскакова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, irenthe1st@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассмотрен очередной этап конституционной реформы в Казахстане. В принятую в 1995 г. Конституцию изменения уже вносились в 1998 и 2000 гг., в основном с целью увеличения объема полномочий президента, изменения сроков проведения очередных президентских выборов. В последние годы, как показывает автор, преобладает тенденция аккуратной демократизации системы управления. В этом смысле показательны события 2011 г. Предложение о проведении референдума с целью продления полномочий действующего президента до 2020 г., исходившее от инициативной группы граждан, было одобрено парламентом страны, но заблокировано президентом. Однако сразу после этого Н. Назарбаев провел досрочные президентские выборы.

Реформа 2017 г. формально направлена на перераспределение полномочий в пользу правительства и парламента. Тем не менее реальное содержание принятых поправок не столь однозначно. Важно, что конституционная реформа не ограничивается только этими темами. Внесенные изменения также касаются создания Международного финансового центра «Астана» и его юридического статуса, внесения дополнительных формулировок в статью об унитарности и территориальной целостности государства. При этом не был отменен запрет на владение землей иностранцами, поскольку данный вопрос является очень чувствительным для казахстанского общества.

Ключевые слова: международные отношения, власть, Казахстан, выборы, Назарбаев, конституционная реформа

Для цитирования: Баскакова И.А. Транзит власти в Казахстане: новые подходы Астаны // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1(11). С. 149–161. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-149-161

Transit of Power in Kazakhstan: Astana's New Approaches

Irina A. Baskakova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, irenthe1st@yandex.ru*

Abstract. The article considers the next stage of the constitutional reform in Kazakhstan. In the Constitution adopted in 1995, the changes in the past were already made in 1998 and 2000, mainly with the aim of increasing the scope of the President's powers, changing the timing of the next presidential elections. In recent years, the trend of careful democratization of the management system has prevailed. The events of 2011 are indicative. The proposal to hold a referendum with the aim of extending the powers of the incumbent President until 2020, proceeding from the initiative group of citizens, was approved by the country's parliament, but blocked by the President. However, right after that N. Nazarbayev held early presidential elections.

The reform of 2017 is formally aimed at redistributing powers in favor of the government and parliament. Nevertheless, the real content of the adopted amendments is not so unambiguous. It is important that the constitutional reform is not limited to these topics only. The amendments are also related to the creation of the International Financial Center "Astana" and its legal status, the introduction of an additional language into the article on the unitarity and the territorial integrity of the state. At the same time, there was no abolition of the ban on the possession of land by foreigners, a very sensitive issue for the Kazakh society.

Keywords: international relations, power, Kazakhstan, elections, Nazarbaev, constitutional reform

For citation: Baskakova IA. Transit of Power in Kazakhstan: Astana's New Approaches. *RSUH/ RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;1(11):149-61. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-149-161

Введение

2017 г. начался для Республики Казахстан (РК) с очередной конституционной реформы, которая подняла волну дискуссий о проблеме транзита власти. Напомним, что 76-летний Нурсултан Назарбаев – единственный из лидеров государств СНГ, находящийся у власти еще с советских времен. Имена возможных преемников часто обсуждаются в местных СМИ уже более 10 лет. Официальная Астана, разумеется, от подобных дискуссий дистанцируется. Однако это ни в коей мере не означает, что она не предпринимает меры, которые могут способствовать мягкому и успешному переходу власти к преемнику Н. Назарбаева. В частности на это направлена конституционная реформа, проведенная в Казахстане в 2017 г.

Ключевой целью реформы было объявлено перераспределение власти и увеличение роли парламента и правительства. В данной связи важным представляется анализ того, насколько реальным является это перераспределение, какие возможности для проведения собственного курса остаются в руках у президента, несмотря на новые полномочия парламента и правительства. Кроме того, реформа затрагивает еще несколько важных для современного Казахстана вопросов, о которых будет сказано ниже. Необходимо сравнить итоги реформы 2017 г. с реформами 1998 и 2007 гг., а также с событиями 2011 г., когда изменения в Конституцию вносились с использованием более сложного сценария. Не менее важно выявить, какие факторы повлияли на решения властей по очередному реформированию Основного закона страны в 2017 г.

Указанные реформы всегда становились объектом большого внимания не только местных СМИ, но и экспертного сообщества страны. В первую очередь следует упомянуть публикации Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ), ведущего аналитического центра Казахстана, а также Института мировой экономики и политики (ИМЭиП), в стенах которого в апреле 2017 г. был проведен круглый стол «Конституционная реформа в свете модернизации 3.0». Большое внимание анализу последней реформы уделено в публикациях известного казахстанского

политолога Андрея Чеботарева, который считает их незавершенными, хотя в целом оценивает положительно.

Несмотря на то что последняя конституционная реформа достаточно подробно освещалась в российских СМИ, ей посвящено лишь небольшое количество публикаций экспертов и представителей академического сообщества РФ.

Конституции и конституционные реформы в период с 1993 по 2007 г.

Первая Конституция РК была принята в 1993 г. Казахстан провозглашался парламентской республикой [1], хотя фактически уже тогда он был полупрезидентской республикой. Однако принятая Конституция не во всем способствовала выстраиванию эффективной властной структуры. Более того, середина 1990-х гг. – это период противостояния между президентом и Верховным советом страны, завершившийся роспуском последнего, проведением референдума о продлении президентских полномочий до 2000 г. и принятием в 1995 г. на всенародном референдуме новой Конституции.

Согласно новому Основному закону, Казахстан стал президентской республикой [2]. В 1998 и 2007 гг. в текст Конституции были внесены изменения, касающиеся принципа избрания депутатов парламента (депутаты нижней палаты стали избираться только по партийным спискам, был установлен семипроцентный избирательный барьер для партий). Абсолютное большинство в парламенте имела и имеет президентская партия «Нур Отан». При этом реформа 1998 г. увеличивала срок президентских полномочий до семи лет [3]. Реформа 2007 г. вновь уменьшала его до пяти, но объем полномочий был значительно увеличен. Кроме того, для первого президента Казахстана еще и отменялось ограничение на количество переизбраний [4].

В 2011 г. казахстанские власти выбрали другой сценарий реализации конституционной реформы. Он должен был, с одной стороны, продемонстрировать приверженность Казахстана демократическим нормам, а с другой – ни в коей мере не мешать сохранению власти в руках Н. Назарбаева. Еще весной 2010 г. был принят закон, закрепляющий особый статус первого президента РК – лидера нации (Елбасы): он не может быть подвержен задержанию, аресту и личному досмотру, привлечен к уголовной или административной ответственности за деяния, совершенные им в период исполнения полномочий президента, а после их прекращения – связанные с осуществлением своего статуса первого президента Казахстана,

лидера нации. Была закреплена необходимость согласования с первым президентом – лидером нации – вопросов передачи госорганам и должностным лицам права инициирования важных вопросов, касающихся государственного устройства и безопасности страны, а также разрабатываемых инициатив по внутренней и внешней политике государства [5].

Казалось, что с учетом опыта предыдущих лет дальнейшее развитие ситуации очевидно. 23 декабря 2010 г. в Усть-Каменогорске было проведено собрание с целью создания инициативной группы, которая предложила бы всем казахстанцам продлить полномочия первого президента страны до 2020 г. Все выглядело подчеркнуто статусно. Участниками собрания были более 850 человек: депутаты различных уровней, а также политические и общественные деятели. Естественно, решение о референдуме было одобрено. К началу января 2011 г. подписи граждан, выступавших за проведение референдума, были собраны, парламент инициативу поддержал и принял соответствующий закон [6].

Однако последующее развитие событий было быстрым и неожиданным. Президент Назарбаев наложил на уже принятый закон вето, которое парламент преодолел. В свою очередь Конституционный совет¹ 31 января 2011 г. признал этот закон неконституционным [7]. Референдум был отменен. Естественно, можно увидеть в этом некоторую игру и желание властей продемонстрировать, что от базовых норм демократии они отказываться не будут. Необходимо напомнить, что этот период – время начало «арабской весны», что, вероятнее всего, оказало влияние на то, каким образом Астана реализовала планируемые изменения.

Сразу же после отмены референдума парламентом были приняты другие поправки в Конституцию – о наделении президента правом объявления досрочных президентских выборов. На этот закон Н. Назарбаев вето накладывать не стал, и изменения вступили в силу [8]. Более того, он незамедлительно ими воспользовался. Внеочередные выборы состоялись 3 апреля 2011 г. – через два месяца после внесения изменений в Конституцию.

Вновь этим правом Н. Назарбаев воспользовался в начале 2015 г., чтобы провести досрочные выборы на год раньше окончания очередного президентского срока. Как известно, падение цен на энергоносители и проблемы российской экономики имели

¹ Конституционный совет (КС) – «государственный орган, обеспечивающий верховенство Конституции Республики Казахстан на всей территории Республики» (подробнее см.: [9]).

очень негативные последствия для РК. В условиях экономического кризиса и резкого замедления экономического роста [10] власти решили не рисковать и провести президентские выборы раньше установленного срока. Формально с этой инициативой выступила Ассамблея народа Казахстана (АНК). В своем обращении члены Совета АНК призвали «в это непростое время... всех казахстанцев сплотиться вокруг Лидера нации Нурсултана Абишевича Назарбаева. Важно через досрочное проведение президентских выборов укрепить рост экономики, обеспечить преемственность проводимой политики» [11]. Выборы состоялись 26 апреля 2015 г.

Реформа 2017 г.

Вслед за досрочными президентскими выборами 2015 г. в начале 2016 г. были проведены досрочные парламентские выборы в Мажилис (нижнюю палату парламента). Формально с инициативой выступили сами депутаты всех трех парламентских фракций, заявив о необходимости получения «нового мандата доверия избирателей» [12]. В новом парламенте большинство (82,15 %) получила правящая партия «Нур Отан», практически повторив результат 2012 г. (80,99 %). Показательно, что в этот раз электоральный цикл был полностью завершен до начала новой волны народных выступлений. Напомним, что в декабре 2011 г. (т. е. после проведения президентских выборов, но до очередных парламентских выборов) волнения вспыхнули в Мангистауской области. Требования протестующих носили экономический характер.

Новая волна протестов прокатилась весной 2016 г. Протестующие выступали против поправок в Земельный кодекс, которые разрешали бы покупку земли иностранцам. Кроме того, на фоне продолжающегося экономического кризиса звучали и экономические требования [13]. В начале июня 2016 г. в г. Актобе произошел теракт (впервые с 2011 г.), что также негативно отразилось на обстановке в стране.

Сложная внутривластная ситуация, а также сохраняющаяся необходимость подготовки к смене власти (разумеется, в перспективе) стали причинами проведения новой конституционной реформы. Впервые публично эту идею Н. Назарбаев представил 5 декабря 2016 г. на торжественном собрании, посвященном 25-летию независимости Казахстана. Сразу после новогодних праздников, 11 января 2017 г., указом президента была создана Специальная рабочая группа по вопросам перераспределения полномочий между ветвями государственной власти.

При этом масштабных подготовительных мероприятий, конференций и т. д., как, например, в 2007 г., не проводилось [14]. Власти ограничились обсуждением изменений в парламенте и общественной дискуссией. Более того, неизвестно, были ли учтены какие-либо из 6 тыс. предложений, поступивших от граждан. Тем не менее 10 марта 2017 г., всего через два месяца после начала деятельности Специальной рабочей группы, президент подписал принятый парламентом закон о внесении изменений в Конституцию [15].

Что касается распределения полномочий, то реформы в этой сфере носят двойственный характер.

Согласно принятым поправкам, состав правительства теперь будет формироваться при участии парламента. Премьер-министр будет слагать полномочия не перед вновь избранным президентом, как сейчас, а перед вновь избранным Мажилисом. При этом за президентом, во-первых, остается право назначения министров иностранных дел, внутренних дел и обороны. Во-вторых, все утвержденные парламентом кандидатуры министров экономического и социального блока должны проходить процедуру согласования с главой государства, тогда как ранее они просто назначались указом президента [16].

Правительство получает полномочия по утверждению госпрограмм, а также системы финансирования и оплаты труда бюджетников. Президент не сможет отменять или приостанавливать действия актов правительства и премьер-министра. Законы может принимать только парламент – президент отказался от этих полномочий [17].

Однако свои решения правительство по-прежнему обязано согласовывать с президентом. Более того, в случае необходимости президент «в интересах защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения национальной безопасности, суверенитета и целостности государства» имеет право обратиться в Конституционный совет, который, в свою очередь, может отменить то или иное правительственное решение, не соответствующее Конституции Казахстана. При этом трое из семи членов КС назначаются президентом [16].

Важное изменение внесено в статью 91. Если раньше пункт 2 этой статьи формулировался следующим образом: «Установленные Конституцией унитарность и территориальная целостность государства, форма правления республики не могут быть изменены», то теперь говорится об «установленных Конституцией *независимости государства* (курсив мой. – И. Б.), унитарности и территориальной целостности Республики, форме ее правления...» [18].

Необходимость этого изменения была вызвана периодически возникающими дискуссиями, особенно в рядах националистически настроенной оппозиции, об угрозе суверенитету Казахстана из-за участия страны в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Власти посчитали нужным еще раз подчеркнуть, что участие в интеграционных объединениях, прежде всего в ЕАЭС, не несет угрозы суверенитету государства.

В своих публичных заявлениях Н. Назарбаев периодически подчеркивает незыблемость независимости Казахстана. К сожалению, иногда его вынуждает это делать риторика отдельных российских политиков. Например, в августе 2014 г. президент РК заявил: «Если не будут выполняться правила, описанные в договоре, Казахстан имеет право выйти из ЕАЭС... Независимость – это самое главное наше богатство» [19]. Представители некоторых российских СМИ случайно или намеренно связали эти слова с заявлением президента России В. Путина о том, что президент Казахстана создал государственность казахов. Однако приведенная выше цитата – это достаточно дипломатичный ответ на жесткое и недипломатичное высказывание Владимира Жириновского (особенно неуместное с учетом украинского кризиса и того, как присоединение Крыма толковалось некоторыми представителями казахстанской оппозиции) о территориальных претензиях к Казахстану: «Пока подождем. Давайте с Украиной разберемся. Казахстан член Таможенного союза. Но там тоже русофобские настроения культивируют» [20]².

В том же пункте 2 статьи 91 еще раз был прописан особый статус Н. Назарбаева: независимость, форма правления, а «также основополагающие принципы деятельности Республики, заложенные Основателем независимого Казахстана, Первым Президентом РК – Елбасы, и его статус являются неизменными» [18].

Еще одно изменение касается статуса Астаны. В целях закрепления в Конституции статуса Международного финансового центра (МФА) «Астана», регулируемого конституционным законом,

² В России все привыкли спокойно относиться к любым высказываниям В. Жириновского. Однако не будем забывать, что он не только лидер парламентской партии и участник практических всех президентских выборов в современной России, но и вице-спикер Государственной думы РФ. Заявления В. Жириновского легко могут преподноситься казахстанскими противниками евразийской интеграции как официальная позиция России. Еще одним ярким примером его «имперской» риторики являются прозвучавшие в феврале 2014 г. слова о необходимости создания «среднеазиатского федерального округа».

новый пункт 3-1 статьи 2 Конституции дополнен нормой о том, что в городе Астане может быть установлен особый правовой режим в финансовой сфере. Эта норма вызывает сомнения у некоторых известных казахстанских юристов как вступающая в противоречие с унитарным характером государства. Однако в этой сфере реформа, несмотря на принятие закона об МФА «Астана» и поправок в Конституцию, не завершена.

С учетом событий весны 2016 г. не стали вноситься предлагавшиеся поправки к статье 26 Конституции, которые разрешили бы владение землей иностранным гражданам. Для Казахстана это вопрос очень чувствительный. Подобные инициативы иногда звучат в общественных дискуссиях и обсуждались в процессе реформы, но большой поддержки не находят.

Заключение

За прошедшие с момента принятия первой Конституции 25 лет у Казахстана накопился большой опыт реформирования Основного закона. Если все предыдущие реформы в значительной степени были направлены на укрепление президентской власти, то последние изменения свидетельствует о курсе на некоторую, пусть и очень аккуратную, либерализацию, создавая возможности для увеличения роли парламента и правительства в принятии решений, но сохраняя возможности для влияния президента на эти решения. Хочется надеяться, что это будет способствовать реальному перераспределению полномочий и сохранению стабильности в республике в тот момент, когда Н. Назарбаев отойдет от власти.

Еще раз в рамках реформы особое внимание было обращено на суверенитет Казахстана. Данный вопрос часто становится объектом общественных дискуссий. Учитывая, какое значение придается этой теме в Казахстане, для России важно избегать в публичном пространстве заявлений, которые могут быть расценены казахстанской оппозицией как пример «имперских амбиций Москвы». Иначе дальнейшая интеграция в рамках ЕАЭС и в целом ее существование в нынешнем формате станут невозможными.

Неоднозначными выглядят конституционные поправки, касающиеся МФА «Астана». Этот проект имеет приоритетное значение для властей республики и, что важно для России, включается в концепцию развития финансового рынка ЕАЭС. Однако принятые поправки – это только первый шаг на пути создания МФА.

Россия крайне заинтересована в успешном транзите президентской власти в Казахстане. Это будет иметь большое значение для

развития двустороннего сотрудничества, с учетом того, что Казахстан является ключевым партнером Москвы в Центральной Азии, участником ЕАЭС, Организации Договора коллективной безопасности (ОДКБ), а также площадкой для проведения межсирийских переговоров.

Литература

1. Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 г. [Электронный ресурс] URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=1010212#pos=0;0
2. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г.) (первоначальная редакция, действовавшая до внесения изменений и дополнений от 07.10.1998) [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1105029#pos=0;0 (дата обращения 7 марта 2018).
3. Закон Республики Казахстан от 7 октября 1998 г. № 284-І «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1010769#pos=0;77 (дата обращения 7 марта 2018).
4. Закон Республики Казахстан от 21 мая 2007 г. № 254-ІІІ «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30103613 (дата обращения 7 марта 2018).
5. Конституционный закон Республики Казахстан от 14 июня 2010 г. № 289-ІV «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан по вопросам совершенствования законодательства в сфере обеспечения деятельности Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации» [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30762094 (дата обращения 7 марта 2018).
6. Казахстанский парламент одобрил референдум о продлении полномочий Назарбаеву [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2011. 6 янв. URL: <https://m.lenta.ru/news/2011/01/06/senate/amp> (дата обращения 7 марта 2018).
7. «Сомнения Президента страны в конституционности принятого Парламентом закона оказались вполне обоснованными», – И. Рогов [Электронный ресурс] // МИА «Казинформ». 2011. 31 янв. URL: http://www.inform.kz/ru/somneniya-prezidenta-strany-v-konstitucionnosti-prinyatogo-parlamentom-zakona-okazalis-vpolne-obosnovannymi-i-rogov_a2346346 (дата обращения 7 марта 2018).
8. Закон Республики Казахстан от 2 февраля 2011 г. № 403-ІV «О внесении дополнения в Конституцию Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30925295 (дата обращения 7 марта 2018).
9. Конституционный закон Республики Казахстан от 29 декабря 1995 года № 2737 «О Конституционном совете Республики Казахстан» [Электронный

- ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1004022 (дата обращения 7 марта 2018).
10. GDP growth (annual %) – The World Bank Data [Электронный ресурс]. // The World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2016&locations=KZ&start=2009> (дата обращения 7 марта 2018).
 11. Обращение членов Совета Ассамблеи народа Казахстана [Электронный ресурс]. // Ассамблея народов Казахстана. URL: <http://assembly.kz/ru/news/obrashchenie-chlenov-soveta-assamblei-naroda-kazahstana> (дата обращения 7 марта 2018).
 12. Депутаты парламента Казахстана предлагают назначить досрочные выборы [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2016. 13 янв. URL: <https://ria.ru/world/20160113/1358846708.html> (дата обращения 7 марта 2018).
 13. Абдурасулов А. Страх перед Китаем вывел людей в Казахстане на улицы // Русская служба Би-Би-Си. 2016. 29 апр. [Электронный ресурс] URL: http://www.bbc.com/russian/international/2016/04/160429_kazakhstan_land_rent_protests (дата обращения 7 марта 2018).
 14. Морозов А. Конституционная реформа в Казахстане. Продолжение следует [Электронный ресурс] // Ритм Евразии. 2017. 16 марта. URL: <http://www.ritimeurasia.org/news--2017-03-16--konstitucionnaja-reforma-v-kazahstane.-prodolzhenie-sleduet-28978> (дата обращения 7 марта 2018).
 15. Закон Республики Казахстан от 10 марта 2017 г. № 51-VI «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан. [Электронный ресурс] URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32937557 (дата обращения 7 марта 2018).
 16. Атасунцев А. Назарбаев фиктивно раздал власть [Электронный ресурс] // Газета.ru. 2017. 10 марта. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/03/10_a_10568495.shtml#page2 (дата обращения 7 марта 2018).
 17. Кривошеев К., Константинов А. Нурсултан Назарбаев сложил суперпрезидентские полномочия [Электронный ресурс] // Коммерсант.ru. 2017. 6 марта. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3236004> (дата обращения 7 марта 2018).
 18. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г.) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.03.2017). [Электронный ресурс] URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029#pos=1188;-148 (дата обращения 7 марта 2018).
 19. Назарбаев напомнил о праве Казахстана на выход из ЕАЭС [Электронный ресурс] // Tengri News. 2014. 25 авг. URL: http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-napomnil-o-prave-kazahstana-na-vyihod-iz-eaes-260719/ (дата обращения 7 марта 2018).
 20. Стенограмма программы «Ищем выход» от 27 августа 2014 г. [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. URL: <http://echo.msk.ru/programs/exit/1387000-echo/> (дата обращения 7 марта 2018).

References

1. The Constitution of the Republic of Kazakhstan of January 28, 1993 [Internet]. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=1010212#pos=0;0 (In Russ.)
2. The Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted in August 30, 1995 republican referendum) (The initial version, which was in effect before the introduction of changes and additions from 07.10.1998) (In Russ) [Internet]. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1010769#pos=0;77
3. Law of the Republic of Kazakhstan of October 7, 1998, No. 284-I “On Amendments and Additions to the Constitution of the Republic of Kazakhstan” [Internet]. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30103613 (In Russ.)
4. Law of the Republic of Kazakhstan of May 21, 2007 No. 254-III “On Amendments and Additions to the Constitution of the Republic of Kazakhstan” [Internet]. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30762094 (In Russ.)
5. Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan dated June 14, 2010 N 289-IV “On Introduction of Amendments and Supplements to some Constitutional Laws of the Republic of Kazakhstan concerning legislation improvement in the sphere of ensuring activity of the First President of the Republic of Kazakhstan – the Leader of the Nation” [Internet]. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30762094 (In Russ.)
6. Doubts of the President of the country on the constitutionality of the law passed by the Parliament proved to be completely justified [Internet]. Lenta.ru. 2011. 6 янв. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: <https://m.lenta.ru/news/2011/01/06/senate/amp> (In Russ.)
7. Kazakhstan Parliament Approves Nazarbaev’s Term Extension [Internet]. МИА «Казинформ». 2011. 31 Jan. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: http://www.inform.kz/ru/somneniya-prezidenta-strany-v-konstitucionnosti-prinyatogo-parlamentom-zakona-okazalis-vpolne-obosnovannymi-i-rogov_a2346346 (In Russ.)
8. Law of the Republic of Kazakhstan No. 403-IV of 2 February 2011 “On Amending the Constitution of the Republic of Kazakhstan” [Internet]. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30925295 (In Russ.)
9. Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan No 2737 of December 29, 1995 “On the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan” [Internet]. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1004022 (In Russ.)
10. GDP growth (annual %) – The World Bank Data [Internet]. The World Bank Group. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2016&locations=KZ&start=2009>
11. Address of the Council of the Assembly of the People of Kazakhstan [Internet]. Assembly of the People of Kazakhstan. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL:

- <http://assembly.kz/ru/news/obrashchenie-chlenov-soveta-assamblei-naroda-kazahstana> (In Russ.)
12. Members of Kazakhstan Parliament Suggested Early Elections [Internet]. RIA Novosti. 2016. 13 Jan. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: <https://ria.ru/world/20160113/1358846708.html> (In Russ.)
 13. Abdulrasulov A. Fear of China Brought People in Kazakhstan in the Streets [Internet]. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: http://www.bbc.com/russian/international/2016/04/160429_kazakhstan_land_rent_protests (In Russ.)
 14. Morozov A. Constitutional Reform in Kazakhstan. To Be Continued [Internet]. Rhythm of Eurasia. 2017. 16 Mar. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: <http://www.ritmeurasia.org/news--2017-03-16--konstitucionnaja-reforma-v-kazahstane-prodolzhenie-sleduet-28978> (In Russ.)
 15. Law of the Republic of Kazakhstan of March 10, 2017 No. 51-VI "On Amendments and Additions to the Constitution of the Republic of Kazakhstan" [Internet]. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32937557 (In Russ.)
 16. Atasuntsev A. Nazarbayev fictitiously handed over power [Internet]. Gazeta.ru. 2017. 10 Mar. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/03/10_a_10568495.shtml#page2 (In Russ.)
 17. Krivosheev K., Konstantinov A. Nursultan Nazarbaev Gave Up Super Presidential Power [Internet]. Kommersant.ru. 2017. 6 Mar. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3236004> (In Russ.)
 18. The Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted in August 30, 1995 republican referendum) (with amendments and additions as of 10.03.2017) [Internet]. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029#pos=1188;-148 (In Russ.)
 19. Nazarbaev Reminded of Kazakhstan's Right to Leave EAEU [Internet]. Tengri News. 2014. 25 Aug. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-napomnil-o-prave-kazahstana-na-vyihod-iz-eaes-260719/ (In Russ.)
 20. Radio "Echo of Moscow" Transcript "Search for Outcome" (Aug. 27, 2014) [Internet]. Ekho Moskv. (data obrashcheniya 7 Mar. 2018). URL: <http://echo.msk.ru/programs/exit/1387000-echo/> (In Russ.)

Информация об авторе

Ирина А. Баскакова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; irenthe1st@yandex.ru

Information about the author

Irina A. Baskakova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 235993; irenthe1ts@yandex.ru

Художник серии *В.В. Сурков*

Корректор *Е.В. Побережнюк*

Компьютерная верстка *М.Е. Заболотникова*

Подписано в печать 25.03.2018.

Формат 60×90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 10,1. Уч.-изд. л. 10,6.

Тираж 1050 экз. Заказ № 203

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»

Серия «Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»
выходит 4 раза в год.

Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.

Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»

ОАО Агентства «Роспечать» – 71127

Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!